

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

110-летнему юбилею великого вождя
Ким Ир Сена посвящается

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

Издательство литературы на иностранных языках
К Н Д Р
111 чучхе (2022)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отмечается 110-летие великого Ким Ир Сена (15 апреля 1912 г. – 15 апреля 2022 г.).

Все корейцы от всего сердца, с теплотой души глубоко уважают и почитают его. Он был, я бы сказал, человеком, действительно, большой буквы, но не таким, какой встречается только в преданиях и мифологии, а таким человеком, который вместе с простыми людьми смеялся, улыбался, горевал и плакал, вместе с ними окунулся в океан созидания и построения новой жизни.

Его великая жизнь была посвящена делу корейской революции. Он, стоя у ее руля, работал с опережениями времени века. Ким Ир Сен встал на стезю революции, когда ему шел четырнадцатый год. Он долгие годы вел подпольную революционную борьбу. Он – организатор побед двукратных революционных войн корейского народа, двух стадий социальной революции, двух этапов дела восстановления и строительства, строительства социализма разного периода. И, естественно, корейский народ возвеличивает его как на редкость выдающегося политического деятеля, руководителя и стального Полководца.

Однако он, прежде чем быть незаурядным лидером и революционером, был великим человеком. Корейский народ, переживавший вместе с великим Ким Ир Сеном насыщенное потрясающими событиями XX столетие, всем своим существом осознал истину:

у истока истории становления выдающимся руководителем и революционером стоит великий человек и ведомая им революция представляет собой движущую силу священной истории.

По его человеческому обаянию нельзя выразиться иначе, как он, я бы сказал, человек, рожденный небом.

Святые следы его жизни – сгусток высокой интеллектуальности, горячей любви к человеку, несгибаемой духовной силы и простоты быта. Высота его разума стала маяком, озарявшим своим светом путь корейской революции и корейского народа; его беспредельная любовь к человеку – питательной средой в уходе за клумбой человеколюбия; стойкость его духовной силы – источником достоинства и победы корейского народа; высокие качества его как простого гражданина – фундаментом для образования корейцами единого целого в обществе.

Вся его жизнь была прекрасная и в то же время стойкая и благородная. И она становится большой энциклопедией для многочисленных людей в освоении необходимых человеческих качеств и жизни. Пройдя свой жизненный путь, он показал высочайшие качества и облик человека. Великий Ким Ир Сен вечно жив в сердцах и умах корейцев как Солнце человечества.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЖИЗНЬ, ПРОСЛАВЛЕННАЯ СТРАСТЬЮ К ПОИСКАМ ····· 5

Необычный курс обучения, пройденный в практике ····· 6

Чтение – спутник всей жизни ····· 19

Знаток, умеющий вникать в душу всех людей ····· 23

Незаурядная память ····· 31

Светоч мудрости ····· 42

2. ГЛУБОКОЕ ПОКЛОНЕНИЕ НАРОДУ ····· 51

Народ, которому поклоняется он, как небу ····· 52

В центре мышления и действия ····· 59

Неизменное доверие ····· 65

Безграничная человеческая доброта ····· 73

Народный зов – «отец» ····· 86

Великодушие и доброта сердца ····· 103

Любовь к человеку, не знающая госграницы ····· 118

В обретении товарищей – наибольшая радость ····· 125

3. СТОЙКАЯ ДУХОВНАЯ СИЛА 141

Беспримерное дерзание и убеждение 142

Пламенная страсть 162

Задушевный оптимист 172

4. ПРОСТОЙ, НО ВЕЛИКИЙ ГРАЖДАНИН 181

Чистосердечность в мышлении и практике 182

Всю жизнь в народе 194

Скромная жизнь 215

1 ЖИЗНЬ, ПРОСЛАВЛЕННАЯ СТРАСТЬЮ К ПОИСКАМ

Когда речь идет о величии Ким Ир Сена как человека, на первый план ставится, как правило, достигнутая им высокая интеллектуальность.

Его высокоразвитый интеллект отнюдь не является плодом каких-то его врожденных выдающихся качеств. Это результат его неутомимых усилий во всей жизни, характеризирующейся уважительным отношением к интеллекту, глубоким размышлением и упорными поисками.

До последних минут своей жизни он таким настойчивым трудом старался достичь более высокого рубежа интеллекта. И он силой своего разума и правды осветил путь эпохи и истории, путь к решению судьбы народных масс.

Специальным предметом изучения большой науки для него была корейская революция, учителем у него всю жизнь был народ. Его страсть к поискам привела к открытию народным массам пути продвижения вперед, к созданию движущей силы для поднятия всех войск, всего народа на свершение вековых перемен, завоевание побед.

Необычный курс обучения, пройденный в практике / 6

Чтение – спутник всей жизни / 19

Знаток, умеющий вникать в душу всех людей / 23

Незаурядная память / 31

Светоч мудрости / 42

Необычный курс обучения, пройденный в практике

Интеллект человека – общественный продукт. Самое главное средство его развития – образование. Почти большая часть ученых, литераторов мировой славы прошла курс обучения в знаменитых высших учебных заведениях, в которых высок уровень обучения.

Ким Ир Сен никогда не имел возможности повысить уровень своей интеллектуальности в специализированном вузе или в тиши кабинета. Но он так эрудирован, что никто не мог бы ровняться с ним по высоте и диапазону развития интеллекта.

Он, проходя необычный курс обучения, прославлял годы своей жизни, насыщенные размышлением и поиском. Этот курс обучения, отмеченный в его биографии, недвусмысленно отразил горести многострадальной нации колониальной страны.

Осенью 1919 г. его отец, Ким Хен Чжик (10 июля 1894 г. – 5 июня 1926 г.), подвергавшийся репрессиями японских оккупантов, вынужден был перенести опорный пункт своей деятельности в Линьцзян на Северо-Восток Китая. Весной 1920 г. отец направил сына, Ким Ир Сена, на обучение в первом классе Линьцзянской начальной школы.

Попозже семья переселилась в Бадаогоу, и сын, зачисленный во второй класс Бадаогоуской начальной школы, начал учиться с лета 1921 г. по начало 1923 г. В те дни отец сердечно наказывал сыну: человек должен знать свою страну. По его наказу он, пешком преодолев путь в тысячу *ли* (10 *ли* – около 4 км) от китайского поселка Бадаогоу до родного края в Корее – Мангендэ, зачислился в пятый класс Чхандокской школы и учился в ней с начала апреля 1923 г. по январь 1925 г.

В один из январских дней 1925 г., когда он учился в Чхандокской школе, получил весть о том, что его отца опять арестовала японская полиция. Сын с твердой клятвой: не вернусь, пока не будет независимой Корея, снова пешком преодолел тысячу *ли*, добрался до Северо-Востока Китая. Там он, зачисленный в начале апреля 1925 г. в шестой класс Фусунской начальной школы №1, увлекался учебой до весны 1926 г. Отец умер в июне 1926 г. После этого по рекомендации участников движения Армии независимости поступил в 2-летнее военно-политическое училище «Хвасонь-исук», а затем в начале декабря того же года прекратил учение. После выхода из училища он, зачисленный с января 1927 г. во второй класс Юйвэньской средней школы в Гирине, учился в ней для освоения передовой идеологии, а осенью 1929 г. прекратил школьные занятия и, будучи профессиональным революционером, встал на практическую борьбу.

Таков был у него весь курс обучения, пройденный им за всю свою жизнь по программе школьного образования. И то образование в детстве он получил не по систематическому педагогическому процессу, а оно сопровождалось чередой вынужденного зачисления в класс и прекращения учебы. Тем более что в последние годы обучения в училище «Хвасоньисук» и Юйвэньской средней школе в Гирине он не увлекался только одними школьными занятиями. Он энергично вел революционную деятельность с тем, чтобы положить конец полной бедствий истории корейской нации, изнывающей под

военной оккупацией японских империалистов. Осенью 1929 г. он был арестован полицией реакционной военщины, науськиваемой империалистами Японии, и томился в Гиринской тюрьме по начало мая 1930 г. В тюрьме он глубоко размышлял об идеях о победоносном ведении корейской революции и путях их осуществления. После выхода из тюрьмы он выбрал путь в гущу народа, страдающего из-за эксплуатации и гнета грабителей, путь к практической деятельности профессионального революционера. Пойти на это он уже решился. Однако, когда он принял решение бросить учебу в средней школе, чтобы бороться за революцию, настроения у него были довольно сложными. Об этом позже он в своих мемуарах **«В водовороте века»** пишет:

«Когда я решился, наконец, прекратить учиться в средней школе и покинуть Гирин, у меня, собственно, роились в памяти всякие воспоминания. Перед моими глазами всплывали сложные гаммы картин: да, вот он, отец, в трескучий зимний мороз направляет меня одного на Родину, чтобы я учился в родном краю; а как вернусь из школы – он сажает меня за стол, учит меня корейской истории и географии; а вот перед смертью дает он завещание моей матери: «Я так хотел учить сынка, Сон Чжу, в средней школе. Ты не забудь моей последней воли и учи его, Сон Чжу, в средней школе, если даже семье придется три раза в день питаться одной травой».

Да, всего лишь год остался до окончания школы, а тут вдруг отказываюсь учиться! Как это разочарует и огорчит мою мать!.. Ведь она три года не покладая рук стирала чужое белье, шила чужую одежду, чтобы заработать деньги на мое обучение. И как это тяготит моих братишек! И как это будет жаль моим товарищам по школе и друзьям моего отца, которые любили меня так, как любят своих родных, и помогали мне в оплате за образование!

Но я все же думал, что мать-то меня поймет. Так же, как когда отец прекратил учебу в Сунсильской средней школе, она безусловно поддерживала его решимость отказаться от учебы в школе и стать на стезю борьбы как профессиональный революционер. «И если я, ее сын, даже откажусь от учебы не в средней школе, а в вузе, – я был уверен, – она не будет возражать моей решимости, когда это пойдет во имя революции, на благо моей Родины».

Итак, я прекратил учебу в Юйвэньской средней школе и пошел в народ. Могу сказать, что это означало своего рода поворотный пункт в моей жизни. С той поры началось мое подполье, стартовала моя новая жизнь – жизнь профессионального революционера...»

Как видно из всего этого, пройденный им курс обучения сжато показывает несчастную участь подростков и молодых людей бывшей колониальной Кореи – тех, которые, даже проливая горькие, кровавые слезы, не могли осуществить свое желание учиться. Это побуждает людей снова осмыслить достигнутую им высоту интеллекта. Ибо сам интеллект является не врожденной способностью к мышлению, а общественным продуктом. Значит, интеллекта, не имеющего никакого фундамента, никогда не было, да и быть не может.

Пытливый ум и неутомимое мышление были истоком расширения диапазона его знаний. С детских лет его отличало необыч-

ное любопытство. Так, увидит он хоть один предмет, хоть одно явление – не оставит все вне поля внимания. В подходе к каждому делу у него никогда не прекратилось пытливого мышления, пока он не постиг сущность вопроса. В четыре года он, любопытный мальчик, наконец, познал секрет радуги над головой. Однажды он, движимый желанием узнавать, как действует патефон, делал разборку всех деталей граммофона. Эти эпизоды уже ясно показывают, каков был пытливый ум у него в детстве. В годы ученичества в начальной школе он был известен как ученик, который много задает вопросов. Порой даже учителям было трудно дать точные ответы на них.

Давно он считал мистический подход к делу своего рода болезненным явлением. Он думал: болезнь, имя которой – мистицизм, делает человека идиотом с недомыслием. Поговорка гласит: «Голова упитанна, но мозги худы». В подобном человеке он видел самое жалкое существо.

Ким Ир Сена отличили самобытный способ мышления и неистощимая страсть к поискам. За какое бы то ни было дело берешься – неутомимо размышляй, продолжай поиски до познания сути дела, тогда узнаешь, что на свете нет ничего непостижимого, – таково было у него убеждение.

Особо надо отметить, что освоить крупы истины в гуще реальной действительности – это было свойственным ему методом познания сути дела.

Как выше упомянуто, в те годы Ким Хен Чжик, его отец, руководитель антияпонского национального освободительного движения в Корее, в условиях репрессий японских оккупантов, исходя из необходимости революционной работы, был вынужден часто перемещать опорный пункт своей деятельности. И его семья в Мангендэ не раз переселялась в другие места. Так, Ким Ир Сену приходилось не раз перемещаться: в шесть лет – из Мангендэ в село Понхва, в семь лет – обратно, с восьми до четырнадцати лет – из Мангендэ на Северо-Восток Китая туда и обратно. Путь был далек и долог. В те дни Ким Ир Сен близко к сердцу принимал несчастную участь угнетенных и эксплуатируемых народных масс, глубоко познал природу угнетателей и грабителей. Этот процесс зажег в нем искру симпатии к справедливости и правде, помог ему в постепенной закладке фундамента революционного, научного мировоззрения.

Неугасимая страсть к поискам, осознание своей необыкновенной ответственности за самостоятельное открытие нового пути корейской революции толкнули его на учебу в новой академии, имя которой – революционная практика.

В его биографии нет факта окончания какого-то специального вуза или работы в исследовательском учреждении, тем более, службы в какой-то специальной научно-исследовательской организации, в учреждении печати и информации. Короче говоря, во всей его жизни ни разу не было случая, когда довелось увлекаться только размышлением и поиском в тиши кабинета.

Однако это не значит, что в его жизненном пути никогда не представилось ему случая учиться в стационарном университете. В начале 1930-х годов Коминтерн и товарищи рекомендовали Ким Ир Сену пойти на учебу в Москву на коминтерновский университет. В то время он ответил им: чтобы разработать стратегию, тактику, методы ведения корейской революции, следует идти в гущу нашего народа; надо быть среди него и, разделяя с ним горе и радость, общую

судьбу, разработать методологию свершения корейской революции. Я не поеду в Советский Союз; пойду в гущу нашего народа учиться теории и методам ведения корейской революции.

5 декабря 1984 г. он в своей беседе с ответственными работниками партии и государства отметил:

«До сих пор я около 60 лет веду революционную борьбу – и нелегальную революционную борьбу, и вооруженную борьбу, и демократическую и социалистическую революцию, и социалистическое строительство. Но знания, необходимые для революции и строительства нового общества, я почти не получал от какого-то школьного учителя. Часть их, конечно, почерпнул из книг, но большую часть усвоил на практике, находясь с соратниками революции в гуще масс и разделяя с ними горе и радость».

И 1 января 1988 г. он, касаясь методов и стиля деятельности руководящих работников, не без глубокого чувства волнения сказал, что в то время был убежден: о корейской революции лучше всех знает наш народ; чтобы найти стратегию, тактику, методологию корейской революции, надо идти в гущу нашего народа; деля с народом горе и радость, общую судьбу, надо найти методологию свершения корейской революции; помню сейчас, как счастлив был я, что только не поехал в Советский Союз учиться, а пошел в народ и занялся организацией революционной борьбы.

При выборе пути профессионального революционера Ким Ир Сен поставил перед собой цель: освоить все качества, свойственные народу, видя в нем своего учителя. Если практика революции была для него большой специальностью для освоения знаний и поисков, то его самым лучшим учителем был не кто иной, как народ.

И, пользуясь знаменательным случаем своего 70-летнего юбилея, он от всей души отметил: да, народ был моим неизменным защитником, благодетелем, лучшим учителем.

В апреле 1994 г. в своих ответах на вопросы делегации корреспондентов американской телекорпорации Си-Эн-Эн, посетившей КНДР, он отметил: **«…Народ – самый мудрый, эрудированный мой учитель»**. А потом, мысленным взглядом окидывая пройденный им жизненный путь, сказал: **«У народа есть и своя философия, и экономика, и литература. Поэтому всегда я иду в гущу народа и учусь у него»**.

Это его глубокомысленное изречение ясно и сжато характеризует весь процесс истории его руководства корейской революцией, когда он направлял революционную работу и дело строительства нового общества, считая народные массы своим наставником. Как видно из этого, положение о том, что народ и есть учитель, стало его незыблемым кредо во всей жизни, железным законом, полностью воплощенным им в делах и жизни.

Все его размышления, все его поиски в любых вопросах были нацелены на обеспечение народу свободы и счастья, на завоевание победы в революции и строительстве нового общества. Из простых слов, высказанных народом без прикрас, он взял, как правило, зерно и начало своих поисков.

По этому поводу он 14 июня 1980 г. в своей беседе с делегацией Перуанско-корейского общества дружбы и культурных связей отметил: **«Рабочие и крестьяне говорят просто, но в их словах есть зерно истины»**.

Для него, более всего уважающего интеллектуальный потенциал,

народ явился не невежественным существом, подвергающимся только эксплуатации и угнетению, а самым лучшим на свете учителем.

Однажды в 1991 г. Сон Вон Тхэ, соотечественник, проживающий в США, посетил Родину и с теплотой души вспоминал вместе с Президентом Ким Ир Сеном о том, что было у них в далекие времена. Гость не мог не удивляться большому багажу знаний собеседника, который с глубоким пониманием всех вопросов о государстве и даже сложных проблем экономики конкретно руководит делами. Ким Ир Сен без никаких прикрас рассказывал о том, что было у него в душе: **«Вы говорите, что я, не будучи специалистом в экономике, хорошо разбираюсь в экономических расчетах. Что могу на это сказать? Я постоянно учусь у своего народа. Я всегда нахожусь в его гуще, я и учу его, и учусь у него»**.

В чем цель истинного поиска у революционера? Каковы рубежи этого поиска, которых ему следует достичь за всю свою жизнь? С чего ему предстоит начать, какой вопрос и как изучить, чтобы осуществить поставленную высокую цель поиска? Ответы на все эти вопросы он нашел в гуще простых народных масс и в практике революции.

Здесь уместно было бы цитировать слова Каору Ясуи, бывшего первым генеральным секретарем Международного института идей чучхе, который с восхищением сказал: «Президент Ким Ир Сен всю жизнь учился у народа, считая его своим наставником. И он стал основоположником великих идей с их центром – человеком, таких, как идеи чучхе, смог выдвинуть энциклопедические идейно-теоретические разработки. Поняв все это, я, собственно, не знаю, какими словами теперь выразить мою душу. Именно он, считающий

народ своим учителем, – величайший из великих людей».

Он был профессором Хосейского университета Японии, доктором юридических наук. Он, лауреат Международной Ленинской премии мира, Германской премии мира, в 1950-е годы развертывал активную общественную деятельность по запрещению применения атомной и водородной бомбы. В 1965 г. создал Всемирный институт мира и стал его директором. Посетил столь много стран, что не было бы, можно сказать, таких стран, где он бы не находился. Был экспертом-международником, который встречался с множеством известных политических деятелей мира.

И тут в его судьбе произошел поворот – он, ознакомившись с идеями чучхе, стал их пламенным приверженцем. В частности, в начале 1970-х годов, когда он не раз посещал КНДР, ему посчастливилось иметь встречу с великим Ким Ир Сеном. Его, безмерно уважающего лидера КНДР, восхищал тот факт, что он обладал большой эрудицией во всех проблемах.

В своей статье он пишет: «Скоро 50 лет после того, как я начал изучать марксизм-ленинизм. Получил немало урока из фонда исторического наследия основоположников марксизма-ленинизма. Однако в процессе изучения этого учения я, собственно, постоянно испытывал какую-то досаду». «Именно кимирсенизм с энциклопедическим диапазоном, богатством, во всей глубине дал ясные ответы на вопросы, которые я изучаю», – добавил он.

Автор был глубоко тронут большим багажом знаний Ким Ир Сена и его идейно-теоретическими разработками. У Ким Ир Сена не было таких отраслей науки, которых он не знал, – он сведущ во всем: в политике, экономике, философии, литературе и т. д. И в международной

проблематике он имел столь глубокие, обширные знания, чем не мог не восхищаться сам Каору Ясуи – специалист-международник. У него были ясные взгляды на весь комплекс проблем. «Как же он, политический руководитель государства, не являющийся по профессии ученым, мог обладать столь большим багажом знаний?» – такое сомнение не исчезло у Каору Ясуи. Попозже он в беседе с делегацией работников общественных наук КНДР, наконец, понял все: Ким Ир Сен столь много знает, ибо он с первых же дней своей революционной деятельности считает народ своим учителем и всю жизнь учится у него. «Вот в чем суть дела! – думал он. – Он действительно великий человек! Видит в народе своего учителя и учится у него. Вот в чем ни с чем несравнимое его величие. Вот чем он абсолютно отличается от политических деятелей, великих людей прошедших времен».

Ким Ир Сен, человек 80-летнего преклонного возраста, до последних дней своей жизни без устали посещал предприятия и села. Прислушивался к голосу народа и, тесно общаясь с ним, неутомимо продолжал поиски нового и совершенствовал свои взгляды на все вопросы. Это помогло ему обладать всесторонними, полноценными качествами и способностями человека, лучше всех понимающего настроения народа, большого эрудита, в совершенстве знающего политику и военное дело, экономику и культуру, выдающегося стратега и тактика, ясно и точно освещающего проблемы стратегии и тактики корейской революции.

Как видно из всего этого, жизнь Ким Ир Сена была славная. Он во все годы своей жизни видел в народе самого выдающегося учителя, считал революционную практику высшей академией, обязательной своей специальностью. Он своим неутомимым поиском до

последних дней жизни обогащал багаж освоенных своих знаний.

Находясь в народе, он осваивал знания не по одной-двум отдельным сферам жизни. Его специальность – большое дело революции, которому он посвятил весь жар своего сердца.

Возьмем, к примеру, его идейно-теоретические разработки. Они доступны, легко понимаемы для каждого и всех, изложены от начала до конца для прокладывания пути к решению судьбы народных масс. Они имеют энциклопедическое значение для решения широкого круга сложных проблем корейской революции.

К ним относятся вопросы: об антиимпериалистической, антифеодальной демократической революции, социалистической революции и строительстве социализма, воспитании всех членов общества в революционном духе, в духе традиций рабочего класса и максимальном повышении их интеллектуального уровня, т. е. о национальном освобождении, классовом освобождении, освобождении человека, а также о партии, государстве, вооруженных силах, экономике, культуре и других сферах жизни. Идейно-теоретические разработки Ким Ир Сена, характеризующиеся своевременностью, самобытностью и полноценностью, имеют вечную жизненную силу.

Его пытливая мысль поставила на первый план конкретные вопросы, касающиеся действительности корейской революции, и вместе с тем не оставила вне поля своего внимания и поиска передовой опыт других стран и реальное положение дел в них. В своем поиске и размышлении о передовой идеологии, о вопросах экономики, культуры, науки и других сферах жизни он был ярым противником изоляционистского и националистического подхода к делу. Всю жизнь он выступил против утраты самостоятельно-

сти, слепого следования чужим образцам, неверия в собственные силы, опоры только на чужих, отсутствия критического подхода к чужому опыту и тенденции к проглатыванию его целиком. Он отнюдь не был сторонником замкнутости.

В связи с этим он подчеркивал необходимость решительно выступать против низкопоклоннической тенденции. Однако, говорил он, нам нельзя прибегать к политике «закрытых дверей», которую проводил когда-то в прошлом какой-то король, или к тенденции изолировать самого себя, нельзя выступать против внедрения научно-технических достижений из-за рубежа.

В 1984 г. Ким Ир Сен посетил страны Европы. Однажды ему довелось быть гостем автозавода бывшей Чехословакии. В то время он глубоко интересовался детальными вопросами автомобилестроения, как-то: временем, требуемым для выпуска одного грузовика, его весом, расходом горючего, металлическими материалами для литья двигателя и т. п. Руководители той страны не скрывали своего восхищения тем, что он, великий Ким Ир Сен, общепризнанный в мире выдающийся политический деятель, с таким широким кругозором, с таким большим вниманием интересуется даже детальной технической проблемой одной из отдельных отраслей экономики, такой, как автомобилестроение. Так он никогда не упустил из поля своего внимания любое дело, если оно пошло бы хоть в какой-то мере на приумножение богатства и могущества, процветание Родины и нации.

Всю жизнь он, находясь в народе, в практике революции своим неутомимым поиском достиг вершины интеллектуального потенциала. Такой особый курс обучения он прошел от начала до конца в практике жизни.

Чтение – спутник всей жизни

Человеческая жизнь без книг немыслима. Человек здравого разума, горящий жаждой знания, любит книги, любит читать.

Однако, по всей вероятности, редко встречается такой великий человек, который, неся всю тяжесть ответственности за судьбу революции и строительства нового общества, всю жизнь не выпускает из рук книгу, такой книголюб, который находит в чтении долю плодотворной жизни человека.

Ким Ир Сен был страстный читатель, который очень любил книги и всю жизнь никогда не перестал читать. Необычная его страсть к чтению исходила из его благородного взгляда на книги и чтение.

Он видел в книге не простого передатчика знаний, а самое главное оружие в жизни и борьбе, безмолвного наставника. Он нередко говорил, что книга – это молчаливый учитель, открывающий людям дорогу к знанию и истине.

В один из февральских дней 1987 г. главред бывшего советского журнала «Детская литература», осмотрев дом Ким Ир Сена в Мангендэ, где он родился и провел свое детство, и предметы исторической славы возле него, обратился к Президенту Ким Ир Сену с вопросами: какое влияние на него оказали книги, чему его научили книги в те трудные годы жизни. Он не без волнения ответил: мои идеи, убеждения и воля появились отнюдь не за один-два дня, а сформировались в ходе длительного процесса борьбы и жизни,

отправным моментом которого, думаю, явились именно детские годы, когда появилась любовь к чтению. Книги, продолжал он, поистине были для меня замечательным учителем, открывшим мне глаза на правду борьбы и жизни, спутником жизни, который помог мне впервые стать на верный путь.

Семья в Мангендэ, где прошли его детские годы, жила так бедно, что трудно было даже обеспечивать и плату за обучение. И ему было нелегко по своему желанию доставать и читать книги. Было так трудно, что в дни ученичества в средней школе он, не имеющий денег на покупку книг, будучи заведующим школьной библиотекой, выделил больше половины расходов на ее работу для покупки новых книг и читал новинки. И газету ему приходилось читать, достав в раз ежемесячный билет на посещение библиотеки.

Есть эпизод, который показывает, насколько была горяча у него любовь к книге, насколько страстно было стремление читать книги. Это было накануне освобождения Кореи (1945 г.). Однажды ему вместе с несколькими командирами КНРА довелось поехать в Москву для участия в совещании, на котором обсуждался вопрос о военной операции против империалистической Японии. Там он, находясь в какой-то гостинице, участвовал в совещании.

Однажды ночью в гостинице ему приснился удивительный сон, связанный с книгами. Во сне он видел огромную комнату, наполненную книгами, и героиню антияпонской войны Ким Чен Сук, которая говорит: «Читайте эти книги, товарищ Командующий, сколько вам захочется. За всю свою жизнь вы не сможете прочитать эти книги». Вдруг во сне он стал богатым книгами. Ким Чен Сук, послушав рассказ об этом сне, крепко запомнила его. После освобождения

страны они переселились в дом у подножия горы Хэбан. Она заполнила весь его кабинет в доме книгами о разных отраслях жизни и сказала ему: «Родина освобождена, и теперь читайте книги, сколько вам захочется». В тот день он с радостью осуществления своего желания того, что он видел даже во сне, в книжном кабинете сфотографировался с ней на память.

Любовь к книге, тяга к чтению у него столь горячи, что он даже во сне видел книги.

Кстати сказать, у человека чтение в общем-то ограничивается возрастом. Однако у Ким Ир Сена дело было другое. Он считал: книга для революционера – это абсолютно необходимое, как говорится, продовольствие, это первейший его спутник, от которого нельзя отойти на пути революции. Чтение, к которому привык уже с детских лет, прочно вошло в распорядок дня за всю жизнь.

Вся его жизнь, по правде сказать, шла в большой занятости делами. На его плечи были возложены все грузы двукратных революционных войн за защиту судьбы народа, ряда стадий социальной революции, большие и малые дела – партийная работа, дела государства и вооруженных сил, экономики и внешнеполитическая работа. Кроме того, нескончаемым потоком приезжали к нему лидеры и другие деятели из многих стран Азии, Европы, Африки и Латинской Америки.

Однако он никогда, ни дня не упускал из руки книги. У него не было специально определенного времени и места для чтения книг. Руководя делами революции и строительства нового общества, он все свободное время посвящал чтению. На рассвете читал свежие номера газет и информационные бюллетени нового выпуска, в

перерыве ознакомились с книгами и журналами разных наименований, в вечерние и ночные часы читал романы и другие книги о разных отраслях жизни.

Он еще подростком внимательно читал и в совершенстве знал трудные для понимания даже взрослыми «Манифест Коммунистической партии», «Капитал», «Общий смысл социализма» и другие классические произведения предыдущих теоретиков. Кроме того, не говоря уж о книгах, описавших корейскую историю и жизненные картины старых времен, таких, как «Сказание о флотоводце Ли Сун Сине», «Сказание о девушке Чхун Хян» и «Сказание о девушке Сим Чхон», он читал множество иностранных литературных произведений революционного содержания и произведений на историческую тему, в числе которых – «На берегу реки Амнок», «Мать», «Подлинная история А-Кью», «Жизнь Ленина», «Мальчик-бродяга», «Моление о счастье», «Разгром», «Как закалялась сталь», «Чапаев», «Овод», «Путешествие на Запад» и др. Он много учился иностранным языкам и отлично знал разные иностранные языки и грамоту.

Так, китайским языком он так в совершенстве овладел, что без рукописи мог свободно беседовать и выступать с речью. И даже в преклонном возрасте он продолжал читать много иностранных политических книг и научно-технических журналов.

Для него книга была светочем. И поэтому всю жизнь он жил вместе с кни-гой. Так думы о поставке населению яиц и мяса побудили его даже в огненные дни войны читать книги о птицеводстве. И еще: с решимостью больше дать населению батата он всю ночь напролет увлекался чтением книг о культивировании этого клубневого растения. Чтобы освоить знания по передовой иностранной агротехнике, он каждый день более двух часов читал иностранную литературу об агротехнике.

И какой-то мастер пера с глубоким чувством волнения сказал: «Чтобы точно определить глубину его неутомимого поиска, связанного с книгами, и достигнутую им высоту его интеллектуального потенциала, рост человека на Земле, думаю, должен быть значительно выше, чем нынешний».

Знаток, умеющий вникать в душу всех людей

Ким Ир Сен был сведущ в человеческой психологии – больше всего дорожил человеком и, находясь всю жизнь среди народа, точно понимал душу многочисленных людей.

При общении с людьми у него был непреложный закон: первым делом всегда вникать в их внутренний душевный мир. Точно и конкретно поняв психологическое состояние того или иного человека, он в соответствии с ним рассказывал и строил нужные дела.

И даже в случае необходимости давать отдельным работникам не очень сложные поручения или задавать им какие-то вопросы, он, как правило, встречался с ними. В беседе с ними, узнав у них конкретное психологическое состояние, он давал те или иные задания или организовывал дела.

Безошибочно понять душу человека – это отнюдь не простое дело. Ибо душевно-психологическое состояние человека выража-

ется, как правило, не прямолинейно, не поверхностно. Пословица гласит: «Чужая душа – потемки». Смысл ее – в том, что глубину моря и его дно можно узнавать, хотя на это требуется огромный труд, но в глубь человеческой души нельзя взглянуть, как захочется.

Вникать в душу человека нелегко. Однако Ким Ир Сен никогда не оставил это дело вне поля внимания. С кем-нибудь он имел дело – он сумел сразу взглянуться в его душу.

При этом в фокусе его пристального внимания всегда находились чувства и устремления людей в конкретных обстоятельствах.

В подходе к многочисленным людям разных возрастов и профессий он обращал первоочередное внимание, как правило, на изучение тонкости их чувств и эмоций. Речь идет обо всех сторонах психологического и эмоционального настроя у людей разных категорий – от несмышленых детей до влюбленных юношей и девушек, работников разных отраслей и профессий, людей старого возраста.

Он был таким отзывчивым человеком, что даже малолетний ученик начальной школы шепотом говорил ему на ухо о своем секрете, о котором раньше никогда не сказал, и что люди престарелого возраста непринужденно говорили о том, что им хотелось бы сказать. Даже в трудной, сложной боевой ситуации он, дорожащий чувствами и эмоциональным настроем бойцов, сумел понять все подробности их настроений и в соответствии с ними обращался к ним.

Свою революционную работу он начал еще подростком. Однако, где бы он ни находился, люди от всей души уважали его и следовали за ним, ибо он как никто другой глубоко понимал их настроения и в соответствии с ними обращался к собеседникам.

Это было в середине 1930-х годов, когда шла вооруженная борьба

против империалистов Японии. Ким Ир Сен со своим отрядом находился в партизанском районе Ванцина. Однажды отряд был в походе от Сяованцина в сторону Гаяхэ. Навстречу ему идет какая-то незнакомая девушка. Вначале она с улыбкой на лице смотрит на марширующий отряд, а когда ряды приближаются к ней, она, вдруг склонив взор, мелкими шажками быстро минует идущий отряд. А тут один боец в отряде, мигом посмотрев назад и опустив вниз голову, продолжает шагать вперед, погрузившись, конечно, в глубокое раздумье. Когда отряд прошел через некоторое расстояние, боец еще раз обращает свой взор назад в сторону, куда исчезла та девушка.

Никто в отряде этого не заметил. Однако Ким Ир Сен моментально читал в действиях двоих и взгляде бойца, полном блеска неуемной тоски, пламенные чувства влюбленной пары. Он потихоньку зовет к себе того бойца из отряда и шепотом спрашивает его: скажи-ка, тебе она знакома?

В тот миг боец, смущенно улыбнувшись, изливает свою душу: «Спасибо, товарищ Командующий! Она помолвлена за меня. Мне просто хочется показать ей себя, человека в военной форме!» Командующий понял гаммы души влюбленной пары, горящей чувствами любви, как извергающийся вулкан. Он говорил бойцу: не беспокойся, парень, пойди на встречу с невестой и покажи себя в военной форме, а потом отдал всему отряду приказ об отдыхе. Нечего сказать, тот боец был так рад, что стрелой помчался свидеться с невестой. Впоследствии парень и девушка, горевшие неугасимым огоньком любви, до конца отлично боролись против японских оккупантов за честь Родины и нации.

Подобным трогательным эпизодам не было конца и в последу-

ющие годы, не говоря уж о периоде антияпонской вооруженной борьбы. Сила любви очень велика. Но эта любовь, как дымка над землей в весенние дни, потихоньку, тайком, незаметно для других, красиво цветет в сердцах молодых людей. Эти священные чувства надо понимать и сохранять. Иначе они ни в коем случае не могут перерасти в красивые цветы. В долгие годы революции Ким Ир Сен с таким родительским сердцем как никто другой глубоко понимал любовь молодости и давал ей цвести во всей красе.

В изучении духовного мира людей Ким Ир Сен не менее глубоко интересовался их устремлениями, чем их чувствами и эмоциональным настроем.

Если обязательным первым процессом понимания души людей было у него знакомство с их чувствами и эмоциями, то точное понимание их стремлений и требований было еще одной важной целью познания их глубокого душевного мира.

Во все годы своей революционной жизни он в любое время, на любом месте обращал большое внимание на точное познание стремлений и требований народных масс, считая это одним из звеньев самых важных своих дел.

Людей, с которыми он встречался во всей своей жизни, просто не перечислить. Они намного отличались друг от друга своим гражданством, своими биографиями, возрастами, происхождением, должностями в обществе и т. п. И ясно, что у них совсем разные стремления и жизненные потребности.

Однако Ким Ир Сен прожектором своего мышления постоянно и ясно освещал тысячи каналов сложного потока стремлений и требований людей и в соответствии с ними вел дела. Так, при посещении завода он не был прочь пойти даже на такие места производства, на которых пахнет газом, ибо он понимал настроения рабочих, которым будет жаль, если не увидят вождя.

С каким большим вниманием интересовался он стремлениями и требованиями людей, ясно показывают советы Ким Ир Сена, который выработал у руководящих работников правильное отношение к жалобам граждан.

Жалобы подаются гражданами партийным и государственным органам, предприятиям и общественным организациям трудящихся с требованием заранее предотвратить посягательство на права и интересы отдельного лица и коллектива или восстановить ущемленные права и интересы. Рассмотрение жалоб кончается точным анализом реального положения дел с принятием практических мер для решения проблем. Таков обычный порядок общего характера во всяком случае.

Однако он считал, что только этим невозможно удовлетворить все требования людей, о которых они думают. Он в своей речи, произнесенной им 18 октября 1966 г. перед работниками ЦК Трудовой партии Кореи, и во многих беседах дал ценные указания о том, что руководящие работники должны иметь новый подход к вопросам о жалобе населения. Он строгим тоном отметил, что некоторые из руководящих работников, ведя себя, как Яма, повелитель царства мертвых, что говорится в буддизме, бюрократически и необдуманно решают вопросы о жалобе населения. Когда они получают письменную жалобу, говорил он всерьез, им следует глубоко размышлять, насколько переживал, обиделся жалобщик до этого, и правильно разработать научно обоснованные методы решения данного вопроса.

В умении знать человека и точно понимать настроения масс он видел самые важные, первейшие практические качества революционера. Работа с людьми по существу есть работа с их душами, мыслями, чувствами. Работникам следует точно понимать мысли, чувства людей и в соответствии с ними приводить в действие массы. Это застрахует их от формализма и субъективизма, от бюрократизма и догматизма, поможет им вести все дела успешно. Исходя из этого, он считал умение вникнуть в душу людей и точно понять их конкретное психологическое состояние обязательной первейшей практической способностью революционера. И в каждом удобном случае он не забывал от всей души советовать руководящим работникам, что им следует, как учителя начальной школы, знающие все стороны детской психологии, уметь глубоко познать психологический мир людей и в соответствии с ним вести свои дела.

Кроме того, он сам в процессе длительной революционной борьбы лучше всех познал психологию масс людей различных категорий.

Он сказал: я учился в начальной и средней школе и ясно знаю психологию учащихся; долгие годы жил в войсках и как никто другой знаю, какова душа у воинов; и поэтому в дни антияпонской вооруженной борьбы, когда отряд, ведомый мною, проходит мимо дынного поля, я, поняв желания бойцов полакомиться дыней, дал им лакомиться ей; с такой заботой следует бесперебойно кормить народноармейцев, как дома, паровыми хлебцами тток, куксу, вареной молодой кукурузой и даже дыней, как им поесть их хочется. Находясь на заводе, он непринужденно берет рабочим замазанные

машинным маслом руки, в деревне говорит, что запачканные землей руки сельских тружеников, я бы сказал, золотые, принимая близко к сердцу все, что в их душе.

Другой эпизод, что был в январе 1951 г. После нового наступления Народной Армии Ставка ВГК одно время находилась в селе Кончжи. Ход войны вступил в переломную ситуацию, но жизненные условия в Ставке были очень трудными. Однажды какой-то командир пришел в роту личной охраны Ставки ВГК и говорит ее бойцам: «Знаете, ребята, скоро, думаю, придет в вашу роту товарищ Верховный Главнокомандующий. Он, может, узнает о бытовых условиях у вас. Подумали, ребята, как у отца в душе будет больно, если он увидит, что плохо кормятся его дети? И вот вам мой совет: если товарищ Верховный Главнокомандующий спросит вас, чем питаетесь вы, то вы, ребята, скажите ему так: «Мы питаемся белым вареным рисом с мясным супом. Поняли?»

Как сказал он, действительно немного погодя Ким Ир Сен пришел в роту. Он, как предполагалось, первым делом посетил столовую. Узнав, что военные закончили завтрак, нежным голосом спрашивает: **«Скажите, чем питались вы, ребята, сегодня утром?»** Бойцы в один голос говорят: «Рисом белым с мясным супом». Он с недоумением сам открывает крышу котла. Видит – котел, в котором варили суп с солью, аккуратно очищен, и, на минутку погрузившись в раздумье, опять обращается к ним с вопросом: **«С каким мясом?»** К ответу на такой вопрос они не были готовы и просто стоят, переглядываясь друг с другом. Командир второпях не по своей воле говорит: «Со свининой замороженной». Была ложь. А тут Верховный Главнокомандующий хвалит: **«Что**

могу сказать? Вижу – у вас, ребята, хозяйство очень аккуратное. Сказано, что варили мясо, а вот котел, вижу, чистили так тщательно, что в нем ни следа жира». И воины незаметно для себя покатились со смеху.

Он, как будто читая на их лицах мысль бойцов, изрядно долго смотрит на них, а затем, низким, но явно строгим голосом говорит: **«Я никогда вам не лгал, и вы, ребята, думаю, не будете мне врать»**.

Все собравшиеся, опустив голову, стоят безмолвно, а тут самый молодой воин говорит правду: «Прошу прощения, товарищ Верховный Главнокомандующий, честно слово, на завтраке мы питались рисом с другими крупами да супом с солью».

Ким Ир Сен, с озабоченным взглядом поглядевший на бойцов, жестко пожурил командира: скажи, с каких пор ты начал обучать солдат лжи? Какие бы трудности ни были, разве мы не можем сытно кормить воинов?! Затем он говорит, где имеется запас риса, где соленая скумбрия, советует немедленно привезти их для воинов. По его указанию через несколько дней привезли в роту очищенный рис, мясо, рыб, овощи и т. п. для столовой воинов.

Так он с сердцем родного отца, вникающего в глубь души своих детей, заботился обо всех людях. И они, по-человечески полностью очарованные его обликом, смогли сотворить чудеса, совершить яркие подвиги в революции и строительстве нового общества. «Большой знаток, вникающий в человеческую душу» – так называет весь народ своего вождя, который всегда умеет вглядываться в душу человека и начинает все дела страны – большие и малые – с работы с мыслями, чувствами человека.

Незаурядная память

Настоящий интеллектуальный человек – это обладатель как выдающихся проницательных взглядов на мир, так и необычной памяти – способности как никто другой живо запечатлеть в сознании многое. Лишь такой великий человек, который не только знает подробности о многом, но и крепко запоминает раз освоенный когда-то разумный смысл, те или иные факты и события, чтобы они даже с годами не выцветали, может вправе называться истинным представителем интеллекта человечества.

Ким Ир Сен был обладателем незаурядной памяти: он точно запечатлел в памяти почти все увиденное, услышанное, пережитое, испытанное им во все дни своей жизни на протяжении десятков лет руководства делом корейской революции и в любое время мог воссоздавать все это.

До последних лет своей жизни он живо запоминал страницы длительной истории человечества и запечатленное на них неисчислимое множество фактов и событий, связанных с ними людей. Кроме того, до последних минут своей жизни в его памяти живыми остались множество калейдоскопов гигантских и малых событий XX столетия, тысячи, десятки тысяч дел и людей, встреченных в ходе решения всего комплекса проблем корейской революции.

Насколько живо воспоминал он освоенное из книг и услышанное им, хотя даже далеко прошли годы, рассказывает следующий эпизод.

Когда-то Ким Ир Сен обратился к одному из сотрудников с вопросом: вам не довелось ли читать журнал «Кэбёк», выпущенный в Корее до ее освобождения? Тот ответил, что нет. Президент, послушав его, сказал: на страницах того журнала было много хороших публикаций, попробуйте найти эту печать.

Через несколько времени ему было доложено, что найдено более 70 экземпляров того журнала. Ким Ир Сен сказал, что тот журнал поместил на страницах публикации Ли Дон Хва, одного из корейских философов нового времени, – путешествия по Маньчжурии и статью о гордости восьми провинций Кореи. В своих путевых заметках, говорил он, Ли Дон Хва описывал увиденное, услышанное им во время поездки до китайского уезда Синцзин, в них изложены те или иные штрихи бытовых обычаев китайцев, а в статье о гордости восьми провинций было много достойного прочитать. И Президент подробно рассказывал о конкретных фрагментах. Он, несмотря на многолетний возраст, так живо восстановил в памяти содержание небольшого журнала, прочитанного им около полувека назад, что тот сотрудник не мог не удивляться его памяти.

Не говоря уж о тех событиях и фактах, о которых он знал из прочитанных книг и в ходе занятий, он глубоко запомнил всю жизнь тысячи, десятки тысяч фактов и событий, увиденных или пережитых им самим. В их перечне – большие и малые факты обширного диапазона, касающиеся истории антияпонской вооруженной борьбы корейской нации, борьбы за построение обновленной Родины, т. е. за создание партии, государства и вооруженных сил после освобождения страны, Отечественной освободительной войны, борьбы за социалистическую революцию, строительство социализма, и даже такие «мелочи», которые считались для других даже ничтожными.

В его жизни встречалось довольно много дел. Причины и процессы их проведения, сложившиеся в то время условия и реальное положение, полученные результаты, значение и прочее он так глубоко запомнил, что удивило даже специалистов данной сферы и самих причастных к фактам. Он в любой момент сумел воссоздать картины прошедшего времени, что восхищало людей.

Возьмем, к примеру, тот факт, что был 20 июля 1983 г. Сотрудник, долгие годы работающий поблизости от Президента Ким Ир Сена, преподнес ему материалы об отзывах иностранных гостей, посетивших место историко-революционной славы в Рёнпхо.

В следующий день он по зову Президента пошел в его рабочий кабинет. Ким Ир Сен, вспоминая те дни, сказал: это историческое место находится в уезде Поптон провинции Канвон, я тогда руководил на месте делами штаба местной воинской части, был с 26 по 29 апреля 1951 г.

Подходя к окнам, он, на минутку погрузившийся в глубокое раздумье, обращается к сотруднику с вопросом: **«По-моему, в то время и ты был вместе со мной?»**

Вопрос задан неожиданно, и он старался переворошить в памяти дело более 30-летней давности, но ему ничто не приходило на ум. Тут Президент напоминает ему, что в то время ему было дано задание – притащить аварийную машину. Лишь тогда ему вспомнилось, как он в одиночку провел всю ночь за охрану машины.

Случилось это так. Ему довелось вместе с Верховным Главно-

командующим поехать на инспекцию фронта, а тут во время поездки на назначенное место машина вышла из строя. Ничего не поделаешь. Верховному Главнокомандующему пришлось поехать на другой машине, а ему – всю ночь охранять аварийную машину. Ночь была мрачная и холодная, да и было неизвестно, когда будут вылазки недобитых солдат противника. Ночь была буквально ужасная и страшная. Такая жуткая ночь, как правило, не будет забыта за всю жизнь, но протекло много лет, и сам он, оказавшийся в затруднении, забыл все прошлое.

А Ким Ир Сен крепко запомнил случай, что был десятки лет назад и забыт даже тем сотрудником, и через более 30 лет не без волнения вспоминал. Так он, Ким Ир Сен, был незаурядным человеком, который не забыл ни одного из всех дел в своей жизни и впоследствии живо восстанавливал в памяти все, как оно было.

Надо сказать, что почти все исторические события или факты прошедших времен, оставшиеся в его памяти всю жизнь, касаются, главным образом, воспоминаний о тех, кто был причастен к ним.

Особенно глубоко запомнил он до последних минут своей жизни всех, без исключения, товарищей по революции, которые вместе с ним прошли сквозь полосу суровых испытаний революционной борьбы и ушли из жизни.

В один из майских дней 1964 г. он во время руководства делами провинции Южный Хванхэ посетил Н-скую военную гавань в этой местности. Получив встречный рапорт начштаба базы ВМФ, он говорит: **«Вижу, начштаба молодой»**, и внимательно разглядывается в его лицо. Руководя на месте делами на рейде, он конкретно узнает о боеготовности части и службе моряков. Верховный Главнокомандующий снова зовет начштаба ближе к себе и дальше спрашивает его о чем-то.

Вернувшись с инспекции, он спрашивает одного сотрудника, чей он сын. В ответ: «Простите, я не в курсе этого». На каждой встрече с молодыми работниками нового поколения, говорит Ким Ир Сен, мне вспоминаются ушедшие из жизни боевые друзья. Узнавайте о биографии семьи того начштаба военно-морской базы.

В то время пока еще никто не заметил, что первым взглядом он видел в облике начштаба лицо давно ушедшего соратника. Прошло несколько дней. Ким Ир Сену было доложено, что тот начштаба базы – сын комиссара Хэлунского партизанского отряда периода антияпонской вооруженной борьбы. **«Совершенно верно! Глаза у него точь-в-точь похожи на отчие!»**, – с радостью говорит он, словно нашелся у него потерянный ребенок. При виде начштаба базы, продолжает он, сразу мне вспомнился облик Ли Ён Чхана – бывшего комиссара Хэлунского партизанского отряда. Затем он подробно рассказывал обо всем: о его характере и внешних чертах, о том, что он был отличным умелым комиссаром и один из ветеранов антияпонской революции рекомендовал его в партию.

Сотрудники не скрывали восхищения его незаурядной памятью – ведь он живо воссоздает даже внешние черты своего соратника, с которым вместе сражался он десятки лет назад. Тем более что он, отец начштаба, действовал тем партизанским комиссаром за кратчайшие сроки – не более чем за один годик.

Ким Ир Сен встречался с ним всего лишь несколько раз и поручал ему задания, во время проведения собрания политработников-подпольщиков и руководителей подпольных революционных

организаций, созванного в шалаше в Далацзы для восстановления разрушенных революционных организаций после левацко-авантюристического восстания 30 мая 1930 г., поднятого фракционерами в восточноманьчжурском районе Китая по случаю 5-й годовщины со дня массовой расправы в Шанхае, и во время подготовки к созданию антияпонского вооруженного отряда после весеннего Минюегоуского совещания 1931 г. Других случаев встречи у него не было. После создания им антияпонского вооруженного отряда о деятельности Хэлунского партизанского отряда было доложено ему через связного. Однако Ким Ир Сен сразу вспомнил бывшего комиссара при виде не самого его, а его сына, лишь частью похожего на отца по характерным чертам. Не так уж трудно догадываться, насколько живым, бессмертным остался в его памяти облик боевых друзей.

Долгие годы он не забывал не только отдельных корейцев, но и иностранцев. 1994 год. Скоро полвека с той поры, когда замолкла канонада антияпонской войны. Однажды Ким Ир Сен пригласил к себе супругу Чай Шижуна, имевшего связи с ним в годы антияпонской революции. Состоялась волнующая встреча. Здравствуйте, вы, наверное, немало трудились, чтобы преодолеть далекий путь, говорит Ким Ир Сен, мы расстались, по-моему, в августе 1945 года, а вот этому его второму сыну, приехавшему вместе с вами, было тогда около двух лет. С теплотой души перебирая в памяти, он начал вспоминать все, что было полвека назад, когда он разделял вместе с Чай Шижуном горе и радость.

Ким Ир Сен известил собеседницу о настоящем имени ее мужа, рассказывал многое о нем: он одно время где-то в уезде Хэлун служил начальником полицейского участка, а затем вступил в Армию спасения отечества. Ким Ир Сен во взаимодействии с ним совершил налет на уездный центр Дунин и повел бой в Лоцзыгоу, вместе с ним действовал и в Советском Союзе. После перемещения арены своей деятельности в Северную Маньчжурию Чай Шижун был командующим 5-ым корпусом Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии. Когда я во второй раз был в Северной Маньчжурии, мне довелось вместе с его отрядом широко провести совместные боевые операции, воспоминал лидер КНДР. Чай Шижун был старше меня лет на 20, но он всегда скромно относился ко мне как к представителю старшего поколения революции. Так живо вспоминал он о многих делах прошедших лет, когда он делил с этим китайцем чувства дружбы. У него были не забыты все подробности жизни и дела полувековой давности. Его необычайной памятью восхищалась не только гостья, но и сотрудники, помогающие ему в работе.

И в последние годы своей жизни он так живо воспоминал все, что точно произносил не только имена многочисленных иностранцев, но и имена даже полицейских и помещиков, услышанные им в детские годы.

Де-факто никак не верится, что он, отнюдь не специалист-историограф, а глава государства, обязанный ведать всеми политическими делами страны, точно помнит все крупные и малые факты и события, связанных с ними многочисленных людей. Однако он не оставил вне поля своего внимания ни одного из увиденных, услышанных, испытанных, пережитых им за всю свою жизнь и глубоко запечатлел их в памяти.

Он относился к каждому из мгновений протекающей истории не как к простому отрезку времени, отражающему фрагменты прошедшего факта или события. Он считал каждое мгновение минувшего прошлого одной из страниц истории для накопления опыта на сегодня и завтра, извлечения из нее нужного урока.

Итоговая запись его жизни – мемуары **«В водовороте века»**. В них имеется важная часть, в которой автор на основе анализа исторических периодов возникновения события 18 сентября и корейской войны дал ясное определение самых общих приемов ведения империалистических захватнических войн и подлинного нутра агрессоров.

В своих мемуарах автор, описывая фон возникновения двух инцидентов – события 18 сентября и корейской войны, являющихся агрессивными войнами, развязанными разными империалистическими силами в отличные друг от друга периоды на неодинаковых местах, дал научно обоснованный анализ четкой общности в этих событиях, которая находила свое выражение в том, что зачинщики этих двух войн, стремясь покрыть свои агрессивные акции маскировочной вуалью, прибегали к одинаковым действиям, которые не соответствуют климату предвоенной ситуации.

Так, главные провокаторы, зажегшие в 1931 г. фитиль тотальной войны для вторжения в Маньчжурию, притворяясь непричастными к этому, собрались в Сеуле и спокойно проводили часы «отдыха» на пирушках. А в 1950 г. Трумэн, поджигатель корейской войны, «спокойно» отдыхал на своей даче в тот самый момент, когда вспыхнул пожар войны.

В своих мемуарах Ким Ир Сен ясно изложил обнаруженные

в двух войнах подобные общие черты – коварность, циничность, агрессивную сущность, свойственные империалистам. Автор в своем анализе двух инцидентов, двух войн выводит на чистую воду подлинное нутро империалистов и пишет, с какой позиции следует относиться ко всяким разным событиям и фактам, происходящим в различные исторические периоды, в отличающихся друг от друга обстоятельствах, в разные моменты:

«Иные люди называют историю нагромождением неповторимых событий. Мы вместе с тем не можем совсем игнорировать сходство и общую тенденцию, существующие между отдельными событиями».

История, как он пишет, не простое, случайное накопление неповторимых событий. Каждый факт, каждое событие в истории имеют свойственные им мотивы, процессы и результаты, но в них содержится, как правило, общность и неизменная истина, которые образуют единый комплекс из страниц истории человечества. Каждый факт, каждое событие – все это отдельные компоненты, но в них таится ценный опыт и полезный урок, которых нельзя упускать из виду.

Именно такую истину истории он как никто другой глубоко постиг и мог всю жизнь крепко запомнить каждую из страниц истории и запечатленное в них неисчислимое множество фактов и событий.

Он, выйдя за рамки прежних общих знаний, сумел глубоко запомнить на всю жизнь и воссоздать в памяти множество конкретных исторических материалов и отдельных людей. Это объясняется отличающей его незаурядной способностью запомнить все.

Какое бы новое, сложное ни бросалось ему в глаза, он умел сразу в миг наиболее точно запечатлеть его в памяти. Вот в чем и другая сторона его светлой памяти. У него была особая способность за кратчайшее время наи-более точно, наиболее глубоко запомнить все.

Это было в 1984 г., когда он нанес визит в бывшую Югославию. В то время в мемориальном центре И. Броз Тито память лидера КНДР поразила сопровождавших его работников и сотрудников центра.

На стенде центра показана шкура большого медведя. Экскурсоводка, указывая на нее, сказала: «Это шкура медведя, которого поймал Президент Броз Тито в Боснии-Герцеговине. Ей присвоена Золотая медаль на Всемирном фестивале». После разъяснения Ким Ир Сен сказал: я уже, когда Президент Тито находился с визитом в нашей стране, слышал от него, что он на соревновании по охоте на медведя взял первый приз и в то время он получил 493 очка.

Сопровождавшие его работники и сотрудники мемориального центра все не скрывали удивления и восхищения. Ведь он, не говоря уж о рассказе, услышанном 7 лет назад от Президента Тито, точно сказал даже о полученных им на соревновании очках.

Так он точно воссоздал в памяти ту цифру, услышанную им один раз в глубокой давности. Он обладал умением наиболее быстро и точно запомнить услышанное. И при воспоминании об этом не было ошибки и повторения. Его память была выдающейся также по степени прочности и продолжительности. У него почти не наблюдалось физиологического ослабления памяти, которое бывает у всякого с возрастом.

В своих мемуарах **«В водовороте века»** он пишет:

«Время разрушает слишком многое, стирает из памяти и предает забвению. Говорят, что и радости, и горести с течением дней, месяцев и годов забываются и отдаляются.

Но у меня, кажется, происходит все это не так абсолютно. Я совсем не могу забыть каждого из погибших боевых соратников. И уходившие из жизни и прощавшийся с ними таили в себе такую душевную боль, будто на их раны посыпали соль. В моей памяти их образы остаются сотнями, тысячами отчетливых фотокопий».

Синие светокопии, ярко отражающие множество перипетий в истории человеческой жизни, – такова, можно сказать, историческая оценка выдающейся способности запомнить, свойственной Ким Ир Сену, который проводил всю жизнь, возложив на свои плечи все большие и малые дела, встающие в сложном процессе корейской революции.

Его мемуары – немеркнущая большая энциклопедия о великом человеке, который в водовороте века на протяжении долгих десятков лет, осознав свою миссию перед эпохой и историей, неся на своих плечах судьбу Родины, революции и народа, победоносно направлял борьбу за прокладывание пути к решению судьбы народа, за развитие общества.

В них появляется неисчислимое множество лиц, с которыми автору довелось встретиться более полувека назад, вспоминаются детали их жизни и быта, сложно переплетенных исторических фактов, обрисовываются портреты многих и многих людей. Все это исходит из совокупности его воспоминаний.

Вся жизнь Ким Ир Сена, человека с незаурядной памятью, прошла в потоке глубокомысленных воспоминаний. Его жизнь, ярко воплотившая в себе интеллект человечества, подводит людей к новому пониманию смысла и высоты настоящего разума.

Светоч мудрости

Мудрость – один из главных показателей измерения высоты человеческого интеллекта.

Реальная действительность жизни современников раскрывается на линии продолжительного потока времени с его истоком – прошлым, с одной стороны, а с другой – представляет собой предыдущую стадию, связанную с будущим, которое впредь будет раскрыто по-новому.

В этом потоке истории человек ведет свою жизнь, окидывая мысленным взором прошлое, своим взором вглядываясь в нынешнюю реалию и вместе с тем предвидя будущее. Из практики прошлого он может почерпнуть надлежащий опыт и урок жизни, с познанием реальной действительности он может выбрать научно обоснованные средства и методы решения судьбы человека, с безошибочным предвидением будущего он может целеустремленно прокладывать путь к ее решению. При этом самое трудное и главное – именно в том, чтобы обладать мудростью, умением предвидеть будущее.

Мудрость, исходящая из научной обоснованности, – светоч великой личности. Настоящий великий человек приводит людей в действие отнюдь не властью денег, не кнутом, а своим светлым

умом открывает всем глаза, считает его своего рода самым мощным оружием для ориентирования процесса развития общества.

Ким Ир Сен был великим человеком с гениальным умом, который с проницательной, дальновидной мудростью, безупречно, полноценно решил весь комплекс теоретических и практических вопросов революции и строительства нового общества. Вот в чем один из важнейших аспектов его величия в осуществлении дела самостоятельности народных масс.

Дальновидность человека – это его умение заранее предвидеть ход дел в дальнейшем в будущем времени. Предвидение – это, конечно, духовное оружие важного значения в определении успеха всей деятельности человека. Но это качество дается не всякому, даже если он этого желает. И от того, наверное, пускается фраза: «Ни зги не видно».

Дальновидность у Ким Ир Сена рождена его необычной духовной силой. Ей наделила его необходимость проложить себе никем непроторенный, совершенно новый путь и по собственному суждению решить вопросы корейской революции.

Когда он начал прокладывать путь корейской революции, самым трудным вопросом было то, что в то время не было и достойного внедрения в условиях Кореи наставления о свершении революции, не было и такого предтечи, от которого можно было бы ожидать руководства делами. Ссылаясь на это, однако, нельзя было бы взяться за дело решения судьбы Родины и нации при опоре на внешние силы. Корейская революция была такая, какую невозможно было бы продвинуть ни на шаг вперед без самостоятельного решения всех вопросов собственными силами.

Аналогичные условия корейской революции побудили его выработать в себе принцип: действовать по научно обоснованному, самостоятельному суждению и решению.

Успех борьбы за разработку и осуществление самостоятельной линии и политики предполагает научное, реальное суждение и решение.

Исходя из этого, Ким Ир Сен считал непреложным железным законом разработку всех проблем линии и политики, стратегии и тактики на основе точного предвидения дальнейшего пути вперед революции и научной оценки будущих субъективных, объективных условий и возможных изменений ситуации.

Земельная реформа в Корее была одним из самых важных аспектов содержания антиимпериалистической и антифеодальной демократической революции, в первую очередь совершенной корейским народом под руководством Ким Ир Сена на основе достигнутой великой победы в национально-освободительной войне в колонии.

Земельная реформа, проведенная после освобождения страны, была самобытной социальной переменой, не имеющей аналога в любой период истории по всем аспектам: по определению объекта конфискации и борьбы, по процессу выполнения поэтапных задач. Более особого внимания заслуживает тот факт, что реформа была проведена с предвидением будущей обязательной социалистической революции, исходя из принципа создания предпосылок для ее проведения.

В то время Корея была отсталой аграрной страной, 80 проц. населения составило крестьянство, самым горячим желанием которого было заниматься земледелием на своей собственной земле.

Стало быть, для реализации векового чаяния широких масс и привлечения их на свою сторону нужно было раздать им земельные угодья.

С точным учетом подобных реальных требований Ким Ир Сен осуществил великую земельную реформу: конфискованы помещичьи земли 44 тыс. дворов и реализовано вековое чаяние широких крестьянских масс – более 720 тыс. дворов. Вместе с тем он принял целый ряд мудрых мер по созданию благоприятных условий для будущего перехода к социалистической революции и социалистического развития страны.

Уже в дни разработки проекта Закона о земельной реформе он, предвидев будущее кооперирование сельского хозяйства на стадии социалистической революции, недвусмысленно отметил, что запрещается купля-продажа полученных крестьянами земельных угодий, сдача их в аренду или под залог. Таким образом, в соответствии с горячим желанием крестьян иметь свою землю им было дано право землевладения и вместе с тем стало возможным предотвратить восстановление арендной системы, новое появление, возрождение кулачества. Кроме того, относительно кулаков были приняты ограничительные меры: они были обязаны самим трудиться, им было запрещено постоянно иметь батраков.

Аналогичные меры были нацелены на ограничение развития кулацкого хозяйства и создание благоприятных предпосылок для будущего кооперирования сельского хозяйства в соответствии с требованиями социализма. При кооперировании сельского хозяйства главным объектом борьбы станет кулачество, так что нужно было при введении земельной реформы заранее ограничивать дальнейший рост кулацкого хозяйства.

Его проницательная дальновидность привела не только к последовательному осуществлению в Корее земельной реформы за кратчайшие сроки – не более чем за один месяц, но и к созданию надежных предпосылок для успешного проведения после войны социалистического преобразования сельского хозяйства на самом высоком уровне.

То же самое можно сказать и о намеченной им линии на независимость в политике, самостоятельность в экономике и самооборону в защите страны. Эта стратегическая линия корейской революции была выдвинута его предвидением, его незаурядной способностью смотреть вперед в далекое будущее, в завтра революции. Независимость, самостоятельность, самооборона – это важнейший руководящий принцип идей чучхе, революционная линия. По его словам, самостоятельность – это важнейший фактор существования страны и нации; нынешнее время – эпоха самостоятельности, когда революция и строительство нового общества проводятся в государственно-национальных рамках. На основе такого проницательного научного анализа и суждения по вопросам о закономерности развития эпохи самостоятельности он уточнил путь корейской революции как самостоятельный.

Ким Ир Сен с научной прозорливостью наиболее точно оценил и предвидел ход событий и тенденцию ситуации. Он всегда внимательно наблюдал международные факты и события. Кроме того, он, безошибочно обобщив результаты анализа отдельных событий, наиболее правильно предсказал будущий ход событий.

В постсоветские времена один из высокопоставленных политических деятелей России, посетив КНДР, сказал: «В прошлом было много оговоров насчет КНДР. Мол, она не вступила в СЭВ и выступает за самостоятельную экономику. Но страны-члены СЭВ все потерпели крах. Только КНДР, построившая самостоятельную национальную экономику, защищает социализм. КНДР удалось построить социализм». Такова была высокая оценка времени насчет проницательной прозорливости выдающегося человека, который сумел точно предвидеть далекое будущее сквозь завесу годов.

Предвидение у него получило более яркое выражение в 1950-е годы в обстановке суровых испытаний Отечественной освободительной войны (25 июня 1950 г. – 27 июля 1953 г.), когда решалась судьба страны и нации.

Он, Верховный Главнокомандующий, с научной проницательностью вник в топографический характер Кореи, являющейся полуостровом, – то, что с расширением успеха наступательной операции все возрастает значение береговой обороны. И он в унисон с приумножением успеха на фронте заранее направил силы двух корпусов на восточное и западное побережья с целью усиления береговой обороны. Весь процесс войны убедительно доказал правоту намеченного им стратегического курса на усиление береговой обороны.

С 1951 г. до конца войны американская военщина не раз пыталась высадиться на восточном и западном побережьях Кореи, т. е. в Вонсане, Ханчхоне и др. и, поломав «хребет» полуострова, продвинуть линию фронта далеко на север. Однако противник не смог достичь своей стратегической цели и, в конце концов, пал на колени перед корейским народом.

В 1952 г. в огненные дни ожесточенной войны уже в стране был составлен план послевоенного восстановления и строительства и

были отозваны в вузы фронтовики-студенты. Все эти поразительные факты принесла прозорливость выдающегося человека, который уже предвидел будущую победу в войне.

Шла в разгаре жаркая война с империалистами США. Однажды приехал в ВГК Народной Армии иностранный корреспондент. Ему захотелось увидеться с Верховным Главнокомандующим Ким Ир Сеном и слушать от него о перспективе войны в связи с запланированным американцами крупномасштабным т. н. «новым наступлением». Корреспонденту было неловко – ведь ему придется отнять ценное время у Верховного Главнокомандующего, на плечи которого возложена судьба войны. И он с чувством напряжения вошел в комнату, но вопреки своему предположению совсем удивился царившей в комнате тишине.

Гость видит – перед оперативным столом, стоящим на одной стороне широкой комнаты, Ким Ир Сен устремляет свой взор к чему-то перед собой, а рядом с ним стоит какой-то совсем юный солдат-ефрейтор и отвечает ему. Корреспондент недоумевающим взглядом глядит на работника, который привел гостя в комнату. Тот шепотом говорит ему на ухо: «Знаете, сейчас товарищ Верховный Главнокомандующий проверяет, как он учился». Гость не понял, в чем дело. Сопровождающий его еще раз уточняет: «Идет учеба. Подготовка тех, кто отправится на обучение для послевоенного восстановления и строительства». Его слова еще раз больше изумили корреспондента. «Значит, он уже уверен в победе в войне!» – с такой думой иностранец, словно убедившись в чем-то, безмолвно тихими шагами выходит из комнаты. Следуя за уходящим, тот работник спрашивает: «В чем дело?» Корреспондент

воскликнул: «Теперь мне все ясно! Я уже кончил свое дело!»

С таким предвидением, с такой проницательной прозорливостью Ким Ир Сен привел свой народ, корейскую революцию, дело строительства нового общества к славной победе. Это немыслимо в отрыве от его обширного кругозора, большой эрудиции, по которым никто не может равняться с ним.

Он был большим эрудитом – многое изучал, поискал, запомнил всю жизнь. Вместе с тем он постоянно обогащал арсенал своего практического опыта. Но он был ярым противником порочной тенденции, носители которой, цепляясь только за устаревший опыт, не желает найти решения проблем с новой точки зрения.

Это было в октябре 1954 г. Однажды Ким Ир Сен посетил село Иап уезда Чынсан провинции Южный Пхёнъан. Там ему довелось встретиться с председателем правления сельхозкооператива. Во время временного стратегического отступления Народной Армии американские варвары убили более 30 его родных и родственников. Ким Ир Сену, слушавшему об этом, было очень больно на душе, и он вместе с председателем провел одну ночь.

В следующий день он, пробираясь сквозь густые заросли сорняков, достигшие до человеческих колен, вышел в Намури. К тому времени везде здесь лежало болото, не было ни одной порядочной дорожки, куда могла бы ступать человеческая нога. Медленно передвигая шаг за шагом по берегу болота, он погрузился в глубокие думы, а затем предлагает местному работнику осматривать круг пруда и сам поднимается на небольшую лодку.

Пробираясь сквозь камышовые заросли, он обследует заболоченное место. После этого он на встрече с крестьянами говорит: если вы

соорудите насыпь в пруду, то получите порядка 100 тыс. *пхён* (мера площади – около 3,3 кв. м) плодородных заливных рисовых полей; с этих полей соберете рис – жизнь крестьян поселка достигнет уровня жизни богатого крестьянина-середняка. В ту минуту сельчане не могли скрывать удивления, все не верили своим ушам. Да и то сказать, и всех взяло сомнение: «Это пруд с мелкими волнами. Разве дно этого небольшого пруда составит ли 100 тыс. *пхён*?» Эти люди десятки лет жили вместе с этим прудом. Каждый день его видели, часто ездили на лодке. Никто из них не знал, даже не мог знать, сколько земель лежит под этим прудом с густыми зарослями камыша. А вот Ким Ир Сен только один раз на лодке осмотрел пруд и сразу уверенно говорит: здесь получится около 100 тыс. *пхён* новых земель. И, понятное дело, они, крестьяне, не могли не удивляться.

Данный Ким Ир Сеном прогноз был доказан реальной жизнью. После его деловой поездки все местные хлеборобы по-ударному трудились над освоением целины. Заброшенный пруд превратился в плодородное поле. Нечего сказать, крестьяне, объятые безмерным чувством радости и волнения, измеряли каждый пхён, каждый квадратный метр освоенного тучного поля. И тут они сделали большие глаза перед на редкость удивительным фактом: площадь освоенных новых земель точь-в-точь 100 тыс. *пхён*. Жители села Иап снова всем своим существом осознали, что у него буквально опытный, верный глаз, обширный диапазон знаний, светлый ум.

Выдающаяся способность точно предвидеть все стала главным истоком его самого мудрого, научно обоснованного руководства делом корейской революции и строительства нового общества.

2 ГЛУБОКОЕ ПОКЛОНЕНИЕ НАРОДУ

Ким Ир Сен был человеком безмерно теплой души, человеком страсти. Он был родом из Мангендэ. Первейшей семейной атмосферой у него была любовь к человеку. Под влиянием родительского воспитания в обстановке жизненной тяготы он рос, храня в себе высочайшее качество – чувство любви к человеку. Вся его жизнь – история, овеянная любовью к человеку.

Он силой любви к человеку, силой любви к народу поднял якорь корабля, имя которому – корейская революция. Он был ярким воплощением любви к человеку, которой овеяна новая история созидания и строительства. Самым могучим оружием в завоевании побед в двукратных революционных войнах была именно любовь к народу.

Совокупность его любви к корейскому народу, его заботы о нем – это есть Родина и революция, есть мир справедливости и правды.

Струя его любви, влитой в сердца и умы людей, такая горячая, что никогда не стынет, пусть даже протекают десятилетия, тысячелетия. И в сегодняшний день корейцы от всей души зовут его отцом. Говорят, за десять лет даже горы и реки меняют свой облик. Но, пусть идут года, тысячелетия, неизменной остается такая его безграничная, теплая отеческая любовь.

Народ, которому поклоняется он, как небу / 52
В центре мышления и действия / 59
Неизменное доверие / 65
Безграничная человеческая доброта / 73
Народный зов – «отец» / 86
Великодушие и доброта сердца / 103
Любовь к человеку, не знающая госграницы / 118
В обретении товарищей – наибольшая радость / 125

Народ, которому поклоняется он, как небу

Любовь – это этика, свойственная человеческому миру. Она делает человеческий мир столь прекрасным, дает людям сплачиваться, помогать друг другу, прокладывая себе путь к решению своей судьбы.

Ким Ир Сен поклоняется народу, как небу. Безгранично сердечная, глубокая его любовь к человеку исходит из горячего чувства преклонения перед народом, абсолютного доверия к нему. Его беспредельная любовь к человеку выражается чувством теплой привязанности ко всем своим соотечественникам, к многочисленным зарубежным друзьям, глубокой заботой о них, его широкой душой, его обаянием, благородным чувством революционного товарищества, которое дает, как говорится, цветам цвести даже на камне.

Ким Ир Сен, обладающий особо искренней любовью к человеку как самым благородным качеством, показал его яркие примеры.

Отнюдь не случайно, что все, кому довелось увидеться с ним, в один голос говорят, что они очарованы его человеческими качествами потому, что он обладает благородной любовью к человеку и высочайшей нравственностью. Общность чувств, испытываемых ими при этом, – светлость сияющей его улыбки на лице, гулкость и теплота его голоса, безгранично широкая душа и обаяние, что дает им сразу очаровываться и чувствовать теплоту любви к человеку.

Почва, в которую пустила свои корни великая его любовь к человеку и на которой росла она, – именно мангендэский род.

Каждый человек делает свой первый шаг в жизни в узких пределах семьи, учится у родителей, в семейном кругу правилам и логике человеческой жизни, вырабатывает в себе человеческие качества и характер. Семейная атмосфера мангендэского рода – в том, что любовь к человеку считается высшей прекрасной нравственностью. В этой обстановке с детских лет у Ким Ир Сена в плоть и кровь вошла любовь к человеку, любовь к семье и нации, любовь к Родине и народу.

Любовь его к человеку – высокая нравственность, чувство настоящего уважения к человеку, суть которого – больше всего на свете дорожить человеком и отдать ему приоритет.

Созданные им идеи чучхе проникнуты чувством уважения к человеку, любви к народу, – эти идеи ценят человека как ценное существо, обладающее самым большим на свете достоинством и большой ценностью, и убедительно провозглашают, что народные массы являются самым мудрым, сильным субъектом истории.

Кристаллом высокого взгляда, последовательной позиции Ким Ир Сена, дорожащего человеком и отдающего ему приоритет, является чувство преклонения перед народом. Он – отец народа, который преклонялся всю жизнь перед народом и проявлял глубокое чувство любви и привязанности к нему.

Народные массы не только желают родительской любви в жизни и быту, но и стремятся к социальной этике любви, требующей от каждого из всех членов общества относиться ко всем другим как людям, в равной мере обладающим человеческими качествами и достоинством, уважать их и помогать друг другу.

Он отдал всю свою жизнь уходу за клумбой любви к человеку. Он, видевший в сохранении человеческого достоинства и уважении личных человеческих качеств первейшую любовь к человеку, считал любовь к человеку, уважение к народным массам знаменем революции и для этого всю жизнь прошел кровопролитный путь.

Любовь к человеку у Ким Ир Сена, дорожащего им, – глубокое чувство поклонения народу, как небу. Суть его взгляда на народ – в том, что следует всю жизнь поклоняться именно народным массам и трудиться ради них.

Ким Ир Сен имел человеческие узы с точжоном Пак Ин Чжином (точжон – лидер религиозного округа секты, должность в духовенстве чхондогё, свойственной корейской нации религии, систематизировавшей тонхак (Восточное учение), возникший в середине XIX в. в отличие от Западного учения – католицизма) и его супругой. Этот рассказ дает возможность угадать шкалу высоты и подлинного смысла чувства настоящего преклонения, которым может обладать человек.

Точжон Пак Ин Чжин – патриот периода антияпонской революции, которому принадлежат заслуги в борьбе за спасение Родины путем коалиции с коммунизмом. Он, занимавший религиозные должности разных ступеней, с 1932 г. начал действовать лидером Чивонского пхо (определенный сектой чхондогё приход. – ред.). В те годы это духовенство имело во всей стране 29 пхо. В частности, Чивонское пхо с охватом, главным образом, Пхунсана, Самсу, Капсана, Чанбая и др. было самой крупной в стране религиозной организацией. Если иметь это в виду, то

можно угадать, что он в те времена занимал немаловажный пост в чхондогёском духовенстве.

Во время Первомартовского народного восстания 1919 г. он, организатор антияпонской манифестации в Пхунсане, в первых рядах более тысячи демонстрантов шел и был тяжело ранен вражеской пулей. Арестованный противником, он томился в Содэмунской тюрьме, но до конца сохранил свою религиозную веру и волю к сопротивлению.

После этого он помогал Армии независимости и во избежание вражеских преследований вел религиозную деятельность в глубокой горной глуши. Наконец, ему удалось иметь связь с политработником-подпольщиком из партизанского отряда, когда Ким Ир Сен, создав 5 мая 1936 г. Лигу возрождения Родины – организацию единого антияпонского национального фронта, с широким размахом вел борьбу за его расширение.

Он, восприняв «Учредительную декларацию ЛВР» и «Программу ЛВР из десяти пунктов», выразил свою симпатию на этот счет и на переговорах с представителем революционной армии показал положительный подход к вопросам. Ему довелось прийти в тайный лагерь ранней зимой 1936 г. Он вместе с Ким Ир Сеном разговаривал несколько дней – и днем, и ночью, обмениваясь мнениями по целому комплексу проблем: от вопроса о ситуации в стране и за ее пределами до реального положения дел в национальном движении и процесса развития антияпонской вооруженной борьбы.

В один из тех дней Ким Ир Сен на беседе не забыл, что собеседнику пора «помолиться в знак почитания чистой воды в латунной посуде», и велел ординарцу принести миску с чистой водой в

посуде, затем он предложил собеседнику совершить религиозный обряд. Точжон Пак Ин Чжин категорически отказался: «Как же мне перед вами, Полководец, совершить обряд молитвы?» Ким Ир Сен говорит ему: вы, уважаемый точжон, отличаетесь сильной верой, как же вы хоть разок пренебрежете обычной для вас законной нормой вероучения?

Чередовались предложение и отказ. И, наконец, священнослужителю пришлось перед чистой водой в посуде произносить текст заклинания, а затем проглотил глоток воды. Немного погодя Пак Ин Чжин спросил Ким Ир Сена о том, что его интересовало.

– Я очень хочу узнать у вас об одном. А вы, Полководец, поклоняетесь ли кому-либо, как мы поклоняемся «ханульним»? Если есть у вас такой предмет, то что это?

Что касается «ханульним», то это означает субстанцию, т. н. «чиги» («дух земли»), которое считается в кругах чхондогё, этой корейской национальной религии, истоком мира, первоосновой всех вещей и явлений. Это символизирует высший объект преклонения. По обычному понятию, ни в коем случае немыслимо, что приверженцы коммунизма поклоняются какому-то предмету как культу, подобно верующим. И точжон Пак Ин Чжин, конечно, понял, что коммунисты не верят в бога.

Однако Ким Ир Сен принял этот вопрос за выражение доверия к нему и дал ответ:

«...И у меня, конечно, есть предмет, которому поклоняюсь, как богу. Это – народ. Я считаю народ небом, служу ему, как богу. Моим богом является не кто иной, как народ. Народные

массы всемогущи, и на свете нет более могучего существа, чем они. Поэтому девизом своей жизни я считаю «поклоняться народу, как небу…»

– Я пришел в горы Пэкту недаром, – говорит гость, послушав Ким Ир Сена. – Теперь я понял, что такое настоящий «ханульним» и где он, – уверенным голосом добавляет он.

Народ – это небо. Таков был у Ким Ир Сена самобытный взгляд на народ, о котором раньше никто даже не думал. Великая сила и ценность народа, этой гигантской субстанции, поднялись до высшего рубежа Ким Ир Сеном. Такая точка зрения на народ – концентрированное выражение его благородного взгляда на народ. Верить народу, как небу, поклоняться народу, как небу, – таков его девиз всей жизни. Его высочайший девиз жизни, беспрецедентный на скрижалях любой истории, находит свое сжатое выражение в словах «поклоняться народу, как небу».

Народ долгие годы подвергался оскорблениям и унижениям, но Ким Ир Сен глубоко поклонялся ему, как небу. При этом истоком его духовной силы была твердая вера в безграничные силы, которые будет проявлять сознательный и сплоченный народ. Он неизменно считал такие его силы неистощимыми. Всему на свете есть свой лимит, но только силам народа абсолютно нет предела; если пустить их в ход, то на свете не будет неосуществимого и у народа проявится такая сила, которая могла бы, как говорится, одолеть даже небо. Таковы были могучие силы народных масс, в которые он твердо верил.

Точжон Пак Ин Чжин, арестованный, как выше уже упомянуто, японской полицией, подвергался жестоким пыткам и весной

1939 г. был временно выпущен на волю под залог, по сильной болезни. Однажды на смертном одре он дал своей жене завещание: «Когда Родина будет освобождена, ты вместе с детьми последуй за Полководцем Ким Ир Сеном». И еще: одному из своих учеников, пользующемуся его особой любовью, сказал: «Поскольку здравствует Полководец Ким, здравствует революционная армия в горах Пэкту, наши соотечественники, люди белоодежной нации, непременно будут встречать этот «тонтхыллар» (день рассвета). Вы будете жить в стране «ханульним», где разные цветы расцветут во всей красе. Ясно вижу перед собой этот день».

Летом 1992 г. Ким Ир Сену было доложено, что жива вдова Пак Ин Чжина, которой за девяносто лет. Он был так рад, что велел сотруднику без промедления привести ее хотя на спине, если ей трудно ходить.

Вдова Пак Ин Чжина, женщина преклонного возраста, поспешно пошла к нему и все время с уважением звала его «ханульним» в отличие от других. Он очень просил ее: не надо так звать, но она не слушалась: «И во сне я видела «ханульним». Говорила она хотя коротко, но слова эти исходили из глубины ее сердца.

Священная история Ким Ир Сена, цветовода клумбы любви к человеку, неизгладимо запечатлена навеки в сердцах корейцев. Он всю жизнь считал настроения народа волею неба, видел в народных массах всемогущее существо на свете, поклонялся им, как небу. Такого великого отца корейский народ воспевает как Солнце жизни, Солнце нации. Вот так для него небом был народ. Такой народ для него был ничем несравнимым, самым дорогим, самым мудрым, могучим существом на свете.

В центре мышления и действия

Сотрудники очень беспокоились о том, что с годами больше седеют волосы у Президента Ким Ир Сена. Вникнув в их душу, когда-то он им сказал:

«В общем-то люди моей семьи не седели. Но только у меня волосы тронуты сединой. Так я седел от душевных переживаний: каким образом скорее объединить Родину для устранения мук-мучений, испытываемых нашим народом из-за раскола нации, каким образом дать ему жить зажиточно. Тем более что мне приходилось день и ночь заботиться, размышлять о том, чтобы реализовать вековое желание нашего народа, как говорится, питаться белым рисом с мясным супом, одеваться в шелк и жить в домах с черепичной кровлей, – и, ну что ж, волосы не могут не седеть».

Эти его искренние слова концентрированно выражают его взгляд на народ, проникнутый любовью к нему.

Ким Ир Сен всю свою жизнь, все свои усилия посвятил на благо народа. В центре его мышления, его практического действия неизменно находилась искренняя любовь к народу. Все векторы его размышления и деятельности от начала до конца были проникнуты чувством безграничной любви к народу.

Всю жизнь он неизменно, больше всего желал, чтобы корейский народ жил зажиточно, не завидуя никому на свете.

Это было в 1990-е годы. Однажды во время прогулки в усадь-

бе ему в глаза бросилась редкая на вид курица. Это была курица декоративная, которую достали сотрудники, чтобы Президент, без устали работающий с большой нагрузкой дел, хотя бы на минутку мог веселиться на прогулке. Эта птица была особая – на задней стороне пятки пестрел длинный разноцветный пух. За приятный вид она называлась «курицей с пушистыми ножками».

Он с явным интересом разглядывает курицу и вдруг обращается к тому сотруднику: сколько яиц дает в год эта курица? В ответ: «Около 80 яиц». Ким Ир Сен с довольно удивленным выражением на лице взглянул назад на того работника. В его взгляде мелькнул свет разочарования.

«Обычная курица дает 200 – 250 яиц. А вот эта курица, думаю, некуда годится – дает только 80 яиц», – звучит в его голосе довольно разочарованный тон.

«Товарищ Президент, эта курица не мясной, не яйценосной породы. Это птица декоративная. На вид, видите, красива, прелестна».

Ким Ир Сен говорит: куры-то должны дать много яиц. Куда годится та, которую только любо смотреть. Куры хотя некрасивы на вид, пусть они дают много яиц. Если будут такие, то я каждый день выйду посмотреть их.

«Мне хотелось бы, чтобы у нас были такие курицы, которые дали бы порядка 400 яиц в год. Тогда наш народ получил бы больше яиц», – продолжает он.

Такова была у него норма оценки вещей: какой бы роскошной, новой ни была любая вещь, она останется полной бессмыслицей,

если она не принесет народу практическую пользу.

В первом ряду народа, любимого и почитаемого Ким Ир Сеном, неизменно стояли дети, которых он считал «королями» страны. И он всю свою жизнь как никто другой больше любил детей и делал все от себя зависящее для них.

Всем известно, что он отмечал новогодний праздник вместе с детьми, но, наверное, мало кто знает, что новогоднее празднество было в его присутствии и в ресторане «Окрю».

Накануне нового, 1961 года он ловил себя на мысли: где надо отмечать новогодний праздник, который традиционно проводил он вместе с юными гражданами.

До того новогодний концерт был в Кинотеатре «Тэдонмун», а теперь он считал этот кинотеатр неподходящим как по масштабу новогоднего представления, так и по числу участников мероприятия.

По этому вопросу он советовался с сотрудниками. Он предложил: по-моему, лучше бы проводить мероприятие в ресторане «Окрю», который скоро будет открыт, как вы думаете?

Тут сотрудники не верили своим ушам. Понятное дело: ресторан «Окрю» пока еще не начал свою работу, это здание построено для государственного банкета. Об этом без утайки рассказывал один из сотрудников.

Ким Ир Сен с теплотой в голосе говорит: лучше будет использовать такое здание, которое пока еще не вступило в эксплуатацию; нам следует иметь прежде всего правильное отношение, верный подход к детям; даже если нам придется устраивать государственный прием на другом месте, но для детей следует выде-

лить ресторан «Окрю», чтобы они там могли бы петь и танцевать по своим желаниям и способностям.

Итак, ресторан «Окрю», предназначенный для проведения государственного банкета, выделен для новогоднего представления детей по случаю нового, 1961 года.

И 8 апреля 1973 г., когда построен Пхеньянский дворец спорта, Ким Ир Сен с теплотой души сказал: для чего вы будете использовать этот большой дом? Если убрать центральную трибуну, то можно будет использовать и ее место, чтобы больше пхеньянцев посмотрели концерт; руководящих работников будут единицы на концерте, так что зрительные места для них можно устроить в углу на одной стороне; это даст возможность в большом масштабе провести новогоднее представление детей.

Благодаря его заботе в центральной части столицы Пхеньяна, на хорошо видном месте, выбрано место под постройку дворца детей.

И в трудной обстановке параллельного ведения экономического и оборонного строительства в КНДР воздвигнут Пхеньянский дворец школьников, и стали громче раздаваться детские песни.

С такой горячей любовью к народу он оставил во всей жизни яркие следы самоотверженного служения народу.

15 апреля 1992 г. правительство КНДР устроило прием в честь 80-летнего кимирсенского юбилея, на котором он отметил:

«На путь революции я встал с решимостью отдать всю свою жизнь Родине и народу. С тех пор и до сегодняшнего дня я всегда испытывал чувство любви к народу».

Давно он видел в самой революции проявление любви к народу.

В своей жизни он испытал самую острую боль в душе в дни антияпонской борьбы в мрачном тайном лагере в Мааньшане. Здесь он стал очевидцем несчастья членов детского отряда, которым приходилось переживать всякие невзгоды. Им были приклеены ярлыки причастных к «Минсэндану» – организации шпионов и прислужников, состряпанной коварными японцами в феврале 1932 г. с целью подрыва изнутри вооруженных рядов, борющихся против японских империалистов.

В то время, с большим трудом сдерживая душераздирающую боль, он строго упрекал работников интендантской службы в тайоном лагере: сегодня я здесь вынужден еще раз осмысливать взгляд революционера на ценность. Ради чего мы начали революцию? За что и ныне мы, преодолевая все трудности, продолжаем революцию?!

«Мы вступили на путь революции не из-за стремления разрушать что-то, а от того, что любим человека. Ведь мы все поднялись на борьбу против этого ненавистного мира, чтобы освободить человека от всех несправедливостей и дурных привычек, чтобы защитить человеческое и отстоять созданные человеком богатства и красоту», – суровым тоном сказал он.

Ким Ир Сен, считающий революцию проявлением любви к человеку, беспощадно, решительно боролся против даже малейших явлений посягательства на интересы народа и причинения ему вреда.

Во время руководства на месте делами он больше всего обра-

довался встрече с работниками, которые прилагают все свои усилия для улучшения жизни населения. А тех, кто, находясь в низах, кричат на массы и обрушивают на них ругань, он уничтожающе критиковал без малейших поблажек.

Все векторы мышления и деятельности Ким Ир Сена, отличающегося горячей любовью к народу и почитанием его, сосредоточены на исключительно большой заботе о росте благосостояния населения и на тщательном руководстве этим делом.

Он был главой великой семьи страны, который всю жизнь, неся всю ответственность за питание, одежду и жилье для населения, прилагал огромные усилия для решения этих вопросов. Больше всего его беспокоила проблема питания. Проблема об одежде может быть решена постепенно, но когда речь пошла о проблеме питания, он никогда не сделал никаких уступок, «скидок». Таким человеком он был. При получении каждой информации, когда плохо кормят население и создают им неудобства, он так беспокоился, что даже не мог отдохнуть ночью.

Мало кто знает, что он после освобождения страны, когда работал Председателем Временного Народного Комитета Северной Кореи, на заседании ВНКСК в первую очередь обсудил проблему о соевой пасте и соусе.

Так в центр мышления и деятельности Ким Ир Сена поставлена забота о народе, и он всю жизнь посвятил делу счастья народа. Рассказам об этом не будет конца.

Да, все годы жизни Ким Ир Сена полны духом горячей любви к народу, поклонения ему, как небу, духом самоотверженного служения его интересам.

Неизменное доверие

Любовь Ким Ир Сена к человеку горяча, незыблема, она укоренилась в абсолютном доверии к человеку.

Доверие Ким Ир Сена к человеку было исходной точкой, самым важным аспектом его врожденных качеств – любви к человеку, краеугольным камнем в прославлении истории корейской революции как истории любви к человеку.

Революцию он начал с доверия к человеку и, считая его движущей силой, вел дело революции. Вся его жизнь проникнута доверием к народу, к товарищам. Это доверие было для него самым главным, могучей движущей силой в ведении революции, философией человеческой жизни, которую он воплотил в делах всю жизнь.

Доверие к человеку было для него философским кредо всей жизни; это абсолютное и прочное доверие было точным отражением глубокой истины революционной борьбы и человеческой жизни.

Эта его философия доверия начала формироваться и упрочиваться уже с дней революции, когда была объявлена им война с сильным врагом – империалистической Японией, которую вел он почти с голыми руками.

У него, вставшего на непроторенный путь революции с сохранением своей миссии – добиться независимости страны, правду сказать, не было ничего, кроме голых рук. Да и не было

с самого начала прочных материальных основ, твердо гарантирующих победы.

Если было у него что-то, то это было доверие к народу, который стал бы для него духовной опорой. Вера в безграничную верность и чувство морального долга товарищей по революции, вера в неиссякаемые силы и мудрость народных масс, вера в их патриотический энтузиазм – вот в чем был путь к свершению революции, выбранный им при этом.

Подобное его доверие выковало неисчислимое множество известных и неизвестных борцов за революцию. Его глубокое, как океан, доверие к людям помогало им проявлять несравненную самоотверженность и боевую волю в борьбе за Родину и революцию, за партию и народ. Даже те, кто одно время был втянут в маховик контрреволюции или служил приспешником врагов, повернулись в сторону революции, глубоко тронутые силой человеческого доверия Ким Ир Сена.

В 7-м томе его мемуаров **«В водовороте века»** есть рассказ под заголовком «Охотник на хорьков». Это было в 1937 г., когда бойцы КНРА вели боевую и политическую подготовку в Матангоуском тайном лагере.

Охотник на хорька, помогавший партизанам, к несчастью, попал в щупальца япошек и пошел на измену. Изменник, подкупленный противником, во многих случаях показывал странные симптомы, но и Командующий Ким Ир Сен, и рядовые партизаны никогда не выражали ни тени сомнения и подозрения. Наоборот, показывали свое сочувствие в отношении тяготы жизни охотника, сводящего концы с концами на охоте на хорька, и со всей искренностью относились к нему. Даже в нарушение правил внутренней жизни в тайном лагере, запрещающих любой вход граждан в него, приводили его в лагерь, угощали гостя кашей из проса, приглашали на развлекательные мероприятия, публичные лекции, обсуждения по политучебе и показывали службу и жизнь в отряде. Все старались помогать ему открывать глаза.

Охотник был глубоко тронут тем, что Командующий и все рядовые партизаны абсолютно верят ему и искренне относятся к нему.

И однажды, когда Командующий Ким Ир Сен пригласил охотника на беседу, он, пользуясь случаем, сам сказал о самом себе. Он вышел на воздух и, показывая даже свой топор, спрятанный под березкой, откровенно признался, что он получил от япошек задание повредить партизанскому командованию. Охотник сам сказал о своих грехах – о том, что партизаны, поверив ему, относились к нему, как к дорогому гостю, но он с повинной своевременно не высказал, спрятал топор и, явно зная, что тот молодчик, связавший его с партизанами, служит прислужником противника, не сообщил об этом Командованию.

В своих мемуарах автор пишет: в то время чуть ли не все погибло бы: и Командование, и весь отряд; доверие к охотнику на хорька вернуло его от гнусного замысла к совести, присущей человеку; доверие застраховало нас от возможного несчастья.

В его революционной жизни аналогичный инцидент был не раз-два. В такой кризисный момент доверие к человеку, это своего рода оружие, позволило ему превратить неблагоприятную ситуацию в благоприятную, несчастье – в счастье. Он уверен:

недоверие никакой пользы не принесет, а доверие даст действительно многое.

Доверие Ким Ир Сена к человеку означало искреннее, абсолютное доверие к товарищам по революции, к народу, к военнослужащим.

Он всю жизнь посвятил весь жар своего сердца отнюдь не для того, чтобы какие-то отдельные люди, какой-то отдельный коллектив стали мощным субъектом истории, самостоятельным хозяином своей судьбы. При этом он имел в виду людей с молотом, серпом, кистью, т. е. рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, военных с ружьем, весь народ страны.

Наверное, мало кто хорошо знает, почему минуло долгое время – два года – до осуществления на деле перемирия после того, как впервые был поставлен на повестку дня вопрос о перемирии в Отечественной освободительной войне (25 июня 1950 г. – 27 июля 1953 г.).

Через три дня после начала войны полностью опрокинулась бредовая мечта империалистов США сразу «проглотить» всю Корею. Народная Армия перешла к решительному контрнаступлению и всего за месяц с лишним освободила более 90 проц. территории Южной Кореи и свыше 92 проц. ее населения. Враги под ударами народноармейцев были загнаны в узкую зону провинций Северный и Южный Кёнсан.

Однако Народная Армия из-за нехватки оружия была вынуждена совершить стратегическое временное отступление. Но сила неизменного доверия Ким Ир Сена к корейскому народу, народноармейцам позволила им преодолеть суровые испытания периода временного отступления. Они сумели полностью сорвать «генеральное наступление рождества» и увенчать победой боевую операцию 3-го этапа войны.

Народноармейцы, оттесняя южнее 38-й параллели агрессивные войска империалистов США, продолжали наступление на юг. После краха генерального наступления американских войск Макартур вынужден признаться: «…Соединенным Штатам невозможно добиться победы в Корее». Загнанные в заколдованный круг империалисты США через один год после войны вдруг выступили с предложением начать переговоры по вопросу перемирия.

Однако и после этого война длилась еще на два года. Это объясняется целым рядом причин, в том числе, конечно же, и гнусной попыткой империалистов США затягивать время за кулисами переговоров о перемирии и прибегать к «новому наступлению». Однако одной из главных причин затягивания длительного времени до осуществления на деле перемирия был вопрос о военнопленных.

Ким Ир Сен считал, что предложение империалистов США, поджигателей войны, о перемирии ничем не отличается от их капитуляции. Пусть ведутся переговоры о вопросах перемирия, но КНДР должна достойно предъявить противнику свои требования – в таком направлении Ким Ир Сен принял жесткие меры. Среди них одним из основных вопросов, ждущих обязательного решения, был именно вопрос о военнопленных. С той поры, когда подтверждалась практическая возможность перемирия, он упорно вел войну без орудийного гула с империалистами США в целях

возвращения в КНДР людей, взятых в плен противником.

В любой войне бывают пленные. Надо гуманистически относиться к военнопленным, нельзя надругаться над ними, пытать, убивать или взять в объект живого опыта, а нужно безусловно репатриировать их – таков порядок, определенный международно-правовой нормой.

Однако в годы корейской войны американские варвары совершали злейшие античеловеческие злодеяния – подвергали пыткам, угрозам, шантажу военнопленных, чтобы они изменили своим убеждениям и выступали против КНДР.

Ким Ир Сен, как никто другой ощущавший острую боль, прилагал все свои усилия для возвращения всех военнопленных на Родину. О другой проблеме может идти речь, но в вопросе об обмене пленными ни в коем случае не может быть никаких уступок – таков был у него подход к делу. Для решения вопроса об обмене пленными он в те годы более ста раз звонил главному представителю КНА в Военную комиссию по перемирию. Впоследствии Ким Ир Сен, вспоминая о тех днях, сказал: я в связи с вопросом об обмене пленными более года боролся с империалистами США; если не было бы этого вопроса, я думаю, пораньше могло бы быть подписано Соглашение о перемирии. День ото дня пожар войны все охватывал родную землю, кровью обливались тела и души людей. В те дни Ким Ир Сен, несмотря на всю душевную боль и все трудности, прилагал титанические усилия для возвращения военнопленных на Родину. К этому побудило его нечто иное, как доверие к ним. На это толкнуло его не простое чувство морального долга Верховного Главнокомандующего, дорожащего своими солдатами, а чисто человеческое доверие к солдатам, твердая вера в сынов Республики. И вот он, восстанавливая в памяти те дни, сказал: если я в то время не поверил бы пленным, то с самого начала не постарался бы привести их к нам.

Он говорил: тот, кто не верит людям и только с подозрением относится к ним, пусть живет в одиночку на одиноком острове.

Каждый раз, когда дает о себе знать такая порочная тенденция, он своевременно исправлял обнаруженные пороки. Так, однажды во время Отечественной освободительной войны один из руководящих работников ведомства вооруженных сил вернулся с инспекции Н-ской народноармейской дивизии. Он доложил о проверке ее личного состава: «85 процентов бойцов той дивизии – люди неблагонадежные». Послушав его, Ким Ир Сен раскритиковал его: опасна не дивизия, а более рискованно ваше поведение.

И при обнаружении узколобого подхода отдельных работников к людям со сложным семейным окружением он тут же немедленно поправил положение дел.

Доверие его к человеку оказалось абсолютным, в нем не было дискриминации, не было особого предела и рубежа. Он, великий отец, первым оказывал любому доверие. В этой обстановке родилась беспрецедентная в истории высоконравственная политика, в КНДР раскрыта грандиозная картина единодушия и сплоченности людей.

Подобное его доверие, которое он всю жизнь сохранял, было самым искренним, бескорыстным. И неслучайно, что он, когда

речь шла о доверии к человеку, непременно подчеркивал: **«В доверии не может быть показным»**. Поэтому он, обладатель благородного чувства любви к человеку, с риском для собственной жизни, без малейшего колебания встал на борьбу за защиту человека.

Обращаясь к людям, он всегда с открытой душой рассказывал: я верю вам. И на встрече со своим старым боевым другом, и на встрече с простыми рабочими и крестьянами он изливал им всю свою искреннюю душу со словами: я вам всегда твердо верю. И, естественно, те, кому оказано его доверие, сохраняли его как жизненную артерию для себя и делали все, чтобы до последних минут своей жизни оправдать оказанное доверие.

В дни минувшей Отечественной освободительной войны Ким Ир Сен, предвидя будущую победу, направил многочисленных технических работников на стажировку в другую страну с целью подготовки технических специалистов, нужных для послевоенного восстановления и строительства. И в то время некоторые узколобые люди поставили под вопрос их происхождение и биографию. Ким Ир Сен сказал: в прошлом среди корейцев сыновья и дочери рабочих и крестьян за неимением денег не могли даже ступить через порог школы, а какое-то образование могли получить во всяком случае дети денежных людей; если ставить вопрос с интеллигентами нашей страны, то к каждому из них можно придираться во всем; но я уверен, что технические работники, внесенные в предложенный список, во время практических занятий в другой стране не будут шпионить, да и после возвращения на свою Родину не будут заниматься вредительством; список наших

стажеров и мое поручительство направите в соответствующее ведомство той страны.

Итак, его горячая любовь, глубокое доверие к человеку связали в КНДР руководителя страны и народ воедино кровными узами, и открылась великая история сообщества судеб.

Безграничная человеческая доброта

Носитель настоящей любви к человеку посвящает весь жар своего сердца, весь заряд своего дарования и силы ради других, искренне помогает им и заботится о них. Такая любовь отнюдь не всплеск простых чувств. Это – выражение пламенности, искренности, теплоты души активных стараний того, кто самозабвенно, самоотверженно служит почитаемому, доверенному человеку.

Ким Ир Сен был любимым всеми человеком, который с безграничной человеческой добротой относился к людям и посвятил всю свою жизнь делу счастья народа. И эта щедрая человеческая доброта стала главным фактором, сделавшим его любовь к человеку самой искренней, самой горячей.

Неизменная теплота души, человеческая доброта, задушевный подход в обращении с людьми, искренняя помощь человеку и глубокая забота о нем – вот в чем важнейшая отличительная черта его благородной любви к человеку, его отеческой любви.

Кстати, глава государства – высшая служебная должность. Однако Ким Ир Сен не приказами, не распоряжениями приводит в

действие людей, помогает им в делах и жизни силой любви, привязанности, задушевности и отеческой доброй души.

Его человеческая доброта трогала сердца всех людей. С таким чувством Ким Ир Сен даже в огненные дни войны сам у себя воспитывал сироту. А в послевоенные дни с сочувствием относился к членам семей перешедших во время войны на Юг, живущим без мужей, без отцов, вместе с ними проливал слезы и часто посещал их. Он с человеческой добротой так задушевно, так тепло относился ко всем, что и дети, и взрослые чувствовали перед ним, что у них с плеч слегли все заботы.

Кстати сказать, до тех пор люди, когда они думали о выдающихся военных деятелях или великих личностях, руководителях революции, обрисовывали перед собой, как правило, их строгий облик. Люди обычно имели такое представление, что любимый образ слишком далек от них.

И спецпосланник экс-президента США Рузвельта, имевший встречу с И. В. Сталиным в декабре 1941 г. в Москве, добавил: «У него не было ни ненужного жеста, ни неестественного выражения на лице. Похоже было, что говорит машина разума, порядочная в отличной степени». Это можно считать оценкой человеческого образа, свойственного Сталину, который при обращении к людям показывал строгое и подавляющее собеседника выражение.

С давних времен люди считали человеческую доброту первейшим признаком прекрасной нравственности, украшающей человеческое общество. Однако диапазон человеческой доброты великого Ким Ир Сена, владеющей сердцами каждого и всех, был так широк, как бескрайный океан.

Его улыбка – такая светлая и теплая, как солнечные лучи, в обращении к народу – была концентрированным выражением его человеческой доброты. Его облик с сияющей улыбкой, трогающей струны сердец всех людей; всю его более 80-летнюю жизнь оставался неизменно солнценосным.

В сердцах и умах корейцев запечатлен образ любимого, безгранично доброго отца, образ Солнца – человека с неизменной светлой улыбкой на лице.

В любое время, на любом месте на его лице сияла солнценосная улыбка: и на встрече с рабочими и крестьянами, и во время встречи с детьми, и в обращении к руководящим работникам, и на встрече с военнослужащими и передовиками труда во время рабочей поездки. Даже когда те или иные руководящие и другие работники, объятые чувством вины за совершенные ими ошибки, за причиненное ему беспокойство не находили себе места, он относился с доброй улыбкой на лице и доходчиво убеждал их, в чем они виноваты. И на официальных собраниях или на беседах, и на главной трибуне на партийных и государственных мероприятиях всегда на его лице играла широкая улыбка.

Его светлая улыбка, точно такая, как солнечные лучи, всегда успокаивала, веселила встречающихся всех людей. Она была выражением именно искреннего чувства любви к человеку, теплоты человеческой привязанности. Обладавший именно этими необычными чувствами, он мог силой сверхчеловеческой воли пройти через полосу всяких трудностей и испытаний истории. И он, сам преодолевая всю острую боль, ни разу не изменился в лице перед людьми и всегда относился к ним с улыбкой.

Он с широкой улыбкой на лице, с теплотой души, с большей, чем отеческая, заботой и любовью относился к солдатам революции. Такая обаятельность присуща только великому человеку Ким Ир Сену.

Политическим деятелем США, первым после корейской войны посетившим Пхеньян и получившим аудиенцию у Ким Ир Сена, был председатель Азиатско-тихоакеанской комиссии дипломатического комитета палаты представителей американского конгресса. Через 20 лет был предан гласности протокол о переговорах того времени с ним. После его опубликования, точнее, в 1980 г., он на пресс-конференции на просьбу журналистов рассказывать о впечатлениях, произведенных на него во время встречи с Президентом Ким Ир Сеном, с открытой душой отметил: «В то время я разговаривал вместе с Президентом Ким Ир Сеном порядка четыре часа. Президент Ким Ир Сен был, конечно, человеком с необычаным умом и душевной нежностью, он рассказывал всегда с улыбкой на лице. Я получил впечатление, что он человек доброй души». Его слова можно считать признанием, вытекавшим из глубины его сердца, – признанием насчет особых личных качеств Ким Ир Сена, который с щедрой человеческой добротой, со светлой солнценосной улыбкой нежно и задушевно относился не только к любимым своим соотечественникам, людям своей нации, но даже и к иностранцам.

Он с покойной душой относился даже к тем, кто за глаза пакостничает, а в глаза цинично ходит в маске. Он, конечно, ясно понял их подлинное нутро, но обычно не злился или не пытался разузнавать их, а с великой душой, с улыбкой обращался с ними, чтобы сами виновные признались в своих грешностях или, изменившись, встали на путь совести.

Для врагов он был страшен и грозен, горел в глазах огонь гнева и ненависти, а перед народом всегда показывал себя человеком со светлой, как солнечные лучи, улыбкой.

Теперь о Хон Мён Хи, широко слывшем большим талантом корейской нации во время, когда все люди страны изнывали в гневе и горестях рабов, лишившихся своей Родины. Когда-то после освобождения страны его сын обратился к отцу с вопросом: «Скажи, каков Полководец Ким Ир Сен? Можем ли мы поручить ему судьбу нашей семьи?» Отец ответил: «Что могу сказать? Я очарован его широкой и светлой улыбкой!» Его ответ уже широко известен. Да, это не было только голосом одного человека, который на встрече с Ким Ир Сеном познал приход момента перелома в человеческой жизни. Его слова выразили чувства корейцев и других многочисленных людей, которые очарованы солнценосным портретом всегда широко улыбающегося Ким Ир Сена.

Это было в июне 1984 г. Президент Ким Ир Сен посетил бывшую Югославию. В то время фотокорреспондент той страны, весь очарованный светлой улыбкой высокого гостя из КНДР, не смог снять тот исторический момент, когда он выходит из вагона поезда. В допущенных им ошибках он от всей души признался: «Улыбка товарища Ким Ир Сена была удивительная, очаровывающая людей, полная любви. Всеохватывающая обаятельность, широкая, как океан, душа, могучая сила воздействия, благородная человеческая привязанность – вот чем отличается его улыбка. На свете, я бы сказал, не будет такого оператора, который точно так же безупречно воссоздал бы его улыбку».

Да, он, фотокорреспондент, моментально очарованный его улыбкой, сияющей на его лице, совсем забыл свой профессиональный журналистский долг. Правду сказать, тут совсем не было основания обвинять его в этом.

В июле 1994 г. корейцы проводили его в последний путь. Они бесконечно плакали, рыдали потому, что именно при виде его портрета в солнценосной улыбке их взяла неуемная тоска по великому вождю, который с такой теплотой души проявлял любовь к ним.

Человек в жизни переживает радость, удовольствие и веселье. Самым общим, точным выражением подобных чувств и эмоций является улыбка человека. В этом смысле улыбка человека, можно сказать, является выражением его самых откровенных чувств.

В сердце каждого корейца запечатлен образ отца, у которого от безмерного удовлетворения и несказанной радости всегда на лице играет широкая и светлая улыбка. Все корейцы, все люди мира отлично знают, что он, человек щедрой доброты, проводит время всегда в улыбке.

Однако на свете мало кто знает всю глубину души человека, который всегда с широкой улыбкой на лице тепло относился к народу, детям, друзьям и вместе с тем проливал немало слез.

По правде говоря, он проводил свои более 80 лет не только в радости и удовольствии, в восторге и улыбке. У него было больше слез, чем улыбка, он всю жизнь как никто другой больше переживал боль от утраты.

Ему приходилось переживать все страдания, которые мог бы испытывать человек, и он больше проливал и слез от никем не

пережитой самой острой боли. В самом деле у него почти не приходило дня, когда в его сердце не высохло слез.

Он был непобедимым стальным Полководцем и выдающимся политическим старейшим деятелем, но как никто другой жил с большой душевной болью. Он незаметно для других проливал много слез, чем улыбки. Это и объясняется тем, что он был полон любви к человеку, щедрой доброты океанской глубины.

Если самой искренней, самой горячей любовью к человеку среди разных гамм его мыслей и чувств является человеческая доброта, то одним из ее самых откровенных выражений – слезы, проливаемые именно из искренних чувств.

У Ким Ир Сена больше, чем у всех других, человеческой доброты и слез, он имел своеобразный взгляд: умеешь проливать слезы – можешь быть и настоящим героем.

Так, 2 января 1988 г., 8 июня 1989 г., 6 ноября того же года на беседе с ответственными работниками партии, государства, армии Ким Ир Сен сказал:

«Хорошо, что у человека много слез. Человек холодного, бесчувственного характера, даже если заставить его плакать, не прольет ни капли слез. Герой, умеющий проливать слезы, является настоящим героем».

Ким Ир Сен, полный чувства любви к народу, дружбы с товарищами по революции, всю жизнь проливал много слез. С самым большим горем, самой острой болью в душе он проливал слезы, когда потерял любимых товарищей по революции.

При каждом получении скорбной вести о смерти боевых друзей, товарищей он не мог сдерживать хлынувшие слезы;

возникшая рана в душе навеки оставалась в его сердце незаживающей.

В годы антияпонской войны многие товарищи, так и не увидев дня освобождения Родины, ушли из жизни. При каждом получении скорбной вести об этом он не мог сдерживать острую боль в душе, даже забыл и спать, и едать. Он, весь объятый хлынувшими горестями и душевными переживаниями, в горьких слезах писал некрологи, сам похоронил погибших.

Однажды в годы антияпонской вооруженной борьбы он получил весть о том, что вражеская пуля поразила коминтерновского посланца, с которым он познакомился всего лишь десять дней назад. В то время он, закрыв дверь комнаты, весь день в слезах чтил память о погибшем. Так было и после освобождения страны. Когда из жизни ушли Ким Чак, Ан Гир, Пак Дар и другие товарищи по революции, Хо Хон, Хон Мён Хи и другие патриоты, Ким Чон Тхэ, Чвэ Ён До и другие патриоты-борцы за воссоединение Родины, он никак не мог вынести скорбь и горе, все проливал слезы, как никто другой больше переживал острую боль от утраты.

Так было не только во время ухода из жизни руководящих работников. И при каждом получении вести о том, что от него ушли простые солдаты, простые люди, с которыми он знаком, не мог выдерживать большое горе и хлынувшие слезы.

Это было во время войны. Его шофер, водивший машину, вдруг из-за паралича сердца умер за рулем. Ким Ир Сен был весь объят неуемным горем, не мог сдерживать хлынувшие слезы, сам ведал делом похорон и выбрал место погребения. После похорон он сказал: дорога нас торопит, но с покойным буду еще на одну ночь, и

замедлил с отъездом, целый день не ел, все проливал слезы, не вынося горести.

Жертва революционных бойцов в бою приносила ему такую острую боль в душе, что он видел важный критерий определения победы как в результатах боя с противником, так и в степени потери вооруженных сил.

Когда в разгаре шла Отечественная освободительная война, отдельные военные командиры в нарушение курса ТПК на опору на туннели в боях внедрили не соответствующие условиям Кореи т. н. «маневренные бои» и другие приемы ведения боя, что привело к немалым жертвам солдат. Однажды Ким Ир Сен, строго замечая эти ошибки, решительно отметил: **«Если в бою будет большая потеря наших войск, то этот бой не станет победным, даже если он будет выигран»**. При этом он подчеркнул: мы отвергаем способ мышления военных стратегов буржуазного толка, которые, считая солдатские массы только одним средством ведения войны, не интересуясь их массовыми жертвами, поднимают тост победы.

Если заглянуть в мировую историю войн, то можно узнать немало примеров, когда восторженно кричали «Ура!», водрузив флаг победы на грудах трупов. Так, в начале XX в. японская военщина более 130 тыс. штыками своих вооруженных сил атаковала порт Люйшунь, обороняемый свыше 51 тыс. бойцами, и только через 7 месяцев сумела захватить его ценой более 110 тыс. убитых и раненых, а затем громко кричала о своей солидной победе. И еще: во время 2-й мировой войны американо-английские войска потеряли в десантных операциях в Нормандии во Франции, увы, более 122 тыс. военных, но рекламировали их как «образец» со-

временной военно-морской десантной операции. Американский генерал Макартур в десантных операциях на японском острове Ио площадью не более 20,3 кв. км потерял огромные контингенты вооруженных сил, но за это повысился в должности и зачислился в ряд «пятизвездных генералов», которых были единицы в американских войсках.

В дни вооруженной борьбы против японских оккупантов Ким Ир Сен вел бои победоносно почти без людских потерь. А порой, когда пали в боях солдаты революции, он не сдерживал безутешные слезы. И во время Отечественной освободительной войны он не признал саму победу боя, сопровождаемого большими человеческими жертвами.

И он, полный человеческой привязанности, воплотивший в себе любовь к человеку, больше всего ненавидел лишенного человеческих чувств.

Всем известно, что в конце марта 1989 г. приехал в Пхеньян священник Мун Ик Хван, бывший советник Общенациональной ассоциации демократических движений Южной Кореи («Чонминрён»), и встретился с Президентом Ким Ир Сеном. Священник выразил поддержку предложения о проведении политических переговоров между деятелями руководящего ранга Севера и Юга, выдвинутого Президентом Ким Ир Сеном в новогодней речи 1989 г. с целью реализации варианта воссоединения страны путем введения конфедерации, и находился с визитом с 25 марта по 3 апреля 1989 г., был принят 27 марта лидером КНДР.

После пребывания на Севере он 13 апреля прибыл в южнокорейский аэропорт Кимпхо. В тот день правители Южной Кореи

тут же на месте в аэропорту арестовали священника и, приклеив к нему ярлык «посетитель Северной Кореи», приговорили его к 7-летнему тюремному заключению, заключили его в тюрьму. Несмотря на это, они, циники, требовали от КНДР провести «переговоры».

В то время Ким Ир Сен наотрез отказался от них. Он сказал: южнокорейский правитель бросил в тюрьму 70-летнего старого священника, имеющего больную мать; судя по этому, можно узнать, что он слишком лишен человеческих чувств, человек жестокий; зачем же встретиться с таким жестоким человеком? Позиция Ким Ир Сена была тверда: какая бы то ни было крупная проблема политического значения ставится, нечего будет ожидать от жестокого, лишенного человеческих чувств, не буду даже иметь дело с ним. Это недвусмысленно свидетельствует, насколько дорожил он человеческой добротой в обращении к людям.

Человеческая привязанность, свойственная Ким Ир Сену, была самая искренняя, прочная, никогда не выцветающая даже с течением времени.

После освобождения Кореи к нему в гости пришел поэт Чо Ги Чхон – автор поэмы «Гора Пэкту». Ким Ир Сену как первому читателю его произведения довелось слушать декламируемые поэтом стихи.

В них было очень много строк, трогающих струны людских сердец. Его больше всего волновал фрагмент, отражающий горькие переживания главного героя стихов, который похоронил сраженного вражеской пулей любимого мальчика Ён Нама. Цитируются следующие строки:

…
Ты, дровосек,
Хоть горем и убитый,
Руби деревья осторожно, что
Они оберегают?
Души павших
За Родину отважнейших бойцов.
История не знает бед вчерашних,
Все беды – наши,
Все тут налицо.

Ты, путник
Величавых этих гор,
Не трогай камни у дороги горной.
Кто знает, может,
С тех далеких пор
Под ними кости тех,
Кто бой вели упорный
За Роднину и за родной народ,
Еще живым лицом
Упавшие вперед…

Слушая эти строки, Ким Ир Сен был не в силах сдерживать хлынувшее волнение, начал проливать слезы – вспоминались ему ушедшие из жизни боевые соратники. Терзали его душу известные и неизвестные предшественники, которые сложили голову на немилой чужбине и не были похоронены как следует без надгробного памятника. Шли годы, но глубокая память, оставленная в его сердце, навеки осталась неизгладимой.

Он был человеком, воплотившим в себе особую человеческую доброту, которая мгновенно очаровывает даже впервые встречающегося человека и захватывает все людские сердца. И он, естественно, неизменно пользовался всеобщей поддержкой и глубоким доверием людей.

Искренние человеческие чувства не знают никакого барьера.

Очаровываясь его щедрой человеческой добротой, поддерживали его и следовали за ним не только революционеры, простые люди Кореи. Так, в дни антияпонской борьбы почитали, поддерживали молодого Ким Ир Сена, человека лет 20, даже твердолобые националисты, патриотически настроенная часть национальной буржуазии и помещиков и главные лица религиозной секты. После освобождения Кореи везде и всюду люди, откуда ни возьмись, выпячивали свое прошлое «дело», но не могли не преклонять свою голову перед великой душой, добротой Ким Ир Сена. И иностранцы восхищались его личными качествами. Так, один из старших научных сотрудников Международного фонда мира, напоминая, что экспрезидент США Дж. Картер сказал: «Президент Ким Ир Сен произвел на меня огромное впечатление», «Президента Ким Ир Сена я уважаю как политического лидера», добавил: «Если я, со своей стороны, хотел бы дать оценку Президенту Ким Ир Сену, то я бы сказал так: Президент Ким Ир Сен – человек теплой души, человеческой красоты». Это отнюдь не случайно.

Не только корейцы, но и другие люди мира всем своим существом испытывали теплоту человеческих чувств и выражали глу-

бокое уважение к нему именно потому, что он, прежде чем быть выдающимся мыслителем или руководителем, обладал необычайно щедрой человеческой добротой, трогающей струны сердец всех людей. Прежде чем своими идеями очаровать людей и своим руководством привести их в действие, он захватывал человеческой привязанностью сердца людей. Эта обаятельность всегда собирала вокруг него очарованных его качествами единомышленников, которые сплачивались чувством в согласии и дружбе между собой.

Его человеческая доброта была истоком как его улыбки, так и его слез. Большой внимательностью, теплой заботой он окружал каждого и всех, и корейцы, прогрессивные люди мира во веки веков не забудут его.

Народный зов – «отец»

Всю жизнь Ким Ир Сен жил очень скромно и просто. Он всегда считал себя только сыном народа, слугой, работающим на благо народа. Он категорически выступил против похвал в его адрес, никогда не допустил любых действий и попыток возвеличивать его.Он прожил великую жизнь, и люди начали возвеличивать его с употреблением множества уважительных обращений. Из них только одно с большим удовлетворением, без стеснения он принял к своему сердцу – это был зов «отец». Само понятие «отец» содержит в себе по смыслу заботу как отцовскую, так и материнскую.

В июле 1985 г. посетила КНДР делегация Левой партии –

коммунисты Швеции. В беседе с гостями Ким Ир Сен сказал: **«...Наши работники называют меня отцом. Я не против этого»**.

В тот день он в своей беседе конкретно разъяснил успехи и опыт, приобретенные в революционной борьбе и строительстве нового общества в КНДР.

Касаясь накопленного опыта в решении проблемы национальных кадров, он сказал гостям: сейчас в этой беседе присутствуют руководящие работники нашей партии, нашего государства; их всех я систематически воспитывал; и наши работники меня зовут отцом; я, со своей стороны, не против этого. Я постоянно советую им: внимательно слушайте слова отца и будьте преданными стране людьми, верными слугами народа, убежденными революционерами, так с гордостью говорил он.

Конечно, с первоначального периода его революционной деятельности товарищи по революции, жители употребляли много уважительных обращений, не скупились похвалы в его адрес. Но он с самым большим удовлетворением, с законной гордостью воспринял звание – «отец».

Он был Президентом КНДР, Генеральным секретарем ЦК Трудовой партии Кореи, имел множество почетных званий в международном плане, но наибольшей гордостью считал народный зов «отец», чем его официальные служебные должности.

Понятие «отец», означающее родителей – родного отца и родную мать, наконец, стало употребляться в КНДР в новом нюансе, отражающем кровные узы между вождем и народом. Из арсенала многочисленных уважительных обращений к нему все

корейцы ближе к сердцу любят употреблять слово «уважаемый отец». И ему самому всю жизнь больше нравилось выражение «отец», чем официально называемые служебные должности, такие, как Президент КНДР или Генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи.

Руководящие работники и простые люди, изменив аксиому понятия «отец», на протяжении истории передаваемую и затвердевшую, с глубоким уважением называют вождя страны «отцом», да и сам он был не прочь слышать народный зов «отец». В этом был и свой резон.

Да, это был истинным кличем из глубины сердца каждого корейца, жившего в окружении большей, чем родительская, любви и внимания. Более того, и сам Ким Ир Сен провел всю свою жизнь с большим желанием быть отцом народа.

Каждый, кто состоит в семье, имеет своих родителей, вырастивших его, – отца и мать. Однако отцом, которого все корейцы искренне поддерживали и почитали, был не кто иной, как великий Ким Ир Сен.

Ким Ир Сен, прежде чем быть для корейского народа высшим руководителем партии и государства, явился безгранично добрым отцом, ставшим его твердой духовной опорой, был человеком с добрым материнским сердцем, полным теплотой задушевности. Глубина и ширина его любви к людям была такая безграничная, что намного превысила внимательность их родителей – отца и матери. Он всю жизнь оставался живым щитом для сохранения спокойствия людей, был «садоводом» в клумбе их счастья.

Он, горящий любовью к народу, всегда – и в холодной росе, и в

дождь, и в снег – посещал промышленные предприятия, сельские хозяйства и воинские части, с отеческим сердцем глубоко заботился о жизни населения и службе солдат. Всю жизнь он жил заботой о проблемах питания, одежды и жилья населения.

В раннем возрасте он рос, всеми фибрами души испытывая бедствия и трагедию своей нации. Он родился и провел свое детство в типичной корейской крестьянской семье – такой крайне бедной, которая страдала из-за невыносимой жизненной тяготы. И он как никто другой больше испытывал голод, ему не всегда доставалось порядочной одежды и обуви, – такова была бедность семейной жизни.

Когда ему захотелось поесть мяса, ему в голову пришла мысль: возник бы нарыв. И когда редко ему доставалась обувь, ему было жаль даже носить ее, и он обувался только при входе в школу и при выходе из нее. В другое время он, сняв с себя обувь и взяв ее в руку, ходил босиком.

И сегодня посетители родного дома Ким Ир Сена в Мангендэ увидят дом с соломенной крышей. Раньше это был дом для сторожа помещичьего фамильного склепа. Семья большая, но ее имущество было совсем скудным: смятый чан, несколько штук посуды и сельхозинвентаря – все. Постоянная еда в семье – жидкая похлебка из неочищенного гаоляна. Стенные часы, которым столь завидовала семья, так и она не могла приобрести до освобождения страны. Семья в Мангендэ была одной из самых бедных семей в годы колониального режима в Корее. В такой семье он родился и рос.

Он как никто другой всеми фибрами души ощущал, какое

горе человека от голода, насколько тяжко ему жить в бедноте без порядочной одежды и обуви. До мозга костей он испытывал, насколько трагична участь человека, который не может лечиться в случае заболевания и который при всем желании не может учиться в школе.

Пережитое им, одним из лишенных Родины рабов, он никогда не забыл за всю свою более 80-летнюю жизнь. Таким был он. И поэтому он важнейшую задачу социализма видел в том, чтобы дать людям одеваться в хорошую одежду, питаться варенным белым рисом вместе с мясным супом и жить в домах с черепичной крышей. И решению этой задачи была отдана вся его жизнь.

Издревле в Корее варенный белый рис назывался «королевским», ибо им питались только короли. Попозже, в годы Чосон феодальной династии, он назывался «ибап» в смысле того, что им питались только люди из королевской династии. В старые времена корейцы, даже чтя память предков, не могли положить на жертвенник миску с варенным белым рисом. И на дно посуды приходилось класть варенные крупы кукурузы или других злаков, а ее верхнюю часть покрывать несколькими ложками варенного риса.

В свои детские годы Ким Ир Сен ни разу не мог лакомиться варенным белым рисом. Были годы мук-мучений! Он прилагал все свои усилия для того, чтобы любимому родному народу, дорогим грядущим потомкам не приходилось переживать такое горе. Во весь период своей великой революционной жизни он ни на минуту не прекращал размышления, труда для улучшения питания населения.

Какие громадные усилия прилагал он для того, чтобы хорошо кормить народ! Напомним, был и такой случай, когда по случаю дня его рождения глава зарубежного государства послал юбиляру не какую-то поздравительную телеграмму, не какой-то на редкость ценный подарок, а материалы, нужные для жизни населения.

Это было вечером 14 апреля 1952 г., накануне 15-го числа того же месяца, дня рождения Ким Ир Сена, когда все ревел орудийный гул войны. Руководящих работников в крайне напря-женной ситуации в стране не покидала такая досада, что не да-ется возможность весело отмечать знаменательную дату – 40-летие Ким Ир Сена.

11 часов ночи. К нему приехал работник из советского посольства и известил его о содержании присланной И. В. Сталиным телеграммы:

«Пхеньян. Товарищу Ким Ир Сену.

Мне стало известно, что корейскому народу требуется продовольствие. У нас в Сибири запасено 50 тыс. тонн пшеничной муки. Эту муку мы можем передать корейскому народу в подарок. Сообщите, пожалуйста, о вашем мнении. По вашему намерению мы немедленно пошлем вам пшеничную муку. С приветом.

И. Сталин.

14 апреля 1952 г.».

Получив текст телеграммы, он не мог сдерживать хлынувшее чувство радости. Так послать в подарок пшеничную муку – это действительно лучше нескольких поздравительных телеграмм, сказал он. В то время положение с продовольствием в стране было очень трудно. А вот какая радость! Поступит подарок – пшеничная мука для военнослужащих и жителей! Он больше радуется

подарку для улучшения питания воинов и народа, чем поздравительной телеграмме или какой-то на редкость ценной вещи. Еще раз всем своим существом испытывая безмерную любовь его к народу, руководящие работники чувствовали, как повлажнели у них веки.

Его думы, мысли сосредоточились только на одном – на том, чтобы хорошо кормить, одевать, обувать народ. Об этом так отлично знал Сталин, что позже на встрече с руководящими работниками из КНДР сказал: в то время я думал, что товарищ Ким Ир Сен больше будет рад, когда по случаю его юбилея я пошлю не поздравительную телеграмму, а пшеничную муку, и я посоветовал заранее погрузить транспортные средства пшеничной мукой, чтобы 15 апреля она прибыла в Корею.

Он жил одной думой о том, чтобы хорошо кормить народ. И в дни ожесточенной войны, когда землю потрясал орудийный гул, он возле Ставки ВГК создал курятник и рыбопитомник, сам выращивал 300 кур и 1000 радужных форелей, лично культивировал в огороде разные овощи, вынашивая замысел о будущей светлой перспективе развития птицеводства, животноводства, овощеводства. Он посоветовал по-настоящему взяться за производство мяса и яиц для населения и, если надо, хотя идет война, направить самолет за приобретением пород водоплавающих птиц. Итак, в дни войны в уезде Чонпхён провинции Южный Хамгён создался птицеводческий комплекс КНДР – Кванпхоский утководческий завод.

Он горел стремлением сделать обеденный стол народа более обильным. И он в последние дни своей святой жизни шагал и шагал по далеким, неровным дорогам полей, его не покидали думы о земледелии. Он так глубоко заботился о питании населения, что однажды сам открывал коробки для обеда, которые носят дети. Увидел он коробки с варенным белым рисом и, очень довольный, долго и громко улыбался.

Как-то раз он говорил: если будет возможно выращивать большой урожай и кормить народ сытно, то я отказался бы от должности Президента Республики, стал бы советником по делам земледелия. Эти его волнующие слова дают в полной мере осмыслить высоту и истинность любви его, как отца народа, к людям.

Об улучшении жизни населения он так глубоко заботился, что однажды, даже отложив на задний план прием иностранной делегации, включенный в программу внешнеполитической работы, руководил делами птицефабрики.

Так, 6 мая 1993 г. он получил от сотрудника, который на месте ознакомился с делами Сопхоской куроводческой фабрики, информацию о том, что 56 червей, посланные в качестве племенных Ким Ир Сеном в июне 1978 г. на эту фабрику, довольно широко размножались и теперь отлично растут. Он, очень довольный и обрадованный информацией, в следующий день приехал на эту птицефабрику. Он внимательно разглядывал ящик с червями, положенный вне рассадника, а затем искал лопаточку: не было видно червей. Один из местных работников, сразу поняв его намерение, взял в руку лопатку и местами ей раскапывал то, что в ящике. При каждом движении его руки показывались кучки крупных червей красного цвета.

«Хорошо! Очень хорошо!» – так сказав, он, весь довольный, говорит: ну, посмотрим помещение-рассадник, и шагает в ту сторону. Вмиг работники не находили себе места: воздух в помещении для разведения червей очень плохой, ибо черви обитают в смеси кукурузных стеблей и выделений кур, крупного рогатого скота и других домашних животных. Работники пожелали, чтобы он не вошел на площадку-рассадник червей.

Он, глядя на них, спрашивает: почему, может, из-за дурного запаха? Послушав ответ, он обращается к ним со словами: **«Пусть пахнет чем-то, но ничего страшного не будет. Раз приехали на птицефабрику, надо посмотреть помещение по разведению червей. Негоже просто стоять на дворе и вернуться к себе. Не так ли? Не беспокойтесь, пошли туда»**, и первым входит в помещение для разведения червей. Там воздух, как ему сказали работники, был нечист, везде пахло навозом. Там он, как делал совсем недавно, предлагал лопаткой раскапывать в ящике. Он долго смотрит, как движутся «переплетенные» кучки больших червей. На его лице все играла довольная улыбка. Затем он осматривает клетки птиц, где дурной запах и нечистый воздух, узнавая о состоянии птиц и производстве яиц. После этого он, отложив на задний план предусмотренный прием зарубежной делегации, в скромной канцелярской комнате фабрики руководит совещанием ответственных работников в области птицеводства.

Ненастная погода, крутая дорога, неблагоприятное состояние работы на осматриваемом им объекте – все это не стало помехой в его делах. Были случаи крайней усталости и даже пропуска часа еды, но он все это не считал какой-то проблемой.

Всю жизнь им владел только один вопрос: каким образом улучшить питание населения? С глубокой заботой о решении проблемы питания населения он бесконечно продолжал деловую поездку: от завода в деревню, от города на периферию, от школы в армейское подразделение. Находясь на заводе и фабрике, он, прежде чем ознакомиться с состоянием производства продукции, первым долгом посещал столовую рабочего общежития. Едет он в деревню – первым делом открывает крышу чана с рисом и двери кухонного шкафа в доме, определяет объем продуктов и сам пробует вкус сои. Всю жизнь он повторял такой обязательный распорядок дня во время рабочей поездки.

Где бы он ни находился, этот режим работы у него оставался неизменным, постоянным. Есть исторические фотографии, которые показывают его рабочую поездку в разные районы страны, где трудится народ, где живет народ. Среди них имеются, конечно, фотоснимки, которые показывают его облик в зале заседаний и в беседе с работниками. Но не менее этого большой вес занимают среди них фотоснимки, снятые в столовой, на кухне простых людей, на месте подсобного хозяйства.

Его любовь к народу связана не только с проблемой питания населения. Вне поля его внимания и интереса не оказалось ни одного предмета – ни одежды, ни обуви, ни «мелкого» товара в конкретном перечне ширпотреба.

Помнится, в столь трудные дни антияпонской борьбы Ким Ир Сен делал все, чтобы дети в партизанском районе никогда не ходили без обуви, босиком. Такая любовь к детям у него была неизменной. Так, однажды он при посещении одного из войсковых подразде-

лений слышал, что молодая девушка-солдат получила от родного младшего возраста письмо, в котором написано о нехватке обуви. В этом Ким Ир Сен слушал голос народных масс и на заседании Политического Комитета ЦК партии поставил в остроту вопрос о нехватке производимой обуви, принял необходимые меры в этой сфере. Такова была его отеческая забота о народе, о солдатах.

Большая занятость делами торопит его на рабочую поездку. Однако на пути он видит плохо одетых детей – безусловно останавливает машину и, узнав об этом, принимает нужные меры. По его указаниям все юные граждане страны по сезонам получают от государства новую школьную форму. Еще с дней антияпонской борьбы он начал вынашивать глубокий замысел о том, чтобы дети страны бесплатно получили от государства одежду.

12 апреля 1977 г. он посетил Ёнпхунскую полную среднюю школу (в то время) в г. Анчжу, чтобы посмотреть подаренную учащимся всей страны школьную форму. При виде школьников, радующихся подаренной одежде, напоминающих расцветающие во всей красе цветы, он радостным голосом говорит: **«Вижу, джентльмены, которые лучше меня!»** Целый день он, отложив все дела на задний план, фотографировал детей в новой одежде. Он был так рад, что в тот день не раз говорил: **«В моей 60-летней жизни дней радостных было несколько, но такая радость, что сегодняшняя, собственно, первая! Моя душа так радуется, действительно, впервые!»**

Так было на последнем в его великой жизни совещании ответственных работников в отрасли экономики. Работник соответствующей отрасли доложил Президенту Ким Ир Сену о том, что было

выполнено данное им задание – все дети страны получили новые одежды. Президент, очень обрадованный, не раз ему говорил: спасибо. История мировой политики не знает, что президент государства поблагодарил подчиненных за снабжение детей одеждами. Такую величайшую картину может раскрывать только Ким Ир Сен, который считает всех детей страны своими родными.

Таким человеком был он. И в июне 1958 г. он при осмотре Рёньёнского магазина в уезде Анчжу спросил продавщиц: есть ли в продаже брюки для бабушек, и сердечно посоветовал работникам отрасли торговли не увлекаться только продажей товаров, а подходить к делу с позиции покупателей. Кроме того, при составлении государственного плана производства тканей он сам на своей записной книжечке подсчитал все, даже объем тканей, требуемых каждой семье, каждому жителю.

И даже в дни ожесточенной войны он сам выходил на базар и на встречах с блинницей, с мясником узнавал, как живут люди в военное время, и принял меры для создания подземного базара. Правду сказать, вопрос о благосостоянии жителей за всю его жизнь оставался самой важной проблемой, вопросом важнейшего государственного значения, для решения которого он прилагал самые большие усилия.

У него душа всегда была полна показателей, связанных с благосостоянием населения, таких, как продовольствие, соль, куриные яйца, рыба, мыло, обувь и топливо.

Такая его горячая любовь к народу, такой благородной взгляд на него привели к созданию в стране системы бесплатного медицинского обслуживания, бесплатного обучения, при которой

люди не завидуют никому на свете, и повышение уровня жизни населения стало высшим принципом деятельности партии и государства.

Предпосылки долголетия люди видят, как правило, в физической закалке, охране здоровья и тонических средствах. Но у него условие долголетия было совсем другое – такое, которое никто на свете не может вообразить в себе и которое никто не в силах реализовать.

Он прилагал столь огромные усилия для того, чтобы долгие годы жил без болезни родной народ, о котором так глубоко он заботился. А первейшее условие для своего здоровья он видел в создании народу зажиточной жизни. Каждый раз, когда руководящие работники, другие люди желали ему доброго здоровья, он говорил: спасибо, я смогу жить до ста лет, если наш народ будет хорошо питаться, хорошо одеваться и счастливо жить в хорошем доме.

Такого человека все корейцы в один голос называют с чувством почтения «великим отцом», «отцом народа». У них не было другого лучшего обращения к нему – человеку, который проявляет к ним большую любовь, чем родная отцовская и материнская.

Он сам приехал в уезд горной глуши и, пробуя вяжущий студень из желудя, наметил конкретные пути улучшения местных жителей. Если этого не было бы, чхансонцы в горной местности, возможно, пока еще не отведали бы вкуса варенного белого риса. Если не было бы теплоты безграничной заботы задушевного отца народа о снабжении городских детей, жителей вареной молодой кукурузой и жареным бататом, то и сегодня на улицах города не показывалось бы уникальной картины каждого сезона, когда вереницами бегут автомашины, нагруженные ароматными фруктами, свежими овощами и бататом.

И для военнослужащих Народной Армии он был не только Верховным Главнокомандующим, но и родным отцом, полным безмерной задушевности и теплой любви к ним. Он измерял рукой в солдатской обуви на вате, в которой пахнет потом ноги, толщину слоя ваты. Он, Верховный Главнокомандующий, несущий на плечах всю тяжесть войны, надел на солдата, стоящего на часах, свою меховую шапку и перчатки. В этой его любви и внимательности к воинам была могучая сила Народной Армии.

Превратить всю страну в великую дружную одну семью – таков был его идеал. В борьбе за реализацию этого идеала он явился родным отцом народа, главой большой семьи всей страны, прежде чем быть в служебной должности Президента или Генерального секретаря.

Ему, отцу большой семьи всей страны, был присущ особый взгляд на грядущие поколения – он считал детей «королями» страны. Он больше всего рад проводить время вместе с детьми, петь песни и танцевать вместе с ними. Словно прося прощения у сопровождающих его лиц и других работников, беспокоящихся о насыщенной программе работы дня, он часто про себя говорил: **«Раз приехал к детям и нахожусь среди них – сам не замечаю, как проходит время»**. Понятное дело: раз он приехал к детям, ему было нелегко уходить от них, так что не раз приходилось откладывать запланированную программу работы на задний план.

В начале 1970-х годов японская газета «Иомиури симбун» комментировала: «Кроме КНДР, нет на свете другой страны, где все дети называют главу государства «отцом», «Маршал Ким Ир Сен снимает накопившуюся за один год усталость в ведении государ-

ственных дел в новогодний праздник, проводя веселое время вместе с детьми», «КНДР – царство детей. В этом находит свое выражение государственная политика». Эти публикации, конечно же, вызвали огромные волны откликов в японском обществе. Автор публикаций, журналист «Иомиури симбун» во время посещения КНДР был приглашен на новогоднее празднество и принят ее главой. Автору статей посчастливилось непосредственно увидеть, как близко общается великий отец с юными гражданами.

Перед новогодним концертом дети завязывают ему детсоюзовский галстук. Он то слегка похлопывает детям щеки, то поглаживает их по головам, крепко заключает их в свои объятия, в зале веселится вместе с ними. Везде дети зовут его «отцом», ласково цепляясь за подолы его одежды. Японскому журналисту хотелось фотографировать все это, но у него росло такое огромное волнение, что не давало ему как следует снимать эти картины.

На новогоднем концерте он, очень довольный, с чувством большой гордости говорит:

«Молодцы, наши школьники!», «Нахожусь вместе с детьми – у меня снимается вся усталость, на душе приятно и весело». Молодцы, очень хорошо! Так говоря, он даже просит «бис». Японский журналист даже незаметно для себя пишет в своем блокноте стихи экспромтом:

Дети милые дают концерт новогодний,
Маршал Ким Ир Сен встречает праздник новогодний.
Дед Мороз не нужен в этой стране –
Подарки дает вождь детям в родной стране.

Он со славой приносит Новый год –
Праздничные песни детей он слушает каждый год.

«Отец!», «Отец!» – так зовя, дети кружатся у вождя,
Волной за волною набегают дети, собираясь у вождя.
Он на лодке на море детей веселится, радуется –
… ...

Он пишет строку за строкой, но разум у него кричит: «Ты все-таки не сумеешь описать весь мир отношений между великим отцом и счастливыми детьми». Такая мысль побудила его на следующей странице блокнота писать следующее: «Только тот, кому довелось встретиться с Маршалом Ким Ир Сеном, может осмыслить его величие и скромность, глубину его человеческой привязанности. Если бы тот, кому посчастливилось встретиться с ним, – будь то большим мастером пера, будь то блестящим оратором, – выразил свое откровенное впечатление в своей речи, в своих словах, то его сочинения и слова не выразили бы даже сотую, тысячную долю его личных качеств и величия».

Его стихи, его публикации отнюдь не были выражением своего впечатления об особой реалии, найденной профессиональным чутьем журналиста. Это явилось самым общим законом этики в большой семье, который может легко осмыслить каждый из всех на этом свете, если он приедет в КНДР. Это явилось теплотой любви в отношениях между великим отцом и детьми, которую не может ощущать без волнения, без слез всякий, в ком кипит кровь и пульсирует человеческое чувство.

И в день своего рождения, и в праздничные дни Ким Ир Сен

был больше всего рад скромно и просто проводить время вместе с народом. Каждый раз, когда сотрудники собираются праздновать его юбилей, он говорил: по случаю 15 апреля готовиться к обеду, к банкету – это не может обрадовать меня; всю подготовку, связанную с днем моего рождения, предлагаю прекратить. Обед надо готовить без всякого отличия от обычных дней, строго сказал он. Итак, даже в день своего рождения отправился на непредусмотренную деловую поездку на периферию, чтобы советоваться о способах улучшения благосостояния населения. Не раз он проводил праздники во время далекой рабочей поездки.

Такого великого человека корейский народ почитал в жизни как отца. И когда остановилось биение его великого сердца, все корейцы – и взрослые, и даже несмышленые дети – убитые горем, с громкими рыданиями, с горькими слезами бесконечно звали его.

Доктор наук Анхель Кастро, экс-председатель Перуанского национально-освободительного фронта, не понявший одно время подобные узы, связывающие отца и детей, в своих мемуарах пишет: «Корейцы с чувством почтения называют уважаемого Президента Ким Ир Сена «вождем-отцом»… В дни моего первого визита в КНДР я, честное слово, не мог полностью понять чувства людей этой страны, которые называют своего руководителя, своего вождя отцом. Однако сегодня и я тоже без всякого колебания, без всякого стеснения уважительно называю его «вождем-отцом». Сколько ни думай, сколько ни осмысливай, я не могу иначе относиться к нему».

Южнокорейская газета «Сеул синмун» так комментировала: «Некоторые эксперты анализируют: то, что жители Республики в связи с кончиной Президента Ким Ир Сена, бия себе в грудь,

громко рыдают, нельзя рассматривать просто как отношения между лидером и народом. На это, кажется, воздействуют какие-то особые отношения».

Один из почетных профессоров Риккиоского университета Японии, рассказывая о реальной действительности в КНДР, подчеркнул: «Прошло много лет. Но нигде полностью не осуществилась истинная любовь к человеку. Однако только в чучхейской Корее во всей красе расцвела любовь к человеку. Любовь к человеку, которую я в детские годы обрисовывал перед собой и которой я жаждал, мне довелось видеть именно в КНДР. Была действительно удивительная, очаровательная реалия». Он с чувством почтения назвал великого Ким Ир Сена настоящим отцом человеческой жизни.

Корейский народ и завтра, как вчера и сегодня, неизменно, во веки веков, будет почитать великого Ким Ир Сена, который с жаром своего сердца ухаживал за клумбой любви к человеку, как «нашего любимого отца».

Великодушие и доброта сердца

Только человек широкой натуры и доброй души, умеющий в достаточной мере понимать положение и настроения людей разных категорий и с теплотой души заботиться о них, вправе называться обладателем истинной любви к человеку.

Таким был великий Ким Ир Сен – человек с широкой душой и обаянием, который всю жизнь тепло относился ко всем людям.

Могучим оружием в его руках в возглавляемой им общена-

циональной борьбе за выживание, развитие, процветание нации были любовь и доверие к своим соотечественникам. Корейская нация как единая, в чьих жилах течет единая кровь, многими поколениями живет на одной земле. Силою горячей любви к своим соотечественникам построить новое общество для достижения национального процветания – таковы были его главное стремление, неизменный принцип ведения революции во всей его жизни, которая была посвящена священному делу сплочения и единства нации. Чем дальше продвигалось в стране дело строительства социализма, чем дольше продолжались страдания нации, вызванные расколом страны, тем горячее становилась любовь к соотечественникам у Ким Ир Сена, который с неизменным великодушием, теплотой души заботился о судьбе всей нации.

Как-то раз КНДР посетил зарубежный соотечественник. Он, бизнесмен, своими огромными усилиями создал на японской земле крупные предприятия. На встрече с Ким Ир Сеном он сказал: «Раньше я намеревался построить завод в Южной Корее, где хозяйничают американцы. Но мне думалось, это все равно, что поручить кошке на хранение свежую рыбу. И я изменил свой первоначальный план. Мне хотелось бы построить на Севере завод, который раньше намеревался создать на Юге».

Выслушав его, Ким Ир Сен, оценив его патриотизм, сказал: что касается Южной Кореи, то и она принадлежит корейцам, так что обязательно так делать не надобится. Если создастся в Южной Корее хотя бы один завод, то он принесет корейцам пользу, тут ничего плохого не будет. Впредь, когда объединится страна, заводы, построенные в Южной Корее, станут собственностью корейцев,

они принесут пользу делу будущего развития страны, сказал он нежным голосом.

Как всему миру известно, Корея более 40 лет находилась под игом жестокого колониального режима японских империалистов. И еще: трагедия, вызванная расколом государственной территории по вине внешних сил, и навязанная империалистами США война принесли Корее невыносимые страдания. В этом процессе в общенациональном масштабе довольно сложно переплетались классовые отношения, создавалось немало даже моментов идейно-политического противоборства и недоверия.

Тем не менее Ким Ир Сен без никакой дискриминации относился ко всем, если они не явились изменниками нации и раскольниками, с великодушием и добротой сердца, теплотой любви повел их шаг за шагом по верному пути.

Соотечественники на Юге, ставшие жертвами акций империалистов США, нацеленных на увековечение раскола Кореи, и изнывающие в тисках колониального гнета и грабежа, оставались в его сердце частью состава соотечественников, незаживающей за всю его жизнь острой раной. Самой большой болью для себя за всю свою жизнь он считал именно то, что не мог скорее принести радость освобождения соотечественникам на Юге, страдающим из-за раскола нации, не мог окружать их щедрой заботой и любовью.

Родиной, которую воображал он в годы великой антияпонской войны, была не такая Отчизна, которая расколота, а освобожденная вся Корея. И соотечественниками, о которых никогда он не забыл в те годы, была не часть нации, а все соотечественники, в жилах

которых течет кровь корейской нации и у которых живет унаследованная ей душа. В конце 1945 г., года освобождения Кореи от японской оккупации, журналисты «Сеул синмун» перешли через 38-ю параллель, чтобы встретиться с ним. На встрече с журналистами он выразил свое сокровенное желание даже сейчас же поехать в Южную Корею и увидеться с соотечественниками, братьями, сестрами на Юге. Он всю свою жизнь хранил в себе это желание.

И он видел в скорейшем достижении воссоединения Родины величайшую национальную задачу, свою самую священную миссию, возложенную на него нацией. Объединение страны он считал самым большим подарком для корейской нации, выражением самой большой любви к ней. Его никогда не покидала мысль о соотечественниках на Юге, изнывающих в тисках колониального режима империалистов США.

И в ливневые дожди, и в засуху он прежде всего беспокоился о земледелии крестьян на Юге. По его предложению была подана живительная влага после освобождения страны полям Южной Кореи, когда ее крестьяне не могли заниматься земледелием из-за нехватки оросительной воды.

И он не в мирное время, а в пору суровых испытаний, когда шла ожесточенная война с империалистами США, глубоко заботился о жизни соотечественников на Юге, даже и о топливе для них. Это было в начале августа 1950 г., когда Народная Армия, перешедшая на немедленную контратаку, продолжала продвигаться на юг, срывая агрессивные акции империалистов США и южнокорейских марионеток. Однажды Ким Ир Сен позвал к себе в Пхеньян замнача Управления леспрома Кабинета Министров, чтобы посоветоваться

о топливном вопросе сеульцев, встретивших освобождение.

Жители Сеула и других крупных городов, как все соотечественники на Юге, изнывали под гнетом империалистов США и марионеточной клики Ли Сын Мана, в частности, немало страдали из-за отсутствия топлива. Положение было так трудно, что им приходилось колоть на дрова даже комоды, стиральные вальки и обеденные столы. Смотреть на это было тяжко, но война есть война, и никто не был занят думой о дровах.

Но его душу терзал не менее важный, чем фронтовая обстановка, вопрос о топливе для жителей Юга. Он с открытой записной книжкой в руке вместе с тем работником, исходя из расчета численности населения и семей в г. Сеуле, получили нужную цифру – 400 тыс. кубометров безвершинного леса. Ким Ир Сен говорит: рубить деревья в горах Тхэбэк было бы легко, но тогда придется мобилизовать на это жителей освобожденных районов. Но так делать нельзя! Как они раньше страдали! Нельзя заставить их страдать и теперь, когда они оказались в объятиях нашей Республики. Будем нашими силами заготовлять дрова, хотя это будет нам трудно. Затем он сам определил лесосеки и решил вопросы о трудовых и финансовых ресурсах. Он поручил это задание замначу Управления леспрома и посоветовал выдать ему удостоверение Ставки ВГК.

На лесосеках ударный труд продолжался день и ночь. План заготовки древесины выполнен за полтора месяца. Однако ситуация в стране изменилась. Положение на фронте стало трудным, началось временное стратегическое отступление Народной Армии. Надвигались тучи суровых испытаний.

И в сложной обстановке, когда пришлось поправить положение на фронте, он еще раз позвал по телефону работника соответствующей отрасли и спросил: что надо делать, когда невозможно перевозить вырубленный лес? Последовал ответ собеседника, поглощенного одной мыслью не передавать в руки противника вырубленный лес: «Я решил сжечь всю древесину». Выслушав его, он сказал: это, конечно, не даст противнику использовать ее, но скоро наступит холод, меня беспокоит жизнь сеульцев.

И в критической ситуации, когда придется немедленно начать отступление, в уголке его мысли по-прежнему оставался топливный вопрос. Немного погодя он с теплотой в голосе посоветовал не сжечь бревна, а распилить стволы на чурбаны и сплавлять их по реке, чтобы сеульцы могли вытащить их на дрова. Послушав его, собеседник на другом конце телефонного провода ощутил в себе, как будто по всему телу прошел электрический ток, сердце загорело огоньком его безграничной любви к соотечественникам.

Это дало многочисленным южнокорейцам, живущим в бассейне реки Хан, зимой того года вытаскивать плавающие чурбаны и использовать их как хорошее топливо. Вдруг появились на реке чурбаны, и никто не удосуживался узнать, откуда они пошли. Местные жители не могли понять, что это не простые дрова, а выражение любви великого отца нации к соотечественникам.

Он заботился не только об одном топливном вопросе для соотечественников на Юге. В поле его внимания всегда находился весь комплекс проблем, связанных с жизненными потребностями южан.

Он рекомендовал соответствующим работникам обратиться к южнокорейским властям с сердечным предложением о посылке

пострадавшему населению Юга продовольствия, одежды и других материалов помощи при каждом случае возникновения в Южной Корее стихийных бедствий от тайфуна или наводнений, а также о воспитании южнокорейских сирот на Севере, о посылке стипендий южнокорейским учащимся, о предоставлении безработным Южной Кореи рабочих мест на Севере.

На рубеже августа и сентября 1984 г. Южная Корея понесла ущерб от наводнений. По официальным сообщениям самих южнокорейских властей, стихийные бедствия были огромные: более 300 чел. лишились жизни, свыше 207 тыс. жителей остались под открытым небом без крова, более 36,7 тыс. жилых домов было разрушено, более 67 тыс. гектаров сельхозугодий затоплено, потеряно.

Ким Ир Сену было очень больно в душе от стихийных бедствий, переживаемых соотечественниками Юга. Он немедленно задействовал ЦК Общества Красного Креста и другие соответствующие отрасли, чтобы они приняли решения о готовности предоставить пострадавшим материалы помощи и объявили перед лицом мира горячее стремление КНДР в этом направлении.

Представители марионеточных властей Южной Кореи перед мировой общественностью были вынуждены обещать получать эти материалы, но делали те или иные пакости. Однако благодаря любви Ким Ир Сена, великого отца нации, к соотечественникам за короткие сроки был подготовлен весь огромный объем материалов помощи и направлен через военно-демаркационную линию. В их перечне – 50 тыс. *сок* очищенного до самой белизны

риса, 500 тыс. метров тканей, 100 тыс. тонн цемента, 759 коробок разных медикаментов 14 видов. Валовой объем материалов в денежном выражении равнялся 18 млн. долл. США. Оказанная им материальная помощь была не проста как по ее номенклатуре, так и по ее количеству. Объем одного *сок* равняется около 180,3 литров, что намного больше объема одного мешка. Судя с этой точки зрения, 50 тыс. *сок* риса отнюдь не малое количество. И не только количество риса, но и количество тканей, медикаментов и цемента тоже было громадным.

По окончательной статистической сводке, опубликованной южнокорейскими властями, на каждую семью условно из 5 чел. среди пострадавших приходится 250 кг риса и 17 м. тканей. И посланного цемента достаточно построить около 30 тыс. жилых домов, площадь каждого из них – 60 кв. м. Всего этого было бы достаточно для создания пострадавшим стабильной жизни. Став очевидцами того, что более 1400 грузовиков, нагруженных материалами помощи, переходят через военно-демаркационную линию в Пханмунчжоме и 14 судов с грузами на борту бороздят морской простор, не говоря уж о корейцах, люди всего мира не скрывали бесконечного восторга.

Хотелось бы вдобавок приводить еще другой эпизод, показывающий широкую душу Ким Ир Сена. На встрече с ним в то время директор службы безопасности Южной Кореи сказал ему: «Благодарен за посылку Севером материалов помощи». Ким Ир Сен сказал: что касается материалов, направленных в связи с ущербом от наводнений, то получение их было более мужественным, чем посылка их нами. Впоследствии тот директор службы безопасности выразил свое волнение того дня так: «В тот миг, слушая его слова, я мог ощущать гигантскую силу его 40-летней политики».

Именно с такой горячей любовью к соотечественникам Ким Ир Сен тепло относился ко всем соотечественникам с Юга без никакой дискриминации, с добрым сердцем родного отца.

После освобождения страны многочисленные соотечественники с Юга, встретившись с Ким Ир Сеном, великим отцом нации, очаровались его сияющей, как солнечные лучи, улыбкой и любовью к соотечественникам и, наконец, совершили крутой поворот в своей жизни. Среди них – Рё Ун Хён, Хон Мён Хи, Ким Гю Сик и другие политические деятели, даже до мозга костей зараженные угаром антикоммунизма твердолобые националисты, такие, как Ким Гу, а также ученые Ким Сок Хён, Пак Си Хён, То Сан Рок и другие.

Ким Ир Сену хотелось больше и больше встречать соотечественников с Юга и окружать их теплотой любви и человеческой привязанности. И, естественно, со второй половины 1980-х годов приезжали к нему больше людей с риском для собственной жизни. Он тепло принимал их всех, проявляя о них глубокую заботу и оказывая им огромное доверие.

Когда приехал в Пхеньян вышеупомянутый священник Мун Ик Хван, советник Общенациональной ассоциации демократических движений Южной Кореи («Чонминрён»), в сопровождении демократических деятелей, Ким Ир Сен заключил всех их в свои теплые объятия и дал обещание Муну поддерживать никогда неразрывные, глубокие дружеские отношения. Ким Ир Сен высоко оценил его как символическую личность в деле воссоединения

Родины, удостоил его величайшей чести, что сам абсолютно доверяет ему – старому другу. Получив информацию о том, что тот по возвращении на Юг томится в застенках тюрьмы, он ощущал острую боль на душе и что ни день тосковал по нему.

Однажды Ким У Чжун, президент холдинговой компании «Дэу», находился с визитом в КНДР и был в аудиенции у Президента Ким Ир Сена, постоянно проявляющую глубокую заботу о соотечественниках на Юге. После завершения своего визита он на пресс-конференции рассказывал о любви Президента Ким Ир Сена к соотечественникам так: «Он пригласил меня приезжать впредь в любое время, как к себе домой. На встрече с Президентом Ким Ир Сеном я испытывал чувство исключительной близости, нежности и душевного спокойствия». Его откровенный рассказ был выражением чувства безграничного почтения к отцу нации.

В Пханмунчжоме поставлена стела с высеченным на ней факсимиле Ким Ир Сена, чтобы в веках передавать из поколения в поколение подпись, оставленную им в самый последний период жизни на документе о вопросах воссоединения Родины. Стела эта стоит и будет вечно стоять очевидцем истории, который повествует о глубокой, обширной, как океан, любви отца нации, посвятившего всю свою жизнь ради всех соотечественников Юга и проявлявшего о них отеческую заботу.

Он окружал теплой любовью зарубежных соотечественников. Прошедшая история многострадальной корейской нации вынудила их разбросанно жить в разных регионах мира. Ким Ир Сен относился к ним как к родным братьям, сестрам, родным детям, лишившимся родительского внимания.

Издревле корейская нация жила на одной родной земле, в ее жилах течет единая кровь, она, имея единый язык и единую письменность, создавала древнюю, пятитысячелетнюю историю. А что вынудило многочисленных корейцев, живших на одной родной земле, разрозненно жить на немилой чужбине? Жестокое колониальное господство японского империализма и корейская война, навязанная империалистами США. В Корее вопрос о зарубежных соотечественниках возник отнюдь не из-за каких-то внутринациональных конфликтов или противоречий, а от начала до конца вследствие навязывания и господства внешних сил.

Более чем в 120 странах мира проживают многочисленные корейцы. Численность их, разрозненно живущих в странах Азии, Европы, Америки, Африки, Океании, отнюдь не мала, если сравнить ее с общей численностью населения Кореи.

Ким Ир Сен никогда не ставил под вопрос, какую биографию имеет тот или иной соотечественник, какой вклад он внес в выполнение задач национально-исторического значения. Ко всем соотечественникам, где бы они ни жили, если в них только течет кровь, наследованная от тангунской нации (Тангун – родоначальник корейской нации, живший в начале XXX в. до н. э., создатель первого государства в истории корейской нации), и если в них живет хотя бы в малой степени душа корейской нации, Ким Ир Сен с теплотой души относился, принимал их с щедрой любовью, с сердцем родного отца, встречающего возвращающегося сына, одно время покинувшего отчий дом.

Когда речь пошла о зарубежных соотечественниках, он больше всего заботился о судьбе корейцев, проживающих в Японии.

В Японии насчитывается 700 тыс. корейцев. И в Китае и бывшем Советском Союзе, конечно, проживает немало корейцев, но положение в этих странах совсем иное, если сравнить их с Японией. Всему миру известно, что Япония как один из главных виновников, породивших в Корее вопрос о зарубежных корейцах, с затаенным чувством крайней вражды к корейской нации прибегает ко всяким гнусным акциям. Ясно, что реакционные круги Японии, пытавшиеся в прошлом, в период своей оккупации Кореи лишить корейскую нацию родного языка, письменности, даже фамилий, имен и уничтожить саму ее, не могут оставить в покое корейцев, проживающих в Японии.

Вот почему Ким Ир Сен постоянно беспокоился о судьбе проживающих в Японии корейцев и делал все от себя зависящее для защиты их достоинства и интересов. Чтобы защищать их демократические национальные права и открывать им путь к истинной жизни на благо Родины и нации, он принял смелое решение исторического значения – переориентировать движение зарубежных соотечественников на патриотическое национальное движение. В мае 1955 г. им создан Чхонрён (Ассоциация корейских граждан в Японии) – достойная организация зарубежных граждан КНДР, могучая организация единого фронта.

После создания Чхонрёна Ким Ир Сен через него проявлял горячую любовь, глубокую заботу о соотечественниках в Японии, что превысила отеческую.

В 1957 г. под его руководством рассмотрен проект госбюджета. Было время, когда не полностью устранена рана от войны, выдвинуто множество задач по восстановлению и строительству. И финансовое положение в стране было очень трудно. С утра до

позднего вечера продолжалось конкретное рассмотрение проекта бюджета с учетом имеющихся финансовых ресурсов. К концу подходило заседание. Ким Ир Сен, погрузившийся в глубокое раздумье, задал вопрос:

«В какую статью включены расходы на помощь обучению детей наших соотечественников в Японии и стипендии для них?»

Тут работники без ответа только переглядывались друг на друга. Никто даже не слыхал, что в бюджетных сметах в других странах имеются такие статьи. Более того, пришлось бы сэкономить каждую копейку, подобно торговцу красками. И в таком случае не хватало бы финансов в стране. Значит, как же можно включить в статьи проекта госбюджета средства на помощь обучению и стипендии? Так думали все участники заседания. Один из работников Минфина отвечает: «Вы уже дали указания об этом, и мы предусмотрели расходы на обучение детей соотечественников, проживающих в Японии. Но сейчас финансовое положение очень трудное. И в будущем, учтя складывающуюся ситуацию, будем их посылать. И мы не отразили их в бюджете, решили включить их в отдельный план». Выслушав ответ, он подходит к окну и задумчиво смотрит в даль. Немного погодя он возвращается к столу и решительным тоном говорит:

«Нет! Надо послать. Послать немедленно! Хотя мы не сможем построить завода один-два, но следует послать деньги на обучение детей наших соотечественников, которые страдают на чужбине».

Это дело не должно закончиться не одно- и двухразовым проведением, продолжает он, а оно должно быть постоянным. Это не

простое дело образования, а важное национально-патриотическое дело, подчеркивает он.

Так появилась новая статья финансового бюджета «Расходы на помощь обучению детей соотечественников, проживающих в Японии, и на стипендии», не имеющая аналогов в других странах мира. Такова была его искренняя любовь к детям зарубежных соотечественников и глубокая забота о них. Так, в период с 1957 г., столь трудного года после перемирия, по апрель 2010 г. 156 раз были переданы детям соотечественников в Японии огромные деньги на помощь обучению и стипендии в сумме 46 594 250 390 японских иен, а также большое количество учебников и народных музыкальных инструментов.

Когда-то студенты выпускного курса Корейского университета в Японии на пути поездки на Родину оказались в опасности – им грозил тайфун. В то время Ким Ир Сен принял чрезвычайные меры для проведения спасательных операций, благодаря чему все они могли благополучно прибыть на Родину. В каком-то году он пригласил детей руководящего работника Чхонрёна к себе в резиденцию и вместе с ними проводил ценное время за одним обеденным столом. Не раз откладывал свою насыщенную программу рабочей поездки по периферии и возвращался в столицу, чтобы увидеться с представителями Союза корейской молодежи в Японии или руководящими работниками Чхонрёна, и окружал их теплой любовью.

Не было предела горячей любви великого отца к соотечественникам в Японии. Он, досконально справляясь о здоровье каждого работника Чхонрёна, проявлял искреннюю заботу о них. Он, больше всего дорожащий чувством патриотизма соотечественников-бизнесменов в Японии, посоветовал всемерно помогать им в

предпринимательстве, даже если придется государству понести ущерб. В каком-то году он, узнав, что соотечественникам-бизнесменам закрыт канал сбыта товаров, посоветовал работникам Родины скупить у них товары. Когда-то соотечественники, бизнесмены-обувщики, оказались в трудном положении, он рекомендовал работникам Родины скупить у них весь миллион пар обуви. Кроме того, он принял меры, чтобы зарубежные соотечественники-бизнесмены могли приобрести на Родине сырьево-материальные ресурсы, необходимые для их хозяйственной деятельности. Да, конца не будет рассказам о заботе, проявленной им, о соотечественниках, проживающих в Японии.

Его отеческая любовь, больше проявляющаяся к детям, покинувшим свой отчий дом, неизменно доходила и до других многочисленных соотечественников, разбросанно живущих в разных регионах мира.

Его искренняя любовь к своим соотечественникам помогла многим зарубежным соотечественникам с новой точки зрения осознать истинный смысл человеческой жизни в деле воссоединения и процветания нации. Среди них – священник Ким Сон Рак – председатель Ассоциации содействия объединению Кореи в США и экс-советник Южнокорейской ассоциации церквей, Чвэ Хон Хи – президент Международной федерации тхэквондо, Мун Сон Мён – президент Всемирной ассоциации мира, Юн И Сан – известный соотечественник-музыкант в Германии, соотечественница Мун Мён Чжа – журналистка в США и многие другие люди разных профессий, разных политических взглядов, разного гражданства.

Какой была теплая, искренняя его любовь к зарубежным соотече-

ственникам, убедительно показывают человеческие узы, связавшие его с Мун Сон Мёном.

Одно время Мун слыл рупором антикоммунистической пропаганды, противником КНДР. Но Ким Ир Сен принял его, считав дороже всего желание его что-то сделать для воссоединения Родины. На встрече с ним Мун, весь очарованный его горячей любовью к своей нации и высокой нравственностью, обратился к нему с просьбой быть своим старшим братом. Ким Ир Сен удовлетворил такую его просьбу. Мун был так безгранично рад, что говорил ему: «Мы с вами побратимы!» Его визит и полученная им аудиенция были такими волнующими, что южнокорейская газета «Сеул синмун», детально комментируя все, что было на Севере, писала: «Его визит в Республику вызвал потрясающий для того времени фурор».

Ким Ир Сен был таким любимым отцом корейской нации, который, обладая великодушием и обаянием, воспламенял всю жизнь свое сердце неугасимой любовью к своей нации.

Любовь к человеку, не знающая госграницы

Человеческая привязанность, любовь к человеку у Ким Ир Сена не знала госграницы. Всю жизнь он с великодушием и обаянием имел близкие отношения с многочисленными иностранными деятелями, проявлял большую заботу о них.

Многочисленные встречи с людьми, глубина человеческих отношений с ними, тепло проявленной им всю жизнь любви к ним – все это объясняется отнюдь не длительностью его руководства делом революции или служебной должностью главы государства. Сама встреча с людьми была для него политикой. Делить с ними помыслы, помогать им идти по верному пути – это было его важнейшим делом.

Он дал аудиенцию столь многочисленным иностранцам, что всех их просто невозможно перечислять. На встречах он разделял с ними теплые дружеские чувства, имел близкие отношения, проявлял о них сердечную заботу.

В период с дней после освобождения страны до последних дней своей жизни он встретился и имел деловые связи более чем с 70 тыс. иностранцев из 136 зарубежных стран. Среди них были люди различных кругов – от глав многих партий и государств до деятелей разного гражданства, различных политических взглядов, служебных должностей и возрастов. Получается, что за этот период, около 50 лет, каждый год он принимал в аудиенцию в среднем более 1400 иностранцев, почти каждый день – по 4 чел. Не поддается простому воображению, что он встречался со столь многочисленными иностранцами – теми, которые не являются близко находящимися представителями народа родной страны, людьми с единым национальным кровным родством.

Так встречался он не только в период после освобождения страны. В годы его борьбы на маньчжурских просторах против разбойнического японского империализма за освобождение страны он имел связи с многочисленными китайскими революционерами, вооруженным составом Объединенной антияпонской армии, китайцами. Кроме того, в период подготовки к проведению последней наступа-

тельной операции по освобождению страны он действовал вместе с бывшими советскими революционерами, военными Объединенных интернациональных войск, образовав с ними единый фронт. Значит, никто не сможет вычислять, сколько получится иностранцев, с которыми он встречался и работал до освобождения страны.

Весь мир знает много лидеров стран и дипломатов, но нигде не найдешь такого человека, который всю жизнь встречался и работал со столь многочисленными иностранцами. И у тех, кто всю жизнь вел дипломатическую деятельность, наверное, не имеется такого аналога.

Он в качестве высшего руководителя партии, Президента государства встречался с 120 главами государств, 206 главами партий, 76 главами правительств других стран, в общей сложности более чем с 400 чел., что составляет примерно 1 процент из общего числа всех принятых им иностранцев. Значит, подавляющее большинство иностранцев, с которыми он встречался, составляют не лица на уровне глав стран, а другие политические деятели, журналисты, деятели СМИ, дипломаты, религиозные деятели, рабочие, крестьяне, военнослужащие, ученые, иностранные студенты и даже несмысленные дети, словом, люди различных категорий.

Нигде не существует каких-то дипломатических обычаев или норм международного права, обязывающих лидера того или иного государства встретиться с отдельными иностранцами разного социального происхождения, не представляющими ни государства или правительства, или политической партии. Надо сказать, что многие из высокопоставленных лиц других стран не хотят показать свое лицо, если не просматриваются актуальные для себя интересы или их ожидает такая дипломатическая арена, на которой они не могли бы демонстрировать свой международный престиж. Наоборот, нередки случаи, когда сознательно избегают переговоров с иностранцами, намереваясь «сохранять» свой авторитет или задирать себе нос.

Однако он во всем отличился от практических властителей партий и государств, которых нередко видели люди.

Он, несмотря на максимально насыщенную программу работы, встречался с иностранцами различных кругов и делил с ними теплые человеческие чувства дружбы. Бывало, он, даже очень занятый делами во время рабочей поездки, выкраивал ценное время и тепло принимал иностранцев – при этом он говорил, что они приехали, преодолев далекий путь, и надо непременно встретиться с ними.

Среди тех, кто обладает определенным политическим кругозором, кем бы они ни были, почти не было бы человека, который не понимает, каким высоким престижем пользуется он и какая большая нагрузка у него в делах. Но каждый из всех иностранцев, приезжающих в КНДР, желает встретиться с ним и на встрече без всякого стеснения изливает всю свою душу, даже затаенную. Это стало возможным благодаря его благородной любви к человеку и обаянию.

Гениальное искусство дипломатии у него коренным образом отличалось от обычного представления людей мира об этом. В его дипломатической деятельности совсем не показалось наблюдавшихся порой у других эгоистического расчета или внешней показухи. В его отношениях с иностранцами нашли свое яркое выраже-

ние благородная любовь к человеку, человеческая привязанность, глубокое уважение и доверие к самостоятельному человеку.

Присущая ему любовь к человеку исходит от начала до конца из его широкой, как океан, души, несравненного обаяния, с которыми он относился ко всем иностранцам, поддерживающим дело корейского народа, ко всем прогрессивным людям мира, стремящимся к самостоятельности, как к своим близким друзьям. Вот в чем состояли выдающиеся черты любви его к человеку, его привязанности, обаяния.

При жизни он часто говорил о «близких отношениях», когда речь шла о неразрывных человеческих отношениях с иностранцами. Слова эти не так уж длинны, но они выражают большую любовь к человеку у Ким Ир Сена, который рассматривает отношения с людьми других стран не просто как политические, дипломатические, деловые отношения, а как человеческие, дружеские.

Когда-то он узнал, что знакомый иностранный ученый душой переживает за то, что у него нет детей. Ким Ир Сен считал его душевные переживания своими собственными и, желая ему здоровья, послал ему прибор для приготовления корейского блюда *синсонро* и женьшеневый отвар. А как-то раз он, очень обрадованный тем, что борец движения сопротивления одной из зарубежных стран избран президентом, лично надел ему на руку золотые часы с дорогим именем на циферблате и подарил ему ткань высокого качества на костюм, желая, чтобы он мог достойно явиться перед своим народом. Теперь о короле Камбоджи Нородоме Сиануке. И когда король лишился реальной власти из-за катаклизмов в его стране, Ким Ир Сен нисколько не изменил завязанные ранее человеческие узы с ним, еще более тепло относился к нему, вселяя в него силу и бодрость, оказывал бескорыстную помощь в возрождении государства.

Что касается Такэо Такаги, бывшего председателя Совета Общества культурного обмена между Японией и Кореей, то Ким Ир Сен проявлял сердечную заботу не только о нем, но и о его сыновнем поколении. Его сын и родные после аудиенции у Ким Ир Сена сказали: «Президент Ким Ир Сен принял нас в таком же великом облике, про который мы часто слыхали от отца при его жизни. Мы сразу поняли, что Президент Ким Ир Сен – человек широкой души, довольно близкий нашим сердцам. Президент Ким Ир Сен – поистине любимый отец, проявляющий теплую заботу обо всех нас». Да, это были откровенные, идущие из глубины сердца отклики насчет горячей любви к человеку, не знающей госграницы.

И потому даже иностранцы, враждебно относившиеся ранее к КНДР или питавшие недобрые чувства, на встрече с ним сразу очаровались его личными качествами, стали доверяющими ему, поддерживающими, пропагандирующими его.

Южнокорейская газета «Чунъан ильбо» от 5 июля 1994 г. передала сообщения французского печатного издания «Либерасьон» о том, что американский президент того времени Б. Клинтон от души считает Президента Ким Ир Сена знаменитым, престижным политиком, приверженцем мирной и оптимистической логики. Газета писала, что «Либерасьон» сообщила о том, что президент Б. Клинтон на брифинге с СМИ группы 7-и перед отъездом в Неаполь для участия в саммите Большой семерки сказал: «Верю доброй воле Президента Ким Ир Сена».

Все сущее на земле обращается к лучам солнца, а человек, как

правило, склонен пользоваться истинной любовью. Ким Ир Сен, человек великой души и обаяния, бескорыстно, искренне относился к иностранцам. И, естественно, все люди мира по-человечески уважали его, доверяли ему, искренне почитали, глубоко уважали его. Среди них были и иностранцы на уровне глав государств, которые уважительно относились к нему как к старшему брату, и иностранцы, которые с чувством почтения называли его родным отцом и дедом.

И главы соседних больших стран, такие, как И. В. Сталин и Мао Цзэдун, пользовавшиеся мировой славой и престижем, а также лидеры, слывшие своим самолюбием, такие, как Броз Тито, с искренним уважением глубоко доверяли Ким Ир Сену как великому революционеру, как великому человеку.

По этому поводу один из иностранных деятелей, кому довелось два раза быть в аудиенции у него, в своей публикации людям, спрашивающим, каков Ким Ир Сен, ответил: мне хотелось бы сказать, что он такой великий человек, с которым раз увидишься – не сможешь оторваться, за которым вечно хочется следовать. «Человека делает настоящим человеком основанная на самостоятельности любовь к человеку, человеческая привязанность, что может называться человеческим ароматом. К цветку с благоухающим ароматом собираются пчелы и бабочки. Подобно этому, люди, очарованные любовью к человеку, человеческой привязанностью, присущей благородному человеку, следуют за ним, сплачиваются вокруг него. Любовь к человеку, человеческая привязанность, человеческий аромат, присущие Президенту Ким Ир Сену, – такие горячие, такие благородные, которые воистину очаровывают всех людей, неизменно вызывают у них чувство уважения и почтения к нему».

Вот так широка, бесконечна, никем неизмерима его любовь к человеку. Его, человека с таким великодушием и обаянием, все люди с глубоким чувством почтения называли великим человеком, образно говоря, обхватывавшим всю вселенную.

В обретении товарищей – наибольшая радость

Вся его жизнь украшена страницами искреннего товарищества.

Его любовь к каждому товарищу по революции была пламенной, ни на минуту не остывающей.

У него было много товарищей. Товарищей по революции, с которыми он делил всю жизнь теплые, искренние чувства, насчитывается много тысяч, много десятков тысяч. Все те, кто с чистейшим чувством товарищеского долга оставался только верным ему везде и всегда – и на полях суровых битв, решающих жизнь и смерть, и в дни мирного строительства, стали его товарищами по революции, которых он сам лично искал, нашел и которым огромными усилиями помогал делать каждый шаг по верному пути.

Вся его славная жизнь была посвящена приобретению товарищей. Давно он под революционным влиянием родителей в отличие от других выработал в себе верный взгляд на товарищей, который стал его твердым кредо. И он со своей горячей любовью к товарищам всю жизнь обретал их.

С детских лет он видел: когда отец, преодолев какой бы то ни

было трудный путь, приобрел хороших товарищей, он был безмерно рад и оставался доволен, не показав ни следа усталости от дороги. У отца сын, Ким Ир Сен, научился бесценным нормам морального долга в человеческой жизни.

Ким Хен Чжик, его отец, начал свою борьбу с приобретения товарищей. Он научил сына моральным нормам человеческой жизни, суть которых – любить товарищей и дорожить ими. Он оставил сыну одну из составляющих бесценного наследия – идею о приобретении товарищей.

В последние минуты своей жизни больной отец, прикованный к постели, наказывал сыну: хороший товарищ – он не падает с неба, да и не вырастает из-под земли. Его самому надо искать и находить, как добывают золото и драгоценные камни, вырастить. Поэтому я, знаешь, всю жизнь ходил по Корее и по маньчжурской равнине до появления волдырей на ногах. И потому твоя мама всю жизнь голодает и мытарствует, заботясь не о себе, а о приходящих гостях. Если иметь истинную готовность отдать себя делу страны и народа, вполне можно обрести дружбу, не складываемую кучею золота, даже глотком воды и одною картошкой. «Только тот, кто готов умереть за товарища, может иметь хорошего товарища», – так говоря, он повторно наказывал дружить со многими хорошими товарищами. Его сердечные заветы были глубоко запечатлены в памяти сына как бесценная непреложная истина на всю жизнь.

Первый шаг в своей борьбе за приобретение товарищей сделал Ким Ир Сен в училище «Хвасоньисук». Дни обучения в этом училище для него были днями поиска нового идеологического течения. Вместе с тем в этот период он впервые осознал необходимость иметь организацию, приобретал товарищей по революции одного за другим, чтобы вместе с ними поднять якорь корабля революции. Именно в этом училище он впервые начал претворять в жизнь запечатленные в его сердце заветы отца, который при жизни часто говорил: нужно дружить с хорошими товарищами и обрести их больше; какую бы правильную, замечательную цель ни поставишь перед собой – не добьешься своего великого замысла, если у тебя не будет товарищей, готовых делить с тобой горе и радость.

Все товарищи, найденные им во время обучения в училище «Хвасоньисук», как первый ведущий костяк корейской революции стали авангардом, поднявшим якорь ее корабля.

Первая партийная организация – союз товарищей Консор – была зародышем и семенем Трудовой партии Кореи. Его название имеет весьма глубокий смысл. В нем красной нитью проходят величественный план и твердая воля Ким Ир Сена – делать первый шаг в революции с приобретения товарищей, непрерывно искать, находить, сплачивать товарищей, готовых делить между собой горе и радость, и добиться окончательной победы революции.

В дни преодоления далекого и трудного пути для приобретения товарищей он выработал в себе благородный взгляд на товарищей, беспрецедентный в истории борьбы за освобождение народных масс, суть которого – в том, что товарищ есть второй я и, если иметь товарищей, можно приобрести весь мир. Товарищ в его понимании не был обычным другом или приятелем, с которым можно просто разделять чувства дружбы. Для него товарищ по революции был еще одним другим «я», готовым непоколебимо отдать даже саму свою жизнь.

Философию такого благородного товарищества Ким Ир Сен

считал своим убеждением. И поэтому в каждый суровый период корейской революции он еще выше поднял лозунг о революционном товариществе и силой товарищеской любви продвигал вперед корейскую революцию. Для него приобретение товарищей было самой большой радостью, ибо он сделал первый шаг в революции с приобретения товарищей, а затем, имея товарищей, достал оружие, создал и партию, и государство.

Он в своих мемуарах **«В водовороте века»**, в которых подведены итоги всей его жизни, пишет: **«Капиталисты говорят, что очень интересно загребать деньги. Но мне больше всего радостнее и интереснее было собрать товарищей»**.

При каждом приобретении товарища он испытывал такой восторг, который не идет в сравнение с любой другой большой радостью, с любым хорошим делом. Когда ему удалось найти замечательного товарища подобно тому, как нашелся жемчуг в бескрайном море, он считал это феноменальным событием, огромным счастьем в своей жизни.

Всю жизнь он проектировал все дела на основе научного расчета и четкого плана, разрешал все проблемы светлым умом и мудростью. Следовательно, для него случайная удача совсем не подходит. Однако у него бывало чем гордиться, когда, к большому счастью, нашелся замечательный товарищ.

У того, кто делает добрые дела ради Родины и народа, как правило, обязательно появляются хорошие товарищи, а в трудный час – спаситель. У него было много хороших товарищей – это была закономерность приложения им усилий для этого во всей своей жизни. Но каждый раз, когда приобрел хорошего товарища,

он был так рад, что он считал это верной удачей.

Он, видевший в товариществе первейшую движущую силу революции, считал постоянный поиск хороших товарищей и завязывание товарищеских уз первым процессом во всех делах и жизни, прилагал все усилия в этом направлении.

Для корейского народа он был не только великим вождем, любимым отцом, но и самым близким товарищем, и корейцы звали его «великим товарищем Ким Ир Сеном».

Но как-то раз был случай, когда это вызвало проблему. Однажды крестьяне какой-то местности подали серьезную жалобу на то, что в обращении к Ким Ир Сену употребляется слово «товарищ». По их мнению, как же можно осмелиться звать его товарищем? Для корейцев звать его «товарищем» стало совсем обыкновенной привычкой. Но глубоко размышляешь об этом – скоро поймешь жалобу крестьян. Правду сказать, обращение «товарищ» – это всем понятное общее название, употребляемое в смысле «соратник по революции», с которым можно разделить свои идеи, свой идеал. И поэтому все без исключения, и я и ты, употребляют это слово, а такое обыкновенное обращение было дано Ким Ир Сену – высшему руководителю корейской революции, Солнцу корейской нации. По мнению простодушных, не очень глубоко мыслящих крестьян, это совсем недопустимо.

Но это было неизбежной реальностью. Дело было не в том, что не нашлось еще лучшего звания для него. Он звал каждого солдата революции товарищем, да и сам считал себя товарищем среди них. Он еще больше дорожил узами, связывающими товарищей, которые делят друг с другом горе и радость, общую судьбу, чем

служебными отношениями между вождем и солдатом. Именно вот такая была его воля.

В сентябре 1933 г. после рейда на уездный центр Дуннин состоялась первая встреча Ким Ир Сена с Чвэ Хёном – опытным командиром, прошедшим огонь и воду и медные трубы. Этой боевой операцией командовал лично Ким Ир Сен. Рейд, где участвовали партизанские отряды из разных районов и даже отряды Армии спасения отечества, длился два дня. Это была замечательная боевая операция. Однако из-за оплошности связного отряд Чвэ Хёна в Яньцзи не получил своевременно боевой приказ и, как говорится, явился к шапочному разбору. И этот отряд не успел подойти к крепостным воротам городка.

Чвэ Хён обрушил нецензурную ругань на связного. Немного погодя утихший, он спросил Ким Ир Сена: «Уважаемый начальник Ким Ир Сен, нет ли еще плана налета на другое место?» Чвэ Хён был старше его на 5 лет. Ким Ир Сен скромно сказал: **«Молодому человеку не подходит слово «уважаемый»! Прошу называть просто Ким Ир Сеном»**.

Чвэ Хён вскочил, как будто неожиданно произошло большое дело, и сказал: «При чем тут большой или малый возраст? В душе я уже давно возвел вас, начальника Кима, во главу корейских войск. Поэтому величать вас с почтением вполне естественно». Выслушав его, Ким Ир Сен говорит: если вы так осыпаете меня похвалами, то это вызовет у меня головокружение. **«Коли и впредь вы будете так захваливать меня, то мне придется порвать с вами отношения»**, – решительно говорит он. В конце концов, Чвэ Хён, поняв его твердое убеждение, согласился обыкновенно обращаться

к нему, как этого он желает.

Это, конечно, давняя история, но она убедительно рассказывает об искренней душе Ким Ир Сена. В дружеских отношениях между товарищами по революции он был противником ритуальной церемонности, считал ее лишней мишурой, больше всего дорожил прочными узами товарищеской дружбы, связанными нитями подлинной искренности и свежести. Подобные трогательные эпизоды об искренности его товарищества были не только в дни вооруженной борьбы.

Всю жизнь он неизменно требовал от своих товарищей относиться к нему как к товарищу. Он всегда – и в свою бытность партизанским командиром, и в дни нахождения в должности высшего руководителя партии и государства – считал себя товарищем своих товарищей по революции, соратником по революции, который делит с ними горе и радость во имя общей цели. Он больше любил, чтобы они обращались к нему как к товарищу, да и он просил их так поступать. Такая его просьба была подлинно товарищеским требованием к любимым им товарищам по революции.

Таково было выражение истинной души, которую может всю жизнь сохранять тот, кто олицетворяет подлинное чувство товарищества, – человек, который видит самое большое достояние не в своем авторитете и служебной должности, а в многочисленности товарищей, с которыми он может работать рука об руку, который считает самым большим счастьем жизнь в окружении любви и доверия со стороны товарищей.

Всегда иметь рядом с собой хороших товарищей он считал самой большой гордостью. При каждом удобном случае он часто

рассказывал о том, что весь период своей революционной борьбы он находился в окружении любви и охраны товарищей по революции, больше пользовался любовью от товарищей, чем от родителей.

В подходе к людям разных категорий он взял верность чувству долга за неизменный критерий морально-нравственной оценки человека. Тех, кто умеет дорожить чувством долга и быть готовым ради этого отдавать всего себя, он высоко ценил как обладателей самой высокой нравственности. Изменников революции, отставших от ее рядов он клеймил как подлых людишек, лишенных чувства морального долга.

Он считал человеческое чувство долга не только критерием морально-нравственной оценки людей, но и неизменной нормой своего мышления и действия.

Ему задавали много вопросов те, кто хочет узнавать о легендарном секрете победы в антияпонской революционной войне. Что помогло КНРА быть такой сильной, которая противостояла военным силам Японии – новоявленной военной державы?

По этому поводу Ким Ир Сен в своих мемуарах **«В водовороте века»** пишет: **«Почему Корейская Народно-революционная армия слыла такой могучей? Каждый раз, когда мне задают такой вопрос, я отвечаю: она была коллективом, сплоченным моралью и силой долга. Если бы наша сплоченность была основана не на морали, не на чувстве долга, а только на общности идей и воли, то мы не были бы такими сильными».**

Антияпонская вооруженная борьба была кровопролитной революционной войной, которая прошла в наихудшей ситуации, когда не было ни поддержки регулярных войск, не было ни государственного тыла. Секрет победы в этой суровой революционной борьбе, не поддающейся даже человеческому воображению, был отнюдь не в крупном контингенте войск или в каком-то превосходстве вооруженных сил. Им была монолитная сплоченность революционных рядов, а прочным краеугольным камнем в этой сплоченности было высокое чувство морального долга, присущее ветеранам антияпонской революции.

При осуществлении сплоченности масс играет большую роль, разумеется, и закон. Но только одним законом не сплотишь людей, не продвинешь вперед революцию.

Все дела, переплетенные разными ветвями, по мнению Ким Ир Сена, не проведешь только одной силой закона. С первых дней своего руководства делом революции и строительства нового общества он считал несомненным просчетом думать, что можно контролировать и регулировать всю практическую деятельность человека с пуском в ход принудительных сил, таких, как закон.

И когда разбойнические империалисты Японии, пустив в ход все новейшие достижения современной военной науки и весь арсенал фашистских средств угнетения, усовершенствованных десятками лет деспотической политики и территориальной экспансии, из кожи вон лезли в попытках задушить корейскую революцию и уничтожить корейскую нацию, Ким Ир Сен повел к победе антияпонскую революционную войну силой чувства революционного долга и стратегии сплоченности и, наконец, принес независимость страны и освобождение народа.

Это было в мае 1971 г. В Пхеньян приехал коллектив художественной самодеятельности Вонсанской фабрики инвалидов во-

енной службы по производству пластмассовых бытовых товаров для участия в представлении кружковцев художественной самодеятельности – инвалидов военной службы.

На концерте присутствовал Ким Ир Сен. Один из выступающих исполнил на музыкальном инструменте «Песню о Полководце Ким Ир Сене» и песню «А снег всю ночь идет». Ким Ир Сен первым аплодировал ему, и весь зал потрясали бурные овации. Инструменталист почтительно отдал поклон и покинул сцену. Ему сказали, что Ким Ир Сен требует повторного исполнения. Он снова вышел на бис. Но тут же он был ошеломлен: вдруг утихли аплодисменты, а затем раздавались еще громче. Его взяло сомнение: «Что случилось? Может, я слишком взволнован и ошибся?»

Позже выяснилось все: аплодисменты вдруг утихали потому, что Ким Ир Сен, аплодировавший, поднес платок к глазам – лил слезы. Он, непобедимый стальной Полководец, прошедший вместе с народноармейцами рубеж огней войны, был глубоко благодарен инвалидам войны, которые, неизменно поддерживая помыслы своего Верховного Главнокомандующего, стойкой волею продолжают выращивать на порученных постах цветы революции. Такое искреннее чувство у него превратилось в горячие слезы.

Самодеятельный артист сыграл на бис, концерт закончен. Ким Ир Сен потихоньку встал с места, но не мог подарить выступавшим аплодисменты. Он снова вытирал рукой с платком уголки глаз. Не выдержав хлынувшее волнение, он говорит: **«Смотря выступления этих товарищей, все время текут слезы. Эти товарищи во время войны проливали кровь… С этими това-**

рищами хотелось бы сфотографироваться… Скажите, чтобы они готовились к съемке».

В фойе театра он рассказывал: все инвалиды военной службы – бесценные товарищи по революции. Следует еще лучше заботиться об их жизни. Пусть газеты широко сообщают об их выступлениях. Надо приглашать воинов Народной Армии и показывать им все номера.

Выступали самодеятельные коллективы – непрофессионалы. Насколько хорош их концерт?! Но лидер страны рассматривал их концерт не как простое художественное представление. Ему слышалось их пение как клятва товарищей по революции перед партией и вождем, полная их убеждений и чувства долга.

Факт, что они, инвалиды войны, проливали кровь в ожесточенных боях с врагами. Их ратный труд был ответом на заботу вождя, который принес восторг от освобождения и свободы тем, которые, в прошлом обреченные на горькую участь колониального раба, жили, чтобы не умереть. Это было естественным моральным долгом солдата Родины – человека с оружием.

Однако Ким Ир Сен, беспокоясь о ставших калеками товарищах по революции, предложил построить больницу, специализирующуюся на пластической хирургии, и учебное заведение для инвалидов войны, ввести систему выплаты им пособий по инвалидности. Кроме того, по его предложению в городах и уездах, где имеются инвалиды военной службы, построены для них заводы, чтобы они продолжали выращивать цветы революции. Он был таким человеком: видит, что они живут и трудятся оптимистично без пессимизма, хвалит их со словами «спасибо, молодцы!» При каждой встрече

с ними заботится о них так, как будто у него еще осталось то, что не успел дать им. Он до конца верил им как товарищам по революции, делал все, что мог, чтобы ценить их дела.

Такой высоты нравственности, этики, человеческой привязанности не может достичь никто, кроме Ким Ир Сена, который обладал неизмеримо глубоким чувством морального долга перед товарищами по революции. Это чувство было вечным, независимым от бега времени. С течением времени слишком многое мутнеет и забывается в человеческой памяти – и радостное, и печальное. Порой даже забываются близкие друзья.

Однако у Ким Ир Сена чувство долга, любовь, забота в отношении солдат революции, товарищей никогда не изменились – и при их жизни, и после их смерти.

В своих мемуарах **«В водовороте века»** он пишет:

«Живые люди не должны забывать погибших. Только тогда чувство дружбы между ними может стать прочным, искренним и вечным».

По его мнению, живой забудет покойного – с того момента дружба между ними не избежит отмирания. Чувство долга не должно ограничиваться бегом времени или игрой судьбы того или иного человека – жив ли он, или ушел из жизни. Не будь такого искреннего чувства в отношениях между товарищами по революции, то не может быть настоящей преемственности истории и традиций. Такова абсолютная неизменная истина, найденная Ким Ир Сеном – творцом истории верности чувству революционного долга.

Революция сопровождается жертвой. Однако каждый раз, когда от него ушел товарищ по революции, он как никто больше

горевал и, не сдерживая скорбь, даже несколько дней не принимал еды. Терзающая его сердце боль, испытываемая им при потере каждого солдата революции, была самой острой, нетерпимой, которую может испытывать человек в этом мире.

Бездушное долгое время обесцвечивает даже фотографии ушедших из жизни товарищей по революции, но он не забывал их и все разделял вместе с ними чувство дружбы. Его чувство долга перед ними привело к появлению на сопке Чучжак в горах Тэсон в пригороде Пхеньяна величественного мемориального кладбища революционеров, где поставлены бронзовые бюсты революционеров, павших в антияпонской войне.

Вначале при планировке зоны с мемориалом некоторые работники предложили: воздвигнуть большой памятник и высечь на нем фамилии и имена ветеранов революции. Но Ким Ир Сен не смог принять выдвинутое предложение. Ему хотелось воссоздать на бюстах индивидуальные образы покойных – такие, какие были при их жизни, и знакомить их с представителями грядущих поколений.

Но тут возникла проблема: большинство из них, не оставив ни одной фотокарточки, были похоронены в безлюдных горах и полях. Не один-два не успели семьей обзавестись, не оставили детей и ушли из жизни. К тому же неумолимо прошли десятки лет, и почти не осталось тех, кто помнит их лица.

Десятки лет позади, но Ким Ир Сен долгие годы сохранял в памяти конкретные черты лица и внешний вид каждого погибшего революционера. Ему так хотелось видеть их хоть бы еще разок, что глубоко запомнил их. И их образы остались в его памяти такими живыми, какие были при их жизни.

В конце концов, ему приходилось разъяснять скульпторам детали индивидуальных черт портрета каждого революционера, и их облики были точно изображены – так, как при их жизни.

После этого каждый раз, когда ему хотелось видеть павших старых боевых друзей, он открывал окна здания Кымсусанского Дворца съездов (название того времени), обращал взор на кладбище, где стоят бюсты старых товарищей лет антияпонской войны. Между ним и погибшими революционерами в форме лет антияпонской войны бесконечно шли душевные разговоры, полные благородного чувства долга, искренней тоски.

В один из августовских дней 1960 г. Ким Ир Сену довелось встретиться с удильщиком старого возраста на берегу реки Тэдон. Он, интересуясь умением старика ловить рыбу, спросил, где он работает. Удильщик, явно стесняясь, мешкал с ответом и низким голосом говорит: «Работаю парикмахером в училище для детей павших революционеров».

«Спасибо вам. Вы делаете поистине хорошее дело», – отзывается Ким Ир Сен, широко улыбаясь.

Он так сказал отнюдь не для того, чтобы утешить собеседника, не имеющего чувства гордости за свою профессию. Ким Ир Сен от души считал его профессию замечательной. Дело было в том, что он сам не мог поглаживать по головам всех детей павших своих товарищей по революции, а тот парикмахер работает, щупая головы всех этих бесценных детей. Ким Ир Сен, попросив старого человека хорошенько заботиться о воспитанниках училища, встал на путь рабочей поездки, а потом снова позвал его к себе на обед и первым лично налил ему рюмку водкой.

Так беспредельно глубоким, искренним было у него чувство долга перед товарищами по революции – он считал своей священной обязанностью со всей ответственностью заботиться о судьбе детей павших революционеров и бережно растить их.

Он до последней минуты своей жизни бережно сохранял в сейфе фотографию, давно снятую вместе с Ким Чаком. По его советам во многих районах страны поставлены бронзовые статуи ветеранов революции, города, учреждения, подразделения называются именами павших революционеров. Благодаря его заботе дети многих товарищей по революции выросли достойными работниками. Да, рассказам о его глубоком чувстве долга не будет конца.

И. В. Сталин, глава бывшего СССР, глубоко восхищенный тем, что Ким Ир Сен дорожит товарищами по революции и не забывает о них, предложил на приеме, где собрались главы социалистических стран, поднять первый тост за здоровье товарища Ким Ир Сена, а второй – чтя память о Ким Чаке, бывшем его правой рукой и близким товарищем.

Благородное чувство долга перед товарищами, которое сохранял он всю жизнь, было проникнуто безграничной по своему диапазону горячей любовью к человеку.

Среди тех, о которых заботился он с бесконечной любовью, с теплыми чувствами долга, были люди разных профессий и возрастов – не говоря уж о работавших рядом с ним, простые рабочие, крестьяне, даже дети, зарубежные соотечественники и иностранцы. Всех, кто был ему знаком во время его революционной деятельности и хотя бы в малейшей степени оказывал ему помощь, он считал спасителями в жизни, какое бы гражданство они ни имели, и старался делать все

для выполнения человеческого долга перед ними. Среди них были китайцы, имевшие связи с антияпонской революционной борьбой, И. Р. Апанасенко, Я. Т. Новиченко и другие советские воины, даже и простая монгольская женщина. Ему так хотелось видаться со старыми знакомыми, что он, вспоминая о прожитой им жизни, раскрыл свою душу: **«Мне хотелось хотя бы на несколько месяцев вновь стать простым человеком и с обыкновенным паспортом в кармане осмотреть покрытые травами и густыми лесами места наших кровопролитных боев, хотелось покрыть дерном могилы павших боевых соратников и поблагодарить тех замечательных людей, что в трудный час помогли мне выжить, оберегали меня ценой своей жизни. Представлял я, как буду шагать в парусиновой обуви и гетрах, с вещевым мешком за плечами, проглатывая на ходу порцию скомканной каши, как это было во время партизанской жизни. И представлял, как я снова, закатав штанины, перейду через бурунную реку и ручей»**.

Раз глава страны тосковал по жизни простого человека и завидовал ей, то это было невообразимо исключительным делом, а причина этого тоже была беспрецедентной. Причина симпатии, тоски по жизни простого гражданина была только в одном – человеческом чувстве долга.

Да, он был олицетворением товарищеской любви – тем, кто доказал перед историей истину: революция, которая продвигается вперед силой сплоченности на основе товарищества, – непобедима.

СТОЙКАЯ ДУХОВНАЯ СИЛА

3

Обладателем ее был Ким Ир Сен.

С раннего возраста он рос, перенимая этот духовный потенциал у своих родителей и других членов семьи в Мангендэ, и свято хранил его всю жизнь.

Далекий путь революции, пройденный им всю жизнь, – это был путь суровой борьбы, полный жесточайших испытаний и неимоверных трудностей, неодолимых обыкновенным человеческим физическим и духовным потенциалом. Но он преодолевал все эти препятствия силою несгибаемой веры и воли, дерзания и убеждения, революционной страсти и оптимистической веры в будущее.

Пусть обвалится небо, но непременно надо подняться ввысь вместе с любимой Родиной и нацией – таковы были его незыблемая решимость, его неизменный подход к делу, которого придерживался он всю жизнь. Несгибаемая его духовная сила стала образцом духовного потенциала, точно унаследованного и проявляемого корейским народом, явилась символом достоинства Кореи.

Беспримерное дерзание и убеждение / 142

Пламенная страсть / 162

Задушевный оптимист / 172

Беспримерное дерзание и убеждение

Дерзание и убеждение человека есть его духовные качества, характеризующие стойкость силы его духа. Дерзновенный, убежденный человек в любой кризисной ситуации находит себе выход из нее, а, наоборот, малодушный и слабовольный, пусть даже много знающий и мудрый, при столкновении с кризисной ситуацией пасует и даже плюхается на землю. С такой точки зрения могут оставаться довольно глубокомысленными высказанные кем-то слова: «Сердце может дополнять мудрость, а она не может прибавить силы в сердце».

Великий Ким Ир Сен был обладателем несравненного дерзания и убеждения, который, взяв их на вооружение, направлял дело революции и строительства нового общества.

Дерзание у Ким Ир Сена находит свое выражение в не колеблющейся ни при каких громовых раскатах стойкости и смелости, в упорной практической способности, позволяющей ему пойти навстречу даже смертельной опасности, чтобы масштабно спроектировать и довести до конца любые дела. При столкновении с любыми трудностями и испытаниями он со спокойной душой, с невозмутимой волею умело справлялся со всеми делами, с широким размахом смело планировал все работы и без малейшего отклонения довел до конца раз начатое дело. Вот какой настойчивостью, вот каким высоким порывом была выражена титаническая сила величия его как обладателя большого дерзания.

Дерзание его выразилось прежде всего стойкой, смелой духовной силой, с которой он непоколебимо пошел навстречу любым агрессивным акциям, вызовам сильного противника, навстречу любым суровым испытаниям, трудностям.

Истинная действенность и высота силы дерзания человека дают о себе знать в трудной ситуации. С какой духовной силой каждый человек противостоит опасности при создании невообразимо трудной ситуации, при столкновении с суровыми испытаниями, особенно при встрече с вызовами империалистов, навязывающих войну, – вот чем четко и ясно оценивается высота его дерзания.

Ким Ир Сен был Полководцем, прошедшим огненную полосу двукратных революционных войн. Эти две ожесточенные войны были учебником, живыми практическими примерами показавшим, какой высоты должно достичь дерзание человека, решавшего пойти навстречу трудностям.

Всю свою жизнь он сталкивался с сильными врагами – империалистами, которых никак нельзя было игнорировать. Так, империалистическая Япония явилась новоявленной могучей военной державой, считавшейся одно время «лидером Азии». И империалистические США тоже были большой военной державой, хвалебно считавшей себя «могущественнейшей» в мире, «единственной супердержавой» на планете. Однако никакие сильные враги, империалисты, не могли не испить горькую чашу поражения перед силой его дерзания.

Сама антияпонская революционная война началась и развернулась силой его несравненного дерзания. Правду сказать, воображению простого человека не поддается решение пойти с двумя пистолетами на тотальную военную конфронтацию с сильными

врагами, империалистами, имеющими авиацию, танки и боевые корабли.

Однако он решил пойти на этот выбор, на который никто другой не мог бы осмелиться идти, и объявил великую войну против Японии. Для достижения победы в ней он отнюдь не рассчитал на какую-нибудь мощную поддержку со стороны внешних сил или наличие какой-то военно-материальной базы. Побудила его к этому только уверенность в правоте правого дела и дерзание, исходящее из твердой веры в силу своего народа.

Эпизодов, подобных легенде, рассказывающих о его непревзойденном дерзании, – уйма. Так, он спас революцию из вихрей «антиминсэндановского» левачества, против которого никто не смел выступать. Несмотря на преследования противника, он предложил среди бела дня на поляне открыто проводить праздничный митинг.

Стойкую духовную силу его, надежного стража достоинства нации и судьбы страны, помнят яркие страницы истории Отечественной освободительной войны.

США спровоцировали войну в Корее. Это было 25 июня 1950 г. Враги совершили вооруженное вторжение на Север по всему фронту. В тот день было внеочередное заседание Кабинета Министров. Участники заседания, полные душевного напряжения, ждали вождя. На лице у каждого отсвечивалась тревога за напряженную кризисную ситуацию.

А тут со стороны коридора, нарушая тишину, донесся зычный его голос: **«…Какие глупые они, враги! Янки ошиблись в корейцах»**, и размашистой походкой он вошел в зал заседания. Он светлым взглядом обвел зал и чеканно произнес: враги с презрением относятся к корейцам; на шакала, как говорится, действует только дубина; врагам, нападающим на корейцев и даже не знающим, кто они такие, надо показать, на что способны корейцы.

Вмиг все собравшиеся на заседании не могли не восхищаться его большим дерзанием, высоким революционным духом – ведь он и бровью не повел ни перед какими крупными нападающими полчищами. Они чувствовали в себе прилив смелости и уверенность в том, что победа в этой войне уже за корейцами.

Во весь период войны он своим беспримерным дерзанием решительно сорвал вызовы империалистов США и их попытки удушить КНДР.

Сила его дерзания и высокий дух сделали т. н. «генералов» США, кичившихся своими именами после второй мировой войны, потерпевшими позорное поражение в корейской войне. По этому поводу сами военные специалисты США комментировали: «Минувшая корейская война характеризуется как война, в которой присущие Полководцу Ким Ир Сену методы ведения боев нанесли Соединенным Штатам поражение и в которой погибло или было уволено с должности наибольшее количество знаменитых военачальников США. Кимирсенские приемы ведения боя были столь знаменитыми, что в ходе трехлетней войны были сменены несколько командующих «войсками ООН» и 8-й армией США, возложив на себя ответственность за нанесенные упомянутыми приемами боев поражения. На конечной стадии уже не оставалось подходящей кандидатуры на вакансию. Слывший «прославленным маршалом» Макартур и Эйзенхауэр тоже потерпели поражение, став жертвами тех же приемов ведения боев». И один из военных обозревателей Запада в американской газете «Нью-Йорк

таймс» опубликовал свою статью, где, в частности, говорится: «Непоправимой ошибкой было то, что торговцы Уолл-стрита в самом начале презрительно относились к Северной Корее. Они были слабыми? Нет! Как показывал ход войны, они, несмотря на отсталость вооружений, были сильными, которые воевали при опоре на самобытную стратегию и тактику, разнообразные приемы ведения боев. Американским генералам следовало хотя бы с опозданием обратить должное внимание на то, что перед ними стоял Верховный Главнокомандующий войсками Полководец Ким Ир Сен – мастер партизанской войны с богатейшим опытом».

И Кларк, бывший в то время командующим американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке и по совместительству «войсками ООН», после подписания в Пханмунчжоме Соглашения о перемирии, показывая журналистам свою авторучку, использованную им при подписании, выразил свое сожаление: «Но что же мне поделать-то? Ведь я противостоял Полководцу Ким Ир Сену… Будь сто Наполеонов, но Корею не победить».

Все то, что корейский народ смог стать героическим народом, сбившим спесь с империалистов США и положившим начало новой эпохе – эпохе антиимпериалистической, антиамериканской борьбы, явилось блестящим результатом, принесенным стальной волею и высоким духом великого Ким Ир Сена.

Он всю жизнь силой беспримерного дерзания защищал Родину и революцию. Вся полнота его стойкой духовной силы неизменно проявлялась и в последние годы его жизни.

Так, в те годы, когда Восточную Европу охватили катаклизмы истории – непрерывное крушение социализма, он опубликовал классические труды **«Еще полнее выявим преимущества социализма в нашей стране»** (24 мая 1990 г.), **«Беседа с делегацией Социалистической рабочей партии США»** (5 октября 1990 г.), **«Ответы на вопросы главного редактора японской газеты «Майнити симбун»** (19 апреля 1991 г.), **«Социализм нашей страны основан на принципе чучхе»** (16 апреля 1994 г.) и другие работы, в которых была ясно выражена стальная воля, твердая решимость придерживаться справедливой революционной позиции – до конца бороться против империалистической реакции всех мастей.

Его дерзание также было выражено могучей духовной силой – способностью вести революцию и строительство социализма смело, крупномасштабно, упорно, с большим размахом. При этом он проявлял большую исполнительскую способность крупномасштабно планировать, осуществлять все дела и наступательно довести их до конца.

При проектировании и проведении каждого дела он поставил перед собой высочайшую цель, превосходящую простое человеческое воображение, масштабно развернул работу, довел выполнение поставленной задачи до конца.

Это стало для него непреложным законом. Возьмем, к примеру, Западноморский гидрокомплекс. Это считается одним из многочисленных очевидцев-сооружений в эпоху Трудовой партии, показывающих его революционный размах и огромную исполнительскую способность. В октябре 1981 г. он выдвинул на IV Пленуме ЦК ТПК шестого созыва четыре задачи по великому преобразованию природы. При этом он инициировал постройку Западноморского гидрокомплекса и разработал грандиозный проект осуществления этого дела.

В те дни некоторые руководители и специалисты составили план перекрытия акватории перед островом Вау в низовьях реки Тэдон. При этом они, сравнивая будущее гидросооружение со строительством Волго-Донского судоходного канала в бывшем Советском Союзе и канала в низовьях Дуная в Румынии, предусмотрели, что на это уйдет несколько десятков лет.

Ким Ир Сен отметил, что таким образом нельзя полностью решить вопрос об орошении осваиваемых прибрежных отмелей. И он предложил определить место гидрокомплекса значительно дальше от предусмотренного специалистами места в сторону моря и на море построить 8-километровую плотину. Кроме того, он поставил смелую задачу – закончить его строительство не за десятки, а за несколько лет.

В то время люди какой-то страны насмехались: невозможно 8-километровой плотиной перегородить этот участок от моря, где глубина воды большая, да и разница в уровне моря при приливе и отливе значительна; если в Корее построится Западноморский гидрокомплекс, то мы закроем Берингов пролив. Но они, став очевидцами несгибаемой духовной силы Ким Ир Сена, были вынуждены признать свои серьезные просчеты.

Военнослужащие КНА, корейцы, вдохновленные его смелым планом, широким размахом и гигантской способностью к исполнению дела, сотворили историческое чудо – за короткий – 5 лет – срок построили великолепный Западноморский гидрокомплекс с использованием оборудования, материалов отечественного производства и собственных технологий.

Пусть тот или иной объект не даст пользу данному поколению, но в далеком будущем грядущим поколениям принесет выгоду, и

нужно смело взяться за его создание и довести его до конца, даже если на это потребуются колоссальные инвестиции и огромный труд, – таков был у него принцип развертывания дела, такова была у него атмосфера работы.

Однажды он дал геологоразведчикам задание разведать медную руду в районе Капсана. После этого не раз проводилась геологоразведка, но не нашлось нужной руды, были расходованы только ценные денежные средства. И встал вопрос: дальше продолжать или прекратить разведку?

Но он посоветовал продолжать геологоразведку до появления медной руды и выделил для нее значительно больше денег, чем предложенные работниками. При этом он сказал: ничего страшного не будет, даже если не найдется медной руды; если ее не будет, то поставим там опознавательный знак с надписью: «Здесь нет медной руды, не попытайся найти ее». Тогда наши потомки не будут мучительно трудиться над поиском руды. Так что не будет жалко расходовать и большие деньги.

Такое его большое дерзание и большой размах позволили геологоразведчикам наконец-то разведать медную руду, что стало большим вкладом в развитие экономики страны и улучшение жизни населения.

Он был противником манеры работать со страстью пятиминутного кипения и настойчиво довел начатое дело до конца.

Он, встав на путь революционной борьбы, до последних дней своей великой жизни показал бесценный пример боевой атмосферы работы – смело, с большим размахом, настойчиво довести до конца любые дела.

Раз разработана какая-то политическая установка, он в любой

сложной, трудной обстановке ни на шаг не отступал назад, не замешкался, настойчиво, терпеливо, с несгибаемым боевым духом до конца претворял в жизнь намеченную политику и линию.

В марте 1987 г. он на совещании ответственных работников в области химической промышленности, обращая внимание на дальнейшее развитие «большой химии» и установление среди работников революционной атмосферы, требующей от них жить по-нашему, напомнил слова своего отца о том, что самый большой недостаток у корейцев – работать с пятиминутным кипением, и посоветовал непременно искоренить эти замашки. Если я не получал от отца такое воспитание, продолжал он, то не смог бы преодолевать 15 лет в горах суровые испытания трудной антияпонской вооруженной борьбы. Он сердечно посоветовал работникам положить конец манере работать с пятиминутным кипением и упорно продвигать все дела.

Однажды он, указывая на необходимость массового культивирования вьющейся фасоли, тоже коснулся устранения такого порока. Вьющаяся фасоль, говорил он, содержит в себе много протеина, раньше в питании у хамгёнцев не было яиц, зато было много вьющейся фасоли, и у них были высокий рост и крепкое телосложение; если проанализировать объем содержания белков в ней, то 50 зерен вьющейся фасоли равняется одной штуке яйца; в прошлом в провинции Чаган выращивали много этой фасоли, а ныне мало; наши работники не привычны к настойчивому доведению начатого любого дела до конца; через немного времени объявляют отбой; вот что большой недостаток у наших людей; советую везде энергично проводить движение за массовое разведение вьющейся фасоли.

Он всю жизнь оставался человеком твердого убеждения – в любой трудной ситуации он не знал боязни, отличался стойким наступательным духом.

Своей смелостью, своим дерзанием он победоносно вел корейскую революцию, войну, дело созидания и строительства нового общества. Он своей непреклонной духовной силой победил всякого рода несправедливость и укротил суровую природу. Это сделали возможным свойственное ему убеждение – наступательный дух, с которым он шел навстречу любому вражескому полчищу, незыблемая воля, не признающая никакой невозможности, и постоянно невозмутимый подход к делу.

Его наступательный дух взял свой исток из свойственной ему духовной силы, неизменно проявленной во всей его жизни.

В своих мемуарах он пишет: **«Можно сказать, всю свою жизнь я был склонен в большой степени к наступательным действиям, а не к обороне. С первых дней своей революционной деятельности и по сегодняшний день я руководствуюсь наступательной тактикой – идти навстречу врагу. Всякий раз, когда перед нами возникали трудности, я не пасовал перед ними, не испытывал колебаний. Не собирался ни обходить, ни избегать их»**. На разных этапах развития революции, продолжает он, применялась, главным образом, наступательная тактика, что было насущным требованием сложной корейской революции, полной испытаний. Если бы, пишет он, оказавшись в водовороте истории, всколыхнувшем мир в XX в., мы прибегали лишь к оборонительной тактике, начали искать пути отступления и обхода, то никогда не смогли бы преодолеть вставшие перед нашей революцией трудности. Вот почему, проникновен-

но пишет он, и сегодня думаю, что абсолютно правильной была та революционная стратегия, которой мы руководствовались, смело идя навстречу трудностям и превращая неблагоприятную ситуацию в благоприятную.

Тактика наступления, которой придерживался он всю жизнь, была концентрированным выражением его несравненного убеждения. Он с самого начала своей революционной деятельности наступательным духом – идти навстречу трудностям – преодолевал всякие невзгоды. И в годы антияпонской вооруженной борьбы он с несгибаемой волею шел навстречу смертельной опасности, превращая неблагоприятные ситуации в благоприятные, а беду – в счастье.

В самом деле поле боя в годы антияпонской войны было местом решительной битвы, каждое мгновение которой сопровождалось бесчисленным множеством смертельных опасностей. Вполне понятны слова: «Горы Чанбэк, волны Амнок видали в бою, как была здесь пролита кровь за Отчизну свою» в тексте бессмертного гимна «Песня о Полководце Ким Ир Сене», сочиненном поэтом Ли Чханом после освобождения Кореи. Однако Ким Ир Сен ни на минуту не замедлял, не менял свой наступательный дух – идти навстречу трудностям – в многочисленных смертельных опасностях, в кровопролитных решительных боях.

История кровопролитной антияпонской вооруженной борьбы помнит его стойкую волю. Так, в дни Трудного похода был и критический, опасный момент, но он, уверенный в себе, со стойкой волею преодолел нагрянувший кризис, организовав поход отряда среди бела дня буквально под самим носом врагов, с бешеной яростью проводивших карательные операции. Этот поход начался в

феврале 1939 г. с горы за поселком Цзяцзайшуй уезда Чанбай. То было время, когда главные силы КНРА перешли на рассредоточенные действия. И в Ставке Командования было мало личного состава. А врагам стало случайно известным ее месторасположение. Малейшее замедление или замешательство привели бы к провалу всего дела. В этой критической ситуации Ким Ир Сен, готовый пойти на смертельный риск, решился покинуть гору за поселком Цзяцзайшуй и походом пройти по бескрайней равнине. Он дал личному составу Ставки Командования приказ: без остановки совершать поход и даже при появлении врагов. О Бэк Рён, командир отряда, обращается к нему: «Товарищ Командующий! Начнем мы поход – с вражеского форта градом прилетят пули. Как же пройти вон там по равнине?» Он ни разу не отказался от выполнения приказа Командующего, но ему данный приказ показался слишком рискованным.

Командующий говорит: спросишь, как это так? Другого выхода нет. Надо дерзновенно пройти походом. Поставь по одному пулемету спереди и сзади отряда. Придут враги к нам спереди – стреляй впереди. Они рвутся сзади – тоже открывай сзади огонь.

Его приказ был основан на его решении: в критический момент дерзко пойти навстречу врагам, и дерзанием свести их с ума и преодолеть кризисную опасность.

Враги в Цзяцзайшуе, полностью подавленные высоким духом партизан, ясно видели с форта отряд партизан, но в полной панике даже не осмелились что-то сделать. И партизаны без всякой помехи сумели открыто среди бела дня пройти по равнине и добраться до леса. Лишь тогда командиры и бойцы партизанского отряда по-

няли, что именно большое дерзание Командующего было лучшим вариантом преодоления кризисной ситуации.

Впоследствии он, воссоздавая в памяти тот день, сказал, что партизаны были очень ошеломлены, увидев врагов, которым даже без единого чихания пришлось только наблюдать за походом партизан. Он добавил: пусть человек загнан в тупик, но если он смело возьмется вплотную за любое дело, тогда не будет неодолимых трудностей. Тут нужна только абсолютно твердая воля: «Пусть я умру, ты тоже умрешь – давай сразимся. Человек умирает один раз, а не два раза».

И еще: весной 1937 г. главные силы КНРА в Сяотанхэ попали в окружение многотысячными войсками противника. В то время Ким Ир Сен точно уловил слабость врагов – они обращают сосредоточенное внимание только на лесную зону. Он дерзновенно велел партизанам смело совершить поход по широкой дороге в населенный пункт и спас отряд от нагрянувшего кризиса. Тактическое решение, принятое им на возвышенности в Сяотанхэ, – выйти в населенный пункт и совершить поход по шоссе – было «авантюрой», рассчитанной на несомненную победу. Именно в этой «авантюре» отражен его высокий наступательный порыв – превратить неблагоприятную ситуацию в благоприятную и перейти от пассивного действия к активному. Да и он на научной основе вник в слабость противника. Удачный риск, рассчитанный на точное попадание в поставленную цель, – это свойственный ему наступательный способ работы – он обладал твердым убеждением: пусть обрушится небо, но все-таки найдется выход.

И весной 1939 г. во время похода в район Мусана партизанский отряд под его командованием среди бела дня совершил марш

по Капсан – Мусанской сторожевой дороге. Узнав об этом, враги были в полной панике. Эту дорогу проложили япошки для карательной операции корейских партизан и только ждали эксплуатационной проверки начальства.

Его упорный наступательный дух ярко проявился во время корейской войны. Империалисты США, бахвалившиеся после второй мировой войны своим «всемогуществом» в мире, зажгли фитиль агрессивной войны против молодой КНДР. Ким Ир Сен без малейшего колебания отдал приказ народоармейцам немедленно перейти в контрнаступление. И они через три дня освободили Сеул, немногим более чем за один месяц загнали агрессоров в узкую зону южнее реки Рактон. И янки пришлось «испить горькую чашу самого позорного в истории США поражения». В 1960-е годы во время инцидента с американским вооруженным шпионским кораблем «Пуэбло» и инцидента с крупным разведывательным самолетом американских ВВС «ЕС – 121» Ким Ир Сен выразил решительную позицию: ответить на «возмездие» империалистов США возмездием, на тотальную войну тотальной войной, и тем самым сорвал агрессивные попытки врагов.

Вступая в 1990-е годы, США через посредство МАГАТЭ требовали от КНДР принять неоправданную ядерную инспекцию. И в то время Ким Ир Сен сбил спесь с империалистов США своей дерзновенной декларацией: если США окажут на нас давление, то мы будем решительно противостоять этому; если они намереваются давлением поставить нас на колени, то это будет глупой акцией; мы немедленно нанесем мощный ответный удар.

Во имя революции, во имя своей любимой Родины и народа он даже с риском для собственной жизни дерзко пошел в ата-

ку. И потому он большую часть времени проводил на переднем рубеже – и в годы антияпонской войны, и в дни Отечественной освободительной войны.

18 октября 1966 г. он в своей речи, произнесенной перед работниками ЦК ТПК, отметил:

«В прошлом во время партизанской борьбы случалось так, что наперекор летящим пулям я рвался в опасные места. Пули пробивали даже вещевой мешок, но я оставался цел и невредим. Только храня такое революционное кредо, вы сможете продолжать дело революции».

В годы антияпонской войны Ставка Командования с ним всегда находилась на самом горячем рубеже поля боя, где он сам с маузером в руке командовал боем. Так и было в бою под Дашахэ. Дула вражеских ружей направились сосредоточенно против Ставки Командования революционной армии. Но он невзирая на опасность, без колебания пошел в смертельный бой. Иной раз он сам с пулеметом в руках рвался в атаку, а порой сзади отряда строчил по преследующим врагам.

И в период Отечественной освободительной войны он вышел даже на передовой рубеж с высотой 1211, где рвутся бомбы, снаряды и свистят пули, и вдохновил воинов на победу в войне.

23 сентября 1951 г. его машина стояла у подножия перевала Чиктон на переднем рубеже фронта. Дальше поехать было невозможно. Он сошел с машины и обвел своим взглядом окутанные облаками пламени взгорья и высоты на фронте. Если не пойдет машина, говорит он, надо пешком пройти. И он зашагал по бездорожью с бесчисленным множеством воронок и заваленными деревьями. Беспокоясь о безопасности Верховного Главнокомандующего, сотрудники преграждали ему путь вперед. А он говорит: с думой о солдатах, воюющих на высоте, будем шагать – ни трудностей, ни опасностей не будем испытывать. Он, перейдя через гору высотой 1100 с лишним метров над уровнем моря, поднялся на высоту 1237,3, что высится на переднем рубеже фронта, соприкасающуюся одной горной цепью с высотой 1211. В то время противник, твердя о «крупнейших артобстрелах», о «массированных бомбежках», обрушивал на высоту 1211 по 30 – 40 тыс. снарядов и авиабомб в день. Под прикрытием многочисленных танков наемные войска непрерывно волнами атаковали. Закат солнца и начало нового дня сопровождались жаркими боями с врагами, напоминавшими стаи шакалов. Густой лес весь сгорел, скалы раскрошились и превратились в порошок. Непрерывные артобстрелы и бомбежки противника были столь жестокими, что даже лесные белки, не находя себе укрытия, бросились в объятия бойцов Народной Армии.

На высоте 1211 – оглушительные взрывы, черные облака дыма с едким пороховым запахом. А он поднял бинокль и оглянул поле боя. Указывая фронтовым командирам главное направление вражеской атаки, он говорит: **«Высота 1211 – это стратегически очень важная высота»**. Он подчеркивает, что нужно грудью защищать высоту 1211, и намечает детальные тактико-операционные варианты.

Народноармейцы, получившие ценные его указания на переднем рубеже фронта, скандируя полный убеждений лозунг «За товарища Верховного Главнокомандующего!», ценой крови защитили высоту 1211 и полностью сорвали «летнее наступление» противника.

Великую победу в суровой Отечественной освободительной войне принесли несгибаемая духовная сила, большое дерзание Ким Ир Сена, не жалевшего даже своей жизни ради Родины и народа. Такая же его стойкая духовная сила и дерзание позволили корейскому народу сотворить великое чудо и в борьбе за защиту социализма, в созидании и строительстве за десятки лет.

Ким Ир Сен был обладателем на редкость большого дерзания, который с незыблемым убеждением, не признав никакой невозможности, повел революцию и строительство нового общества к славной победе.

В годы антияпонской вооруженной борьбы жители партизанского района собственными силами изготовили порох. Это было ценным творением. Оно было рождено его несгибаемым революционным духом, силою его железной воли и убеждения: раз решишься сделать что-то, ничего неосуществимого не будет.

Он решил смело избавиться от прежней скорлупы методов приобретения пороха, нередко сопровождавшихся риском для собственной жизни, и изготовить порох собственными силами. Кое-кто называл это решение «замком на песке», а он был твердо убежден: смело возьмешься за дело – неосуществимого не будет; наши предки успели изготовить порох, как же нам, их потомкам, невозможно это делать? И он стал усердно изучать историю производства пороха и связанные с этим материалы. В ходе поисков он пришел к выводу: селитру – основное сырье для изготовления пороха – можно получить даже в домашних условиях.

Селитру можно было извлечь везде, где люди живут, каждый из них ее постоянно видел. Однажды, когда нещадно палило солнце, он вместе с работниками оружейной мастерской пошел во двор

дома какого-то человека старого возраста, где лежали кучи пепла и навоза. Возле навоза он указал на беленькое наподобие соли и сказал: видите, вот это селитра.

Послушав его, все они весело расхохотались. Получалось, как в том анекдоте – старик ищет трубку, а она у него во рту.

Если какой-то иностранец изобрел что-то, то сразу же с восхищением говорят о нем, а если кореец что-то изобрел, то «умники» тут же презрительно качают головой. Такие низкопоклоннические, нигилистические способы мышления не допустило само его собственное достоинство. Были и неудачи, но он не падал духом, уверенно повторял эксперименты, ему, наконец, удалось найти идеальный состав смешивания материалов. Это открыло надежную перспективу для производства пороха собственными силами.

Убедительный успех широкого разведения кукурузы в Корее тоже принесла его твердая уверенность в себе. В послевоенные годы он предложил широко заниматься кукурузоводством. В то время некоторые консерваторы с явным сомнением выступали против этого. Но он, пользуясь активной поддержкой народных масс, твердо довел до конца дело кукурузоводства во всей стране, сорвав рутину и пассивность. И стало возможным решить столь трудный вопрос нехватки продовольствия в послевоенные годы.

В любой напряженной обстановке Ким Ир Сен решил все вопросы спокойно и невозмутимо, превратив неблагоприятную ситуацию в благоприятную, а беду – в счастье.

Это было в период временного стратегического отступления Народной Армии в минувшей Отечественной освободительной войне. Однажды он позвал к себе командира комендантского пол-

ка и дал ему задание: пусть рота его личной охраны проходит по проспекту г. Пхеньяна маршем с песнями. Комполка мгновенно был ошеломлен. Да и это было понятно: ему было ясно, насколько трудно положение на фронте.

И в обороне столицы складывалась напряженная ситуация. Крутая перемена в ходе войны – переход от стремительного наступления на юг к отступлению – ошарашила и привела в подавленное состояние даже жителей столицы. Враги находились совсем близко – всего лишь в десятках *ли* (10 *ли* – около 4 км) от центра столицы. Там клубились огненные тучи. Именно в такой ситуации он спокойно оставался в столице вместе со Ставкой ВГК, организовал марш роты личной охраны с песнями. Это вызвало не на шутку удивление.

Но он дал такой приказ, считав необходимым вселить веру в победу в сердца всех жителей столицы, всего народа перед лицом крутой перемены ситуации на фронте.

По его приказу бойцы роты личной охраны в строю чеканными шагами бодро маршировали с громкими песнями. В канун отступления на угрюмых улицах столицы вдруг зазвучала песня «На защиту Родины», которую пели бойцы роты личной охраны. Тысячи горожан выбежали на улицы.

Пхеньянцы думали: «Рядом с нами есть рота личной охраны. С нами остается эта рота. Значит, и Верховный Главнокомандующий наверняка сейчас недалеко от нас». Ими владела мысль: «Видите, у него такая уверенность в себе. Значит, в этой войне мы победим наверняка». Позже рота личной охраны вместе с Верховным Главнокомандующим покинула столицу, когда все учреждения города начали эвакуацию.

Его невозмутимое спокойствие стало огромной силой, начисто устранившей в сознании людей, ставших на путь эвакуации, такое чувство, как пессимизм или тревога за судьбу войны.

И десятки послевоенных лет, при каждой бешеной попытке империалистов США и воинствующих кругов Южной Кореи развязать новую войну, он вел за собой корейский народ с невозмутимым спокойствием – нужно продолжать строительство социализма до 12 часов ночи, даже если завтра несомненно вспыхнет война.

В 1960-е годы империалисты США, спровоцировав инцидент в заливе Бакбо и создав кризис в Карибском море, приводили ситуацию в Корее к грани войны, он говорил: то, что не ведут как следует хозяйственное строительство с опасением, что в случае вспышки войны все будет разрушено, – это выражение пессимизма, которое наводит на людей чувство страха и отчаянности и лишает их уверенности в себе; нам не следует думать, что война приведет только к разрушению, а надо думать о готовности уничтожить врагов. Пусть немедленно завтра разразится война, но мы должны до 12 часов ночи сегодня продолжать строительство, так он вдохновлял народ и армию.

Пусть вспыхнет война, но не все созданное будет разрушено, и если все разрушится, не будет проблем – заново сможем построить все, и то еще лучше нынешнего, – вот таким было его дерзание.

Минувшие десятки лет империалисты США не смогли снова спровоцировать агрессивную войну отнюдь не потому, что корейский народ был вооружен современным оружием или новейшей боевой техникой. А потому, что они не смогли осилить его

твердую веру и дерзание, побеждающие, как говорится, даже божественную силу небес. Да, он, великий Ким Ир Сен, был обладателем на редкость большого дерзания, высочайшей, стойкой духовной силы, который с непревзойденной дерзновенностью в авангарде вел за собой народ и армию.

Пламенная страсть

Великий Ким Ир Сен был человеком страсти, сила которой позволила ему преодолеть все встречающиеся трудности и совершить бессмертные подвиги.

Вся его жизнь разгоралась огоньком сверхчеловеческой страсти. С самого начала своей революционной деятельности он воспламенял свое сердце огоньком безграничной самоотверженности в революции, горячей любви к народу, негасимой страсти.

Энергичная деятельность в его более 80-летней жизни, полная страсти, стала одним из самых важных факторов победы ведомого им корейского народа. Его энергичное руководство позволило Корее высвободиться из вековой отсталости и нищеты, построить социалистическую державу, независимую в политике, самостоятельную в экономике и способную защитить себя, и сегодня КНДР демонстрирует свое достоинство перед лицом мира.

Однажды один из глав государств Юго-Восточной Азии спросил его: «Позвольте спросить, сколько часов вы отдыхаете в день?» Ким Ир Сен откровенно сказал о своей жизни: **«Вы задали мне вопрос: сколько часов сплю в сутки? Что касается**

меня, то еще в дни антияпонской революционной борьбы я поздно ночью лег спать, вставал рано на рассвете. Теперь это стало привычкой. Порой, бывает, работаю до рассвета».

Всю жизнь ему не давала покоя нехватка времени. И он работал с опережением времени, равняя час с сотней, тысячей дней. Нагрузка дел не давала ему хоть один денек спокойно отдыхать. Так было всю жизнь – не говоря уж о годах антияпонской войны и о периоде строительства обновленной Родины, в дни суровой Отечественной освободительной войны, в период послевоенного восстановления и строительства, в последующие годы построения социализма.

Сотрудники не раз обращались к нему с просьбой: «Вам не следовало бы до поздней ночи работать, раньше других на рассвете вставать и начинать трудиться». Ким Ир Сен с доброй улыбкой на лице говорит: нелегко отрешиться от закоренелой привычки, и тихим голосом рассказывает:

«Рано утром вставать – эта привычка у меня укоренилась давно в процессе жизни.

… …

В то время, когда мы сражались в горах, враги налетали, как правило, на раннем рассвете. В то самое время, когда мы после ночного похода только что сомкнули глаза. Что ж, могу сказать, что враги выбрали самое подходящее им время.

В тот час мы так устали и погрузились в такой глубокий сон, не замечая ничего на свете.

Как же в таком положении дел спокойно спать человеку, ответственному за судьбу отряда? С той поры под утро, знаете, не спалось…»

После минутной паузы он продолжает свой рассказ: я обещал друзьям так отдыхать после освобождения страны. А вот с освобождением сколько больших дел ждало нас?! Как в те дни, когда мы находились в горах, опять под утро мне не спалось. Ничего не поделаешь, и я говорю моим товарищам, беспокоящимся обо мне: раз закончится дело создания партии, государства и армии, будем спокойно высыпаться. А вот в этот раз разразилась война. Кончилась война – началось восстановление и строительство. Затем взяло свой старт великое поступательное шествие Чхоллима. А мы тогда отстали от других, в таком же положении как же нам обогнать, перегнать их, если будем высыпаться, как хочется, и отдыхать спокойно? В конечном счете, сама жизнь не разрешила мне под утро спокойно лежать. Вот такая привычка стала закоренелой. От привычки вставать рано утром, как мне кажется, не смогу высвободиться всю жизнь. Здоровье нужно для революции, и революционер не может ни на минуту прекратить революционную работу, говорил он не без чувства удовольствия.

Таков был Ким Ир Сен – человек страсти, который желает всю жизнь жить революционером и которому не терпится ради Родины и народа сжечь всего себя огоньком страсти.

Во время Отечественной освободительной войны он, находясь в селе Хянха уезда Чанган провинции Чаган, вел подготовку к проведению III Пленума ЦК партии (декабрь 1950 г.). Для этого он провел две ночи напролет. Он сам написал доклад. Когда ему дремлется, он выходит на воздух и у родника умывается холодной водой, чтобы устранить дремоту.

Военные беспокоились о его здоровье. Ким Ир Сен говорит

им: война – это конфронтация не только убеждений и воли, но и страсти. Какие бы суровые испытания ни нагрянули, нам следует с негасимой страстью приблизить день победы, говорит он проникновенно.

Он провел две ночи напролет за отработкой текста доклада. И без минутного отдыха утром следующего дня он на историческом III Пленуме ЦК партии выступил с историческим докладом.

В один из ноябрьских дней 1968 г. он ранним утром отправился из столицы на Рёнганскую куроводческую ферму (в то время) в провинции Южный Пхёньан. До этого он несколько дней не раз проводил совещания с ответственными работниками кабмина, работниками г. Пхеньяна и провинции по вопросам развития птицеводства и повышения благосостояния населения. В тот день он направился на это предприятие, чтобы на месте лично узнавать о положении дел и принять нужные меры.

Осмотрев и Рёнганскую молочную ферму, он в Чхонсанском сельхозкооперативе руководил совещанием руководящих работников Кансоской, Рёнганской куроводческих ферм, Рёнганской молочной фермы и названного сельхозкооператива. Давно прошел один час после полудня, и у него не было ни минуты отдыха. Сотрудники хотели пригласить его в столовую на обед, но он отказался. Времени у меня нет, говорит он, сегодня уйма дел, обед-то могу заменить в машине чем-нибудь другим. На обеде – несколько штук вареных картошек и заранее подготовленный хлеб. Его руководство делами на месте продолжалось. Во время возвращения в Пхеньян он по дороге прямо пошел в одну из комнат здания ЦК партии и осмотрел образцы новых зимних одежд, поставленных детям и учащимся. Уже давно прошло время ухода с работы. Со-

трудник напомнил ему: пора вернуться в резиденцию. А он ему говорит: знаете, все же похолодает, и меня беспокоит проблема центрального отопления в городе Пхеньяне, надо узнавать, каково положение дел на предприятиях бытового обслуживания, в яслях и детсадах.

И он тут же выезжает в одну из соседских групп жильцов «инминбан» в Чунском районе столицы, подробно узнает, как живут жители, а затем опять возвращается в свой рабочий кабинет. Ночь глубокая, а он собирается браться за работу. В ту ночь написал в рабочем кабинете рукописи речи **«О разрядке напряженности на транспорте»** (16 ноября 1968 г.) и речи **«О некоторых проблемах административной работы по организации труда»** (16 ноября 1968 г.). Довольно далеко за полночь он ушел с работы. При этом он, вкладывая рукописи в портфель, говорил: дома докончу незавершенное. Если иметь в виду тот факт, что он, как правило, встает с постели на рассвете к четырем часам, то можно узнать, что в тот день ему пришлось отдохнуть всего примерно два часа. Так всегда был у него распорядок дня.

Предел физических возможностей человека, обозначенный природой, всегда отрицался его гигантской духовной силой в осуществляемой его пламенной страстью насыщенной программе работы каждого дня. Однажды в воскресенье сотрудники, обеспокоенные его здоровьем, обратились к нему с просьбой отдыхать хотя бы в тот один день. Выслушав их, он с улыбкой на лице говорит:

«Спасибо, знаете, отдыхать – это не особое. Где найдется лучший отдых, чем осматривать завод или деревню? При большой нагрузке разными сложными делами я справляюсь с одним делом, а после этого берусь за новое – и тогда настроение у меня становится новым. Вот это, я бы сказал, для меня отдых. И еще: ничего радостнее нет, когда на встречах с разными людьми нахожу звено в решении наболевших вопросов или успею ловить такую проблему, которую я до того не сумел придумать. Все это для меня хороший отдых. Стало быть, понадобится ли отдельно какой-то другой отдых?»

Для него дело и отдых составляли своего рода интеграцию. У него ни разу не было отдыха, оторванного от дела. Всю свою жизнь он жил, сжигая себя только одним огоньком страсти.

Он часто напоминал сотрудникам: сегодня работаешь, а завтра упадешь, но раз берешься за дело – трудись с огоньком страсти, проводя ночь напролет и даже не замечая пропуск еды, – лишь с таким духом можешь делать революцию.

Его энергичная деятельность велась не только с непрерывным течением времени. Всю жизнь ему приходилось довольно много идти по крутому пути, невзирая на ненастье. За освобождение Родины он как никто другой много шел и ехал по просторам Пэкту, а после освобождения страны первым встал на никем непротоптанный путь строительства обновленной Родины. Каждый день, каждый месяц десятков лет своей революционной жизни он проводил с огоньком страсти. Ненастье и бездорожье – это не была помеха для него.

Было это 26 августа 1966 г. Стояла погода очень плохая. На море – бушующие волны, разгул сильного ветра. В такую погоду он руководил на месте делами на морском острове Пидан («Шелковый»), где растут камышовые заросли, чтобы решить проблему одежды для населения.

Политический Комитет ЦК партии принял решение: ему нельзя поехать на остров Пидан, поскольку погода очень плохая. Однако он встал на морской путь. Раз это делать решено на благо народа, говорил он, то нужно непременно побывать на острове Пидан, даже если придется оказаться под дождем. Вот он прибыл на остров. Все дорожки были заболочены дождевой водой, трудно было даже передвигать ноги. Сотрудники затруднялись дальше идти. Тут Ким Ир Сен говорит: зачем же мы приехали на этот остров, если хотим прибегать к формализму? – и он первым зашагал по дороге в полной грязи.

И ныне в Музее корейской революции бережно хранится простая шинель, в которой он всегда в послевоенные дни ехал, чтобы руководить делами на месте. Изношенные края на шинели ворсились. Каждая ворсинка на них безмолвно рассказывает о горячей любви к народу у Ким Ир Сена, который даже без минутного отдыха прилагал огромные усилия для спасения судьбы революции, судьбы Родины и нации от кризиса, для создания родному народу зажиточной, цивилизованной жизни и непрерывно одолел далекий путь на благо народа.

Ким Ир Сен был человеком страсти, который до последних дней своей жизни посвятил всего себя делу Родины и народа.

В жизни своего поколения он совершил величайшие подвиги, которые не могли бы совершить даже многие поколения. Отнюдь не случайно, что весь мир глубоко уважает его как выдающегося великого человека, представляющего XX в. Такие величайшие его заслуги всей жизни невозможно выразить любыми статьями, любым огромным памятником.

Его, если можно выразиться так, «поезд в народ», давший первый гудок на заре строительства новой Кореи, мчался и мчался безостановочно до последнего периода его великой жизни. Делу, проведенному им с неугасимой страстью, не было предела – ни начала, ни конца.

При жизни он однажды на встрече с одной из ветеранок антияпонской революции рассказывал ей о том, что Броз Тито, президент бывшей Югославии, посетивший КНДР, рекомендовал ему теперь дальше не трудиться, а отдыхать. **«Президент Тито**, – говорил он, – **обратился ко мне с сердечной просьбой: «Теперь вам надо перестать работать. Отдыхайте, пожалуйста. Какие дела вы намереваетесь продолжать? Возьмем, к примеру, только город Пхеньян. Во время войны он лежал на пепелище, а вами построен этот город великолепный да изящный».**

И впредь мне хотелось бы продолжать работу. У революционера жажде работы нет конца. Когда построен один корпус большого дома для народа, хочется построить более крупный дом; когда создано хорошее, хочется сделать еще лучшее».

Ким Ир Сен, человек престарелого возраста, с невероятной нарастающей энергией заботился о государственных делах, встречался с людьми различных кругов и достойно окончил свою славную жизнь. Так, за несколько лет до своей кончины он часто встречался с ветеранами антияпонской революции и детьми погибших революционеров, давал им ценные указания, в короткое время досуга заменял свой отдых работой над собственными мемуарами **«В водовороте века»**.

Что греха таить, в последние годы своей жизни он страдал сердечными болезнями. В последнем году своей жизни ему, стра-

давшему и глазными болезнями, при выступлении с новогодней речью 1994 г., последнего года жизни, приходилось из-за плохого зрения брать в руку рукопись и с трудом читать ее текст. И, наконец, ему сделали операцию глаз. Даже молодым людям после подобной операции приходится более месяца отдыхать за лечением. Однако он, когда прошло несколько дней после операции глаз, встретился с зарубежным соотечественником Сон Вон Тхэ, а вслед за этим сфотографировался на память вместе со школьниками, участниками V съезда Детского союза Кореи.

Только за несколько месяцев до кончины он встречался с участниками Общереспубликанского сельскохозяйственного съезда, Общереспубликанского слета работников угольной промышленности и многочисленными другими трудящимися, давал им программные указания, сфотографировался вместе с ними на память. Перед тем самим уходом из жизни, т. е. 5 и 6 июля на созванном им совещании ответственных работников в отрасли экономики осветил программное руководство к действию, которого следует неизменно придерживаться в хозяйственном строительстве социализма.

Немногим более чем за два года, т. е. с апреля 1992 г., года его 80-летнего юбилея, до последнего дня жизни, он руководил на месте делами порядка более 40 подразделений в разных отраслях народного хозяйства и в частях Народной Армии. Для него, человека престарелого возраста, бремя было слишком громадным, но он считал это никем незаменимым долгом своей жизни и с полнотой страсти брался за работу.

Ким Ир Сен, движимый стремлением скорее осуществить воссоединение Родины – величайшую задачу корейской нации,

решил провести межкорейские переговоры на высшем уровне и в связи с этим задумался над политическими и экономическими проблемами, с которыми он будет инициативно выступать на переговорах. Кроме того, он прорабатывал и подтверждал каждый из нужных документов.

Его духовная сила, проявлявшаяся им неизменно каждый день во всей жизни ради Родины и народа, бесконечно испускала свои лучи не только в Корее, но и в других регионах нашей планеты. При жизни он 54 раза посещал в общей сложности 87 стран. Маршрут его поездки составлял более 522 460 км. Столько же превысила человеческое воображение его внешнеполитическая деятельность. Число встреченных им глав, политических деятелей, лиц различных кругов зарубежных стран неисчислимо огромное.

За исключением дней его зарубежных поездок, он даже неоднократно в день встречался со всеми известными деятелями зарубежных стран, посетившими КНДР, долгое время беседовал с ними по важнейшим политическим вопросам внутри и вне страны и давал им нужные советы, проводя, таким образом, энергичную внешнеполитическую деятельность. Так, в последний период своей великой жизни принял американского экс-президента Дж. Картера, заложил прочный фундамент для оздоровления корейско-американских отношений и, далее, для сохранения мира и безопасности в СВА и на Земле.

Немеркнущие огромные усилия великого Ким Ир Сена, руководителя революции, горевшего всю жизнь беспредельной страстью, приводили к непрерывному сдвигу корейской революции, к росту народного счастья.

Задушевный оптимист

Ким Ир Сен – из числа оптимистов, он всю жизнь жил с чувством оптимизма.

Корейская революция – больше трудная, сложная, чем революция в любой другой стране. Однако Ким Ир Сен энергично вел ее к победе без малейших отклонений, без остановки на полпути. Один из ее главных секретов – именно в том, что он обладал духом революционного оптимизма, носитель которого, улыбаясь, одолевает встречающиеся трудности.

При каждом столкновении революции с испытаниями и затруднениями, он преодолевал их силой духа неизменного революционного оптимизма.

В мемуарах великого Ким Ир Сена под названием **«В водовороте века»** (Продолжение) пишется:

«Подобно тому, как биологический возраст человека зависит от его оптимизма в подходе к жизни, так и исход и жизненность революции в любой стране зависят от революционного оптимизма, – таково мое убеждение».

Всю жизнь он больше кого-нибудь переживал мук-мучений, больше ощущал острую боль от утраты. Однако он никогда не знал ни тени пессимизма и колебаний. Так было, в частности, в то время, когда путь революции преграждают испытания и трудности. Каждый раз он, полный оптимистической веры в будущую победу, инициативно шел навстречу им и неизменно прославлял свою жизнь духом оптимизма. При каждом столкновении революции с суровыми испытаниями он превращал неблагоприятную ситуацию в благоприятную, беду в счастье, инициативно куя победу. Подобное незаурядное искусство его руководства, в конечном счете, впитывало в себя питательное вещество, имя которому – революционный оптимизм.

И в годы антияпонской революционной борьбы, и в годы суровой Отечественной освободительной войны он преодолевал все те встречающиеся трудности силой оптимизма, уверенности в неизбежности победы, неизменного убеждения в том, что непременно будет победа, пока есть народ, есть верные товарищи, есть оружие в руках.

Антияпонская вооруженная борьба, развернувшаяся под его руководством, велась, по правде сказать, в беспрецедентных в истории самых трудных, суровых условиях – не было поддержки со стороны государства и регулярных войск, не было прочного тыла. В таком положении нужно было вести всестороннюю войну сопротивления против империализма Японии, считавшей себя «лидером на Востоке». И для того, чтобы приобрести горсть зерна и комплект одежды, приходилось идти в кровопролитный бой. КНРА была вынуждена с решительными боями с врагами, проводящими яростные карательные операции, несколько дней совершать походы. Страдая из-за недоедания и недосыпания в буквальном смысле этого слова, ее бойцы должны были воевать прямо против японских отборных вооруженных сил.

Однако, надо сказать, что все эти испытания и затруднения не смогли ни на йоту поколебать дух оптимизма у Ким Ир Сена. Он часто говорил бойцам: ну, когда страна станет независимой, пойдем в Пхеньян, попробуем там уху из кефали, порцию *куксу*

в холодном бульоне, поднимемся на сопку Моран и полюбуемся рекой Тэдон. Так он раскрывал перед глазами бойцов картину будущей освобожденной Родины, помогал им в трудные минуты петь песни, пуститься в танцы, жить с оптимистическим настроением. Порой он сам создавал революционные песни и спектакли, советовал распространять их среди бойцов и населения. Какие бы суровые обстоятельства и условия ни складывались, он с твердой уверенностью в себе регулярно организовывал военно-политические занятия, а в лунную ночь в тайге устраивал увеселительные мероприятия, по случаю праздника проводил в торжественной обстановке объединенный митинг армии и народа. Так он выковал из бойцов обладателей революционного оптимизма и, видя в их непреклонном боевом духе движущую силу, победоносно вел вооруженную борьбу против японского империализма.

В такой обстановке шли дни. Одним из них был Первомай в 1940 г., когда у партизан праздничное кушанье заменилось блюдом из лягушек. В тот день Ким Ир Сен, полный уверенности в победе и оптимизма, обратился к боевым друзьям со словами: ребята, хотя мы сегодня отметили Первомай блюдом из лягушек, а потом, после свержения японского империализма, пойдем в Пхеньян и отпразднуем освобождение Родины блюдом из тэдонганской кефали. Сейчас противник лезет из кожи вон в попытках сделать что-то с нами, но мы ни в коем случае не покоримся врагу, не опустимся на колени. Призываю: все мы, проникнувшись верой в завтра, с глубоким чувством гордости корейской нации, гордости корейских коммунистов будем более стойко бороться за уничтожение агрессоров – японских империалистов, за освобождение Родины.

Такой его революционный оптимизм позволил антияпонским борцам в дремучей тайге голыми руками изготовлять ёнгирские гранаты. Одна партизанка, лишившись двух глаз от рук противника, даже на месте казни смогла во весь голос кричать: «Видится у меня победа революции!» Оптимистический подход к будущему, оптимистическая уверенность, что непременно настанет тот день, когда люди будут жить счастливо на освобожденной Родине, родили у них несгибаемый боевой дух, и они, наконец, смогли свершить историческое дело – дело освобождения Родины.

И в суровые годы Отечественной освободительной войны он, как в те дни антияпонской борьбы, всегда силой революционного оптимизма преодолевал все встречающиеся трудности. В этой войне корейский народ ценой крови защитил суверенитет Родины, ее достоинство и каждую пядь родной земли от наскоков агрессивных войск стран-сателлитов во главе с американскими. Проявленные народом в те годы массовый героизм и оптимизм взяли свой исход в духе оптимизма вождя и на этой основе ярко показались.

И в годы послевоенного восстановления и строительства, когда людям пришлось все заново начать на пепелище, где ничего не осталось, и в период строительства социализма, которое шло в обстановке непрерывных военных провокаций империалистов США и всяческих обструкционистских акций ревизионистов, оппортунистов, великодержавных шовинистов, неизменно все больше нарастал у него дух революционного оптимизма.

Ким Ир Сен всегда жил оптимистически, с романтическими настроениями и эмоциями. По этому поводу он в марте 1992 г. и в январе 1993 г. в беседе с ветеранами антияпонской революции отметил:

«Пусть даже обвалится небо, все равно найдется выход – вот такие у меня твердые убеждения, вера в победу. Таким оптимизмом я всегда жил и неизменно живу и сегодня».

Он в отличие от других имел особый взгляд на оптимистическую жизнь: когда жители и военнослужащие живут оптимизмом, у них нарастает революционный энтузиазм и, как следствие, еще более повышается и боевой дух, и активность в производстве, они становятся задушевными и цивилизованными. По его мнению, и завоевание победы в войне определяется отнюдь не числом воюющих или состоянием их вооружения, а духовной силой народа и армии, их верой в победу, революционным оптимизмом.

В один из огненных дней суровой войны Ким Ир Сен посетил село Хачжан уезда Рёнчхон провинции Северный Пхёньан. После участия в собрании партийной ячейки он сказал: чем труднее становится время, тем смелее члены партии должны преодолевать встречающиеся препятствия и трудности, идя в авангарде масс, и жить оптимистически. Он добавил:

«Только те, кто имеет веру в победу и стойкую волю, не будут в пессимистическом настроении, не будут падать духом, смогут жить оптимизмом даже в суровых испытаниях войны. С верой в победу жить оптимистически, преодолевая полосу трудностей, – вот каков высокий дух сражающегося корейского народа. Никакая сила не может покорить такой народ».

Чем тяжелее жизнь, тем оптимистичнее, веселее устраивать ее, – такова была неизменная позиция Ким Ир Сена. Когда-то он отметил: что касается трудности прошлой партизанской жизни, то невозможно сравнить ее даже с жизнью рабочих, которые занимаются какими бы то ни было трудными делами. Однако при развертывании партизанской борьбы, продолжал он, мы оптимистически и благоустроенно жили, что дало нам возможность постоянно сохранять высокое революционное настроение.

Вся его жизнь была жизнью оптимиста. По нашему человеческому опыту, говорит он, песня – это символ революционного оптимизма, символ победы революции. В жизни человека часто должны быть и стихи, и танцы, и песни. Если в человеческой жизни не будет ни стихотворения, ни танца, ни песни, то, спрашивается, какой смысл будет в жизни?

Он, большой любитель литературы и искусства, при каждом предоставляющемся удобном случае сам сочинял революционные произведения литературы и искусства.

Как всем широко известно, он – автор литературно-художественных произведений классического значения, созданных в период антияпонской революционной борьбы. В их числе – немеркнущие классические шедевры **«Море крови»**, **«Цветочница»**, **«Кровавый протест на Гаагской конференции»**, **«Судьба охранника»**, **«Молельня»** и другие революционные оперы, революционные спектакли, революционные песни **«Тоска по родине»**, **«Песня об антияпонской войне»** и др.

Он любил ознакомляться с беллетристикой, кино и другими произведениями литературы и искусства, хорошо пел песни, играл на музыкальном инструменте, устраивая жизнь оптимистически. Он всю жизнь любил петь много песен, среди которых – «Революционный гимн», «Песня о море», «Песня о передовике Чхоллима», «Смерть врагам».

Весной какого-то года он руководил на месте делами провин-

ции Южный Пхёнъан. Однажды вечером на усадьбе дома, где он остановился, слышались веселые мелодии губной гармоники. Сотрудник подходит. Ба! К большому удивлению, гармонистом оказался он – Ким Ир Сен! Тем более что уровень инструментального исполнения у него был так высок, что извлекаемые звуки напоминали исполнение инструментального ансамбля: сочетание основной мелодии и отдельных аккордов, дрожание звуков и другие разные приемы игры.

Сотруднику давно довелось увидеть, что он прекрасно играет на органе. А только в тот день стало известно, что он умеет так мастерски играть на губной гармонике. Исполнялись «Партизанский марш», а затем «Песня о народной власти» и другие революционные песни. Когда кончилось исполнение, сопровождавшие его работники с восхищением послали ему горячие аплодисменты и еще раз, как детишки, попросили его еще раз исполнять хотя бы еще одну песню.

А Ким Ир Сен обращается к ним: **«Хватит. Если бы я не Президент государства, не Генеральный секретарь партии, то каждый день вечером я у себя дома устраивал бы концерт и приглашал бы вас, товарищи»**.

Однако они настойчиво просили. А он, улыбаясь, говорит: **«Только меня просить играть негоже. И вам надо играть. Человек должен жить оптимистически. Революционеру быть оптимистом, не знающим уныния»**.

Когда-то каждый вечер Ким Ир Сен, погрузившись в глубоко раздумье, слушал звуки чьей-то свистульки из травинки. А вот сотрудник, необдуманно предугадавший, что эти звуки мешают Ким Ир Сену, запретил дальше играть на свистульке. Узнав об

этом, Ким Ир Сену было очень жаль, и он легко упрекал того «заботливого» сотрудника.

В общем-то Ким Ир Сен очень любил заниматься физкультурно-спортивными занятиями. Он любил также плавать, мастерски играл в теннис, в том числе настольный. Любил и охотиться, устраивая жизнь оптимистически. Однако ему трудно было выкраивать, как хочется, время для подобных спортивных занятий или отдыха. Конечно, редко ему предоставлялся случай заниматься спортом или отдыхать. Но и в таком случае это не было «спортом» или «отдыхом» в буквальном смысле этого слова. Впоследствии оказалось, что это было для него временем глубокого размышления о разработке важной стратегии и тактики революции, временем полезного поиска каких-то важных вопросов на почве реальной действительности. Какая бы большая тяжесть ни легла на революцию, он отнюдь не бросил, не ослабил оптимистический, полный восторга подход к революции и жизни.

Так проводя дни, месяцы, годы своей жизни в оптимистическом настроении, он вел к победе корейскую революцию и дело осуществления самостоятельности во всех странах мира.

В марте 1986 г. Ким Ир Сен на встрече с генеральным секретарем Коста-риканской социалистической партии, еще раз посетившим КНДР, сказал: вы говорите, что я и теперь, как десять лет назад, выгляжу по-прежнему энергичным и молодым. В этот раз Фидель Кастро тоже на встрече со мной говорил, что я выгляжу довольно молодым. Он добавил:

«Чтобы не стареть, человеку не следует быть в пессимистическом настроении и унынии, а надо жить всегда оптимистически.

До сих пор я никогда не попадал в пессимизм, в уныние, всегда живу оптимизмом. Какие-нибудь трудные, сложные проблемы ни вставали, сколько бы трудностей ни вставало на моем пути, я думал так, как говорится в корейской поговорке: пусть обвалится даже небо, все-таки найдется выход».

Да, Ким Ир Сен был обладателем стойкой духовной силы, который оптимистически вел революционную борьбу и жизнь с непоколебимым убеждением, что исход и жизненность революции в данной стране, шкала высоты жизни человека определяются революционным оптимизмом. И поэтому корейская революция, несмотря на свирепые бури истории, могла с неистощимой, живой энергией молодости неизменно продвигаться вперед могучей поступью.

ПРОСТОЙ, НО ВЕЛИКИЙ ГРАЖДАНИН

4

Таким был Ким Ир Сен, если рассматривать его человеческие личные качества. Великий человек с качествами простого гражданина – вот в чем его благородное человеческое обаяние.

Он, взяв на себя большую тяжесть революции и строительства нового общества, совершил большие революционные подвиги перед историей и народом, но всю жизнь жил как простой гражданин в среде тысяч, десятков тысяч людей.

Везде, во всем – в одежде, питании, в других деталях жизни и быта – он ничем не отличался от простых людей, жил одинаково с ними.

У него не было ничего – такого, что только для самого себя. Он посвятил всю жизнь делу корейской революции и корейского народа. Думы об этом наполняют сердца людей чувством глубокого почтения к нему, неуемной тоски по нему. Он всю жизнь жил скромно и просто вместе с народом. И он сегодня живет, будет жить и завтра в сердце народа.

Чистосердечность в мышлении и практике / 182

Всю жизнь в народе / 194

Скромная жизнь / 215

Чистосердечность в мышлении и практике

Одна из самых важных сторон качеств у него как простого гражданина – безграничная скромность. Скромность в обращении к другим, простота в быту, недопущение никаких, даже малейших привилегий – вот в чем еще одно из качеств его как великого человека.

Ким Ир Сен был безгранично скромным человеком. Благодаря этому необычайному качеству он запечатлелся в умах и сердцах корейцев, всех людей мира как простой, но великий человек. Вся его жизнь, отличающаяся простотой, красной нитью проходит через слова «сын народа». Всю жизнь быть беспредельно скромным в обращении к другим – это было для него неизменной нормой в делах и в быту.

Это было в дни антияпонской вооруженной борьбы, в феврале 1935 г. Однажды Ким Ир Сен по просьбе китайских коммунистов Северной Маньчжурии с экспедиционным отрядом КНРА в составе более 170 бойцов встал на путь 1-го похода в Северную Маньчжурию (октябрь 1934 г. – февраль 1935 г.). Отряд активной военно-политической деятельностью выполнил свое задание. После этого отряд встал на путь возвращения в Ванцин. Однако на всем его пути лежало немало трудностей и испытаний: отчаянное преследование японских карательных отрядов, лютый мороз, продовольственные затруднения, бои, жертвы и борьба с бо-

лезнями. В то время противник твердил: «Взять хотя бы одного человека из коммунистической армии, даже если нам придется послать на тот свет сотню человек, – это станет для нас большой выгодой. Мы можем дополнить сотню бойцов, но партизанская армия не в силах ни одного человека дополнить». И враги отчаянно бросились против партизан. В этой обстановке он каждой ночью, как и другие бойцы, нес караульную службу. Нагрянула беда – возле перевала Тяньцяолин он сильно простудился и потерял сознание. Отряд оказался на грани между жизнью и смертью. 16 бойцов отряда, павшие духом, повалились у саней, на котором лежит больной Ким Ир Сен. Он в мутнеющем сознании сочиняет революционную песню – **«Песню об антияпонской войне»**. Бойцы отряда с этой песней сумели преодолеть смертельно опасный перевал Тяньцяолин и оказаться в ущелье Давэйцзы с перевалом Лаоелин. Судьба помогла – бойцы остановились в доме старика Чо Тхэк Чжу. Семья его искренне ухаживала за больным, и он чудом спасся из когтей смерти. Придя в сознание, Ким Ир Сен, выслушав от ординарца все, что было в тот кризисный момент, с благодарностью обратился к хозяину дома:

«Спасибо, дедушка! Исцелился я благодаря вашей доброте».

А тут старый хозяин дома говорит: «Нет, нет, не говорите! Богатырем вас родило небо! То, что вы ожили в нашем домике, не связано с нашей семьей. Это все по воле неба, командир Ким!» И он, подняв голову, устремил свой взор в сторону потолка, словно желая благодарить небо.

В ту минуту Ким Ир Сен с глубоким чувством неловкости обращается к хозяину дома: **«Дедушка, пожалуйста, не вос-**

хваляйте так мои возможности. Слишком высока для меня честь – сравнение с богатырем, рожденным небом. Я не богатырь, рожденный небом. Я сын и внук своего народа, родился в семье простого крестьянина».

А старый хозяин дома с изумлением говорит ему: «Судьбинушка у меня такая, что червь, но я слыхал все о ваших ратных подвигах», и зовет своих детей, чтобы они делали Ким Ир Сену низкий поклон.

«Сын народа» – эти слова короткие. Но в них красной нитью проходит его высокое стремление быть в океане народа, считать себя простым членом в составе народа, его твердый взгляд на человеческую жизнь, носитель которого видит в этом смысл и ценность своей жизни. В общем-то эти слова имели смысл простого человека, который вышел из среды народа и живет вместе с ним. Таким был и Ким Ир Сен. Однако он с ранних лет обладал незаурядными личными качествами, которых даже не может вообразить себе обыкновенный человек. Нигде пока еще не было такого человека, который равнял бы себя с простыми сынами людей, встречающимися постоянно везде на этой земле.

И на арене международной политики его престиж был очень высок. Так, И. В. Сталин назвал его самым молодым героем на Востоке. Китайский Председатель Мао Цзэдун и премьер Чжоу Эньлай перед своей смертью обратились к нему с сердечной просьбой взять на себя дело осуществления самостоятельности во всех странах мира. Броз Тито, президент бывшей Югославии, излил Ким Ир Сену всю свою душу, о чем он никому не сказал, обращал особое внимание на связанные с ним человеческие отношения. В час своей смерти тот поручил ему будущее движения неприсоединения.

Даже Дж. Картер, экс-президент США, по возвращении в свою страну после встречи с Ким Ир Сеном в Пхеньяне сказал корреспондентам, что он выдающийся человек, подобный комплексной совокупности самых прославленных трех президентов США.

Однако он до последних дней своей жизни вел себя, жил скромно и просто. В апреле 1994 г. на встрече с делегацией корреспондентов американской телекорпорации Си-Эн-Эн, посетившей КНДР, он со всей скромностью сказал: **«Многие люди мира проявляют ко мне большой интерес, видимо, потому, что я один из старейших политических деятелей. Я обыкновенный человек, ничем не отличающийся от других»**.

В начале своих мемуаров Ким Ир Сен сжато написал о своей славной жизни:

«Я не считаю свою жизнь какою-то особой, исключительной. Гордиться мне достаточно лишь тем, что жизнь моя вся целиком отдана на благо Родины и нации и что она проходила в одной судьбе с народом».

Он был безгранично скромным человеком. Он показал яркий пример благородных качеств, беспредельной скромности перед партией и государством.

Достоинством Трудовой партии Кореи и КНДР явился именно его высокий авторитет, главным истоком их несокрушимого могущества было выдающееся искусство его руководства. И поэтому весь корейский народ называл ТПК партией Ким Ир Сена,

свое государство – Кимирсенской Кореей в увязке их с его именем, видел в его выдающихся идеях и руководстве светлое будущее корейской революции. Однако он перед той партией, тем государством оставался как никто другой скромным. Все корейцы выдвинули его на высшую должность ТПК и КНДР, люди мира глубоко уважали его, но все векторы его мышления и практики начинались всегда с точки зрения, что он сам тоже один из граждан, один из членов ТПК.

При каждом получений поручений от парторганизации, при каждом сообщении о ходе их выполнения он рассказывал: я тоже один из членов партии, и получать поручения, докладывать об их выполнении – это естественная обязанность члена Трудовой партии Кореи, не так ли?

Внутри партии не может быть отдельно вышестоящих и нижестоящих партийцев, ни в коем случае недопустима двойная дисциплина – вот что он постоянно подчеркивал перед руководящими работниками, при этом он показывал свой практический пример. Такова была его партийная позиция.

После освобождения страны во время нового создания партячейки в аппарате Центрального организационного комитета КПСК он первым принес свое личное дело ячейке, где он состоял.

Это было во время войны с империалистами США, когда он взял на себя всю тяжесть войны. Однажды он всю ночь напролет провел за составлением доклада III Пленуму ЦК партии под названием **«Современное положение и очередные задачи»** (21 декабря 1950 г.), но утром он в первом порядке дня пошел к секретарю партячейки и уплатил партвзнос того месяца.

Когда-то одна сотрудница, вблизи помогавшая ему, не на шутку удивилась, посмотрев журнал уплаты партвзносов в ячейке, где он состоял и вел партийную жизнь. В книге по месяцам изложены сумма каждой полученной им зарплаты и соответствующий партвзнос, там, как правило, написано собственноручное его имя. Она, до тех пор работавшая вблизи от него, думала, что сама как никто другая хорошо знает его безгранично благородные качества. Но ее удивил тот факт, что он, как все простые трудящиеся страны, получает зарплату и уплачивает партвзнос по установленной норме. Однажды она в незаметном для других случае, явно зная недостойность своего обращения к нему, словно баловница спросила: «Скажите, пожалуйста, и вы тоже получаете зарплату?» Он, будто озадачившись заданным вопросом, – это было ясное дело, – поглядывал на нее и, светло улыбаясь, непринужденно говорит: и я тоже гражданин, почему же мне не получать заработную плату?

Так он считал себя простым гражданином, который, как рядовой труженик, получает зарплату. Партийную дисциплину он соблюдал в качестве одного из членов партии, ничем не отличаясь от всех других партийцев. Его скромность и простота в делах и жизни сильно трогали струны человеческих сердец.

Даже на месте официальной встречи с иностранными политическими и другими деятелями он, хотя был Генеральным секретарем ЦК Трудовой партии Кореи и Президентом КНДР, откровенно говорил, что он как один из членов партии выполняет партийные поручения.

23 июня 1984 г. он, проехав через Ярославль бывшего Совет-

ского Союза, прибыл в Киров. Более чем за 50 дней он, преодолев далекий путь в общей сложности в 24 000 с лишни км, посетил бывшие социалистические страны Восточной Европы и встал на путь возвращения на Родину. На торжественной церемонии встречи с высоким гостем из КНДР 1-й секретарь обкома партии и другие руководители органов партии и власти в данном регионе тепло встретили его. Получив от милых детей букеты цветов, он до отправления поезда шагал на территории вокзала вместе с ними. В это время 1-й секретарь обкома партии обратился к Ким Ир Сену: «Мы желаем, чтобы вы, товарищ Президент, отдыхали один день, а потом отправились. В этот раз вы, товарищ Президент, проехали действительно далекий путь».

Ким Ир Сен, поблагодарив за эту искреннюю просьбу, сказал:

«Мне, несмотря на далекий путь, пришлось в этот раз нанести визит в социалистические страны Европы.

В этот раз я посетил эти страны по решению нашей партии. Член партии обязан безоговорочно выполнять партийное решение».

Визит в соцстраны Европы был официальной внешнеполитической деятельностью Ким Ир Сена как главы партии и государства. Однако он считал себя одним из простых членов партии, никем незаменимую свою внешнеполитическую деятельность – процессом выполнения партийных поручений. Его высочайшие качества, откровенность и скромность сильно восхищали не только сопровождавших его сотрудников, но и иностранцев.

Это было 8 октября 1962 г., в день исторических выборов депутатов ВНС третьего созыва. Он должен был поехать в один из избирательных округов и участвовать в выборах вместе с местными рабочими. Ранним утром в его резиденцию прибыла легковая машина. Тут он, перестав садиться в машину, спросил своего адъютанта: скажи, взял ты мой паспорт? Вмиг адъютант и водитель не могли не растеряться. Адъютанту думалось: паспорт – это только удостоверение гражданства страны, а он глава Республики; даже если он пойдет на избирательный участок без паспорта, то кто же не узнает его, да и это не будет никакой помехой выборам.

«Товарищ Ким Ир Сен, вы можете поехать на избирательный участок и без паспорта. Время торопит, поедем».

А он говорит: **«Товарищ адъютант, как ты сейчас сказал, даже если я поеду без паспорта, мне не разрешают ли участвовать в выборах? Но я, знаешь, должен поехать на избирательный участок непременно с паспортом»**. В его словах нашла свое выражение его искренняя, откровенная мысль: и я тоже гражданин Республики, как же мне быть исключением в соблюдении установленного государством порядка выборов? Он продолжает проникновенно рассказывать своему адъютанту: до сих пор я ни разу не думал, что я особое существо, стоящее выше народа. Пусть немножко задерживается время, но поедем на избирательный участок, взяв с собой паспорт.

Он подождал, пока не возвратился опять адъютант с его паспортом. Получив принесенный паспорт, он скрупулезно узнает, нет ли в документе поврежденных частей, а затем бережно хранит его за пазухой – и поехал на избирательный участок. Прибыв на

место, он показал работникам избиркома свой паспорт, а затем получил избирательный бюллетень и вложил его в урну.

Так он видел в сознательном соблюдении государственного закона и правопорядка священный долг гражданина, в любое время, в любом подразделении он сам считал соблюдение установленного режима и порядка непреложной правовой нормой.

Когда-то он, несмотря на большую занятость всеми делами страны, выехал в какую-то школу, где проходит выпускной экзамен. Сотрудники не успели заранее сообщить администрации школы о его визите. Так без предварительной информации сопровождавшие его работники прибыли утром к половине десятого. Школьники уже в классных комнатах – и на дворе школы было тихо.

Корпус здания школы был старым, с видом давности. И вестибюль был узок, в нем плохо освещалось солнечными лучами, было довольно темно. В вестибюле сидит юная ученица с повязкой дежурного. Она приветливо встретила гостя, но не могла узнать, кто пришел.

Ким Ир Сен, ответив на ее приветствие, медленно шагает в сторону коридора. А тут неожиданно сзади зазвучал звонкий голос дежурной ученицы: «Проходите после регистрации!» Это совсем растеряло сотрудников. Ситуация действительно трудная: невозможно было и подсказывать ей все, и ругать дежурную. Все, как говорится, потеряли голову.

А вот Ким Ир Сен, наоборот, словно хваля поведение школьницы, с широкой улыбкой на лице повторяет слова: **«Правильно! Надо регистрировать. Нечего и сказать!»**, и подходит к столу и

получает от дежурной журнал для приема посетителей и карандаш. А затем, как требует юная ученица, заполняет графы журнала одну за другой. Пишет он все: какое число, кто ему нужен, цель встречи, место работы посетителя и его должность, конечно же, фамилия и имя.

Когда гость, положив на стол карандаш, выпрямляется, ученица не на шутку изумляется и отшатывается на шаг назад и, подняв голову, смотрит ему в лицо. Она, словно не веря своим глазам, еще раз всматривается в журнал. Ба! Она столь сильно тронута, что взволнованным голосом зовет фамилию и имя гостя и, не сумев дальше вымолвить, тут же окаменела. Лицо у нее сразу покраснело – и от безмерной радости, что самой ей довелось увидеть столь почитаемого Ким Ир Сена, и от стыда, что она, не сумев узнать его, неприлично вела себя. И сотрудники не могли скрывать чувства неловкости. А Ким Ир Сен, наоборот, нежно поглаживая по головке девочку, растерянно стоящую, говорит: **«Ты, вижу, очень умная! Настоящая умница!»**

Он создал для молодежи, детей, учащихся передовую систему образования и, несмотря на занятость делами, соблюдает порядок в небольшой школе и удовлетворяет то, чего требует юная ученица, и хвалит ее за аккуратность. Его безмерной скромностью и простотой глубоко тронулись все – и школьница, и работники, у которых увлажнялись глаза.

Ким Ир Сен был безмерно скромным в учебе. Он обладал глубокими, довольно многосторонними знаниями, но всю жизнь старался учиться. Скромно учиться и еще раз учиться, чтобы беспредельно обогащать арсенал идейных разработок и

знаний, – такова была и поставленная им важная цель человеческой жизни.

5 сентября 1963 г. он в своей заключительной речи на VII Пленуме ЦК ТПК четвертого созыва указывал:

«Все мы без исключения обязаны прилежно учиться. Незнание отнюдь не порок. Большая беда состоит в том, что незнающий притворяется знающим».

Всю жизнь он с ненавистью вел непримиримую борьбу против трех хронических дурных привычек людей притворяться. Страдающими этими «болезнями» являются те, кто, не имея у себя ничего, делает вид, что имеет что-то; некрасив, но выдает себя за красивого; не зная, притворяется всезнайкой. Наихудшая из этих трех «болезней» – по его словам, не зная, выдавать себя за знающего.

Непонимание своей силы и способности он считал самой опасной тенденцией. Надежная гарантия успеха любого дела – в точном понимании степени своей силы: она большая или слабая? Если рассмотришь себя с точки зрения цены, то ты должен точно судить, сколько ты стоишь – или полтина, или один рубль. Лишь это поможет тебе соответственно с открытой душой готовить себя к делу, хорошенько справляться с порученным делом в соответствии со своей практической способностью и подготовленностью, – вот о чем он часто рассказывает руководящим работникам.

Методы работы тех, кто, не зная, притворяется знающим и, с позволения сказать, старается трудиться, он оценивал так: это, говоря добрыми словами, манера «работать наездами», по правде

говоря, замашки «гонять лодыря».

И поэтому он при каждом удобном случае постоянно советовал: руководящим работникам, кем бы они ни были, не следует притворяться знающими. Если они не знают, то им нужно откровенно признать свое незнание и скромно учиться. О том, что не знают, следует спрашивать у других. От этого не падает авторитет.

Наставником, у которого он всю жизнь учился и учился с безмерно скромной позиции, с откровенным подходом к делу, явились народные массы.

1 марта 1953 г. он на совещании председателей провинциальных комитетов партии выступил с речью **«О некоторых очередных задачах, стоящих перед провинциальными партийными организациями»**, в которой, в частности, говорится:

«Руководящие работники всегда должны считать народные массы учителями, скромно учиться у них, вести все дела при опоре на народные массы».

Его скромность берет свой исток во взгляде того, кто уважает народ не только как товарища по революции, но и как учителя, который знает все и выступает с множеством конструктивных предложений. Исходя из подхода к народным массам как к своим товарищам по революции, как к мудрым учителям, он всю жизнь относился к ним с безмерным чувством скромности, всеми силами старался учиться и учиться у них с беспредельно скромным подходом к ним.

Если для него книга была безмолвным учителем, то народ явился мудрым, эрудированным наставником. И поэтому он на каждой

встрече с людьми не пропускал мимо чьи-то слова и выслушивал их до конца.

Разные требования и устремления всех отдельных людей им были обобщены как линия и политика партии и государства, превращены в руководство к действию в революции и строительстве нового общества. Вся линия, вся политика, научно обобщенные и всесторонне систематизированные им, были самыми правильными.

Он был величайшим из великих людей, который всегда скромно жил среди народа, учился у него и вместе с ним прославлял свою жизнь.

Всю жизнь в народе

Отнюдь не случайно, что одна из южнокорейских газет комментировала так: «Те, кому довелось встретиться с Президентом Ким Ир Сеном, очаровываются его личными человеческими качествами, силой воздействия на людей и незаурядным искусством дипломатии и ведут себя, словно плененные колдовской силой. Деятели политических и дипломатических кругов, интересовавшиеся пресс-конференцией, проводившейся после визита экс-президента США Дж. Картера в КНДР, и высказанными им словами, давали оценку: «Видимо, он, получив аудиенцию у Президента Ким Ир Сена, попал в колдовство». Не только Картер, но и… все деятели, вернувшиеся после встречи с Президентом Ким Ир Сеном в Пхеньяне, без исключения представляли мысли

Президента Ким Ир Сена». В самом деле Картер через 5 лет после встречи с ним, т. е. в ноябре 1999 г. в интервью, данном корреспонденту таиландской газеты «Нэйшн», признался: «Президент Ким Ир Сен обладал простыми и скромными качествами, и наша беседа с ним прошла отлично».

Он был так безгранично прост и скромен в разговоре, что уже в первый миг встречи с ним собеседник испытывает теплоту привязанности и ему не терпится изливать всю свою душу перед ним. Он со светлой улыбкой на лице близко общается с любым человеком, кем бы он ни был, интересно рассказывает общедоступными словами, любит говорить с шутками и прибаутками. Свойственную ему силу дружбы и близости отнюдь нельзя сравнить с каким-то искусством дипломатии и, конечно же, с какой-то магической силой.

Эта сила рождается обаятельностью теплых его слов в разговоре с другими.

Язык – первое средство общения людей. Он концентрированно отражает, не говоря уж об уровне интеллектуальности человека, взгляд и подход к собеседнику. Давно Ф. Энгельс отметил: «…Язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание…» Это можно считать изречением, выражающим смысл: манерой говорить определяется подход к людям и оцениваются личные качества, человеческое достоинство говорящего.

Каждое слово Ким Ир Сена, притягивающее душу каждого человека, проникнуто безграничной скромностью, простотой и

ноткой искренности. Каждое его слово в разговоре с людьми различных слоев населения всегда полно чувства уважения, любви, доверия, привязанности к человеку, и оттого каждый собеседник ощущал чувство близости и дружбы к нему.

Кстати, было немало тех, кто очень хочет увидеться с ним, а, если настал долгожданный час, от слишком большой душевной напряженности не может даже делать ему поклон, как положено. Ким Ир Сен отлично знал это и при каждой встрече с другими сознательно старался, чтобы они не испытывали неловкость.

Задушевный его разговор начался, как правило, с нежного, любезного приветствия. Где бы он ни был, при встрече с собеседниками, светло улыбаясь, первым высказывал слова приветствия, когда они даже не успели поздороваться. И при встрече с руководящими работниками, и при встрече с рабочими и крестьянами, даже при встрече с детьми он первым обращался к ним с теплыми приветствиями, прежде чем получать от них лучшие пожелания.

Его любезные и теплые приветствия: здравствуйте! Рад видеть вас. Как поживаете? Здоровы ли? Очень приятно так встретиться! Рад встрече! Такими словами он выражал свое искреннее приветствие.

Порой, несмотря на большую занятость государственными делами, выкраивал ценное время для гостей. И при этом он говорил: извините, пожалуйста, за опоздание, прошу прощения за то, что заставил вас ждать меня. Так он, здороваясь с ними, откровенно говорил о том, что у него в душе.

Он был Президентом, представляющим государство, но на

встрече с любым, кем бы он ни был, – будь то он простым трудящимся, будь то он иностранным гостем, – здоровался с ним тепло, любезно, с открытой душой. Он первым обращался ко всем с сердечными приветствиями, полными чувства уважения и доверия к ним. Таков был свойственный ему способ разговора с другими, который моментально разряжает их душевную напряженность и захватывает их сердца.

Слова беспредельно простого и скромного Ким Ир Сена всегда были интересными и общедоступными. Если его приветствия, полные теплоты человеческой привязанности и сердечности, дали прежде всего собеседникам понять его искреннюю душу, его желание разрядить их душевную напряженность и вести откровенный, непринужденный разговор, то в его простых словах в разговоре с другими таилась притягательная сила – его сердечность полностью владела сердцами собеседников, которые незаметно для себя очаровывались ей.

Не говоря уж о беседах с отдельными руководящими работниками и рядовыми трудящимися, все его слова вплоть до докладов и других выступлений на важнейших собраниях партии и государства были интересными и доходчивыми. В частности, его слова в разговорах с рабочими и крестьянами, интеллигентами или деятелями искусств, с другими простыми тружениками общества были очень интересными, популярными, учитывающими их психологию – не верилось бы, что они сказаны Президентом государства.

Интересные и доходчивые слова – это такие, которые понимаются легко, заслуживают внимания, находят широкую дорогу ко

всем, образуются из разнообразных живых метафор и четких выражений и общедоступной, немудреной логикой приобщают людей к принципам жизни и борьбы.

Он был великим мыслителем, выдающимся политическим деятелем, но на встречах с рабочими и крестьянами, с руководящими работниками и детьми всегда, как правило, рассказывает им интересно и доходчиво. Он простыми словами, обычно употребляемыми людьми, рассказывал для легкого понимания всеми. И, естественно, его словами увлекались каждый и все, которые легко понимали их смысл и содержание.

Селиг Гаррисон, научный сотрудник американского фонда Карнеги, кому довелось встретиться с ним в мае 1972 г., отметил: «Президент Ким Ир Сен очень спокойно получал заданные мною вопросы, помогал мне во всем и отвечал на вопросы легко для понимания. Президент Ким Ир Сен был человеком теплой души и обладал огромной силой, притягивающей к себе человека». Это можно считать отражением откровенной души человека, очарованного его общедоступными, немудреными словами.

Интересные, понимаемые для всех слова Ким Ир Сена характеризуются обилием живых сравнений и четких, ясных выражений. Так, при выдвижении идейно-теоретических разработок или политических вопросов он широко употреблял блестящие изречения и метафоры. И при собеседовании с другими он живо и метафорически объяснял тему рассказа привычными для них словами массового употребления и житейскими выражениями.

Некоторые примеры его слов: идеальное общество, в котором осуществлена самостоятельность человека, он определил как то

общество, в котором все люди одеваются в шелк, питаются вареным белым рисом с мясным супом и живут в домах с черепичной крышей; железнодорожный транспорт, ведущую отрасль народнохозяйственного комплекса, он сравнял с артерией страны. Это часть из живых экспрессий народного характера и богатого содержания, которые употребляют он в разговоре с другими. И еще: когда речь идет о здоровье и долголетии человека, он рассказывал, что «молодость – до 60 лет, а старость – после 90 лет». Касаясь партийной жизни, он доходчивыми словами говорил: то, что партийцы находятся вне поля контроля со стороны партии, так опасно, что малютка отрывается от материнских объятий. Рассказывая о необходимости зрелости и продуманности в стиле деятельности руководящих работников, он метафорически говорил: перепрыгивая через ограду, обезьяна, поверив в свою ловкость, пытается спешно прыгать вверх и падает наземь, а полоз, взвешивая безопасность забора, переползает и не падает.

Даже в случае, когда нужно поручить работникам какие-то задания или указать на их недостатки в делах, он больше употреблял живых метафор и глубокомысленных выражений из интересных сказок или поговорок, чем официальные распоряжения и приказы, чтобы слушатели сами познали сказанные им.

Ким Ир Сен, с отеческим сердцем заботившийся о жизни населения, 13 марта 1959 г. посетил Кёнсонский керамический завод. Он, осматривая цехи предприятия, ознакомлялся с делами производства. В сортировочном цехе он берет в руку одну чашку и внимательно разглядывает ее. Качество продукции в коей-то мере улучшилось, но видит: пока еще оставляет желать многого:

толщина большая, неясная белизна, неточность размера, словом, невысокое качество продукции. Душа не лежит ему, человеку, который желает дать людям лучшую кухонную утварь.

Пора уехать. Чтобы провожать его, вышли девушки-формовщицы. Обводя их своим взглядом, лидер страны говорит: керамика, сделанная вами, не так уж изящна, красива, как вы. Вот это беда. Женщины-то утром встают, умываются, а затем, взяв в руку зеркало, подводят брови, приводят в порядок свое лицо. Таким образом, изделия вам следует выпускать красивые с искренней душой.

Так говорил он, улыбаясь, – и все вместе с ним улыбались. В минуту отъезда он напоминает: гончарное производство – это своего рода искусство, требующее тонкости и точности. Впредь сможете ли вы поднять качество изделий от нынешней отметки «тройка» до «пятерки», спрашивает он. Послушав уверенный ответ рабочих, он покинул завод.

В пятибалльной системе «тройка» почти близка к «двойке». Однако он за это не упрекал их, не спросил с них. Только интересной метафорой он помог работницам предприятия иметь правильную позицию, верный подход к гончарному производству.

Правду сказать, женщины, любящие красоту, каждый день ухаживают за своим лицом, чтобы оно выглядело более красивым. Это есть для них своего рода распорядок дня, да и моральный долг их как цветков в обществе. Именно эти житейские штрихи у женщин он взял в живой пример. Аналогичные его слова не могли не воздействовать на совесть человека, если он не бесчувственный чурбан.

После этого отмечены определенные успехи в улучшении качества керамических изделий. В то самое время он еще раз посетил этот завод и спросил у главинжа, есть ли у него малолетний ребенок, и добавил: **«Если мы хотим отменно выполнять роль отца, то, как мне кажется, следует больше выпускать посуды для детей»**, и вдохновлял его на дальнейший рост ассортимента продукции и ее количества.

Это было не критикой или привлечением кого-нибудь к ответственности, а юмористической метафорой. Но от его слов руководители и рабочие фабрики, конечно же, испытывали угрызение совести, да и после этого добились больших успехов в деле улучшения качества керамики, увеличения ассортимента и объема производства изделий.

16 июля 1964 г. он посетил Яксускую среднюю школу в уезде Чхансон. При его присутствии учителя дали концерт. Но тут была допущена большая ошибка – диссонанс в музыке. Художественное представление должно быть вестись на высшем уровне, а оно было дано не ахти как. Ошибка не могла не быть серьезной.

Руководитель школы, чувствуя большую виноватость и неловкость, просто не находил себе места. А Ким Ир Сен, наоборот, продолжая аплодисменты, вдохновлял выступавших словами: **«Проявите только энтузиазм – впредь сможете выступать еще лучше. Искренность трогает небеса. Хорошее начало – половина дела. Выступали хорошо»**.

После представления Ким Ир Сен пошел в фойе. Он снова вдохновляюще говорил: концерт дан отлично. Знаете, самое главное – энтузиазм и всеобщая мобилизация. С высоким энтузиазмом сможете дальше развиваться.

«Искренность трогает небеса», **«Хорошее начало – половина дела»**, **«Главное – энтузиазм и всеобщая мобилизация»**. Слов было несколько. Но их смысл: энтузиазм важнее художественного дарования. Через них красной нитью проходят его ожидания и доверие, что если они будут проявлять энтузиазм, то непременно смогут выступать еще лучше. Это было выражением его вдохновения: скажем, пока еще выступления не считаются совершенными, но доброе начало дела имеет свое значение, так что если больше проявлять энтузиазма, то ожидается дальнейшее развитие.

Приятный на слух, общедоступный его рассказ характеризуется составлением интересного сюжета из юмористических экспрессий и жизненно-бытового содержания.

Подобные его слова, обильные шутками, прибаутками и жизненно-бытовыми штрихами в обращении к собеседникам, создают, как правило, светлую атмосферу рассказа и своей привлекательной силой радуют душу слушателей.

Когда на скромном в будни обеденном столе появляются курятина или соевый творог тубу и другие редкие блюда, он в шутку спрашивает, какой сегодня праздник, и веселит душу сидящих за столом. Порой своим курьезным рассказом о том, что какая-то безумная коротконогая птичка подражала журавлиной походке и, наконец, умерла с разорванными ножками, создавал веселую атмосферу и вместе с тем подчеркивал необходимость жить своим умом, по-нашему. Другой пример: он входит в классную комнату школьников нового приема и подходит к шалунишке с царапанным коленом. Согнув спину, он, поглаживая по царапине, спрашивает, в каком «бою» мальчик участвовал и получил «ранение», – и вместе с детишками громко смеялся.

И на встречах с иностранцами и зарубежными соотечественниками, даже в беседах и на банкетах с гостями на уровне глав государств он часто своими шутками и прибаутками создавал безгранично дружественную атмосферу.

Вот пример. До освобождения Кореи это было на дальневосточной учебной базе бывших советских войск. Какой-то советский воин, попробовав блюдо из лягушек, очень беспокоился, как бы не узнала это жена. Эту бедняжку спас из тупиковой ситуации Ким Ир Сен. Он сказал, что сам угощал того воина «мясом небесной курицы», которым лакомятся только особые люди, и даже подражал крику «кукареку», что надорвало животы у всех со смеху. Однажды на встрече с артистами художественного ансамбля из Китая он рассказывал гостям о корейской старинной легенде о восьми небесных феях в горах Кымган («Алмазные»). Он, делая вид, что ему очень жаль, говорил китайским артистам, что если есть среди них парнишки, то им следовало бы подняться на озерца Пхаль («Восемь озерец»), чтобы повидаться с небожительницами. Рассказ его, конечно, вызвал в зале веселые улыбки. И во время приема, устроенного в честь 80-летия Ким Ир Сена, он, питаясь вместе с главами зарубежных государств *куксу* в холодном бульоне на большом подносе, напоминал гостям небезынтересный рассказ о происхождении этого блюда – о том, что давным-давно феодалы-чиновники, стараясь соприкасаться ртами с кисэн (женщина в старой Корее, прислуживавшая мужчинам на пирах и развлекавшая их пением и танцами – ред.),

полакомились *куксу* в одной посуде. Все собравшиеся в зале приема сразу покатились со смеху.

Дзюдзи Куно, депутат палаты представителей из ЛДП Японии и министр связи, встречавшийся одно время с многими главами зарубежных стран, заявил: «Те, кто стоит на позиции лидера одного государства, даже в беседе говорят на фоне авторитета или могущества своей страны. И поэтому, можно сказать, содержание его рассказа не более чем официальное, его поведение замысловато и, как правило, показывает силу влияния». И эти слова уже дают возможность понять, какова была в прошедшие времена общая тенденция диалога руководителей государств в обращении к иностранцам.

Однако Ким Ир Сен на почти всех встречах с людьми всегда относился по-человечески и говорил о проблеме жизни. Не всмотришься в жизнь и быт – не узнаешь о человеке. Без знания о жизни не скажешь о человеке. И поэтому при обращении к другим он любил разговаривать не столько в служебном, сколько в человеческом плане, обращал большое внимание на установление не чисто деловых отношений, а жизненных уз.

С подобными стремлениями и намерениями он, естественно, начал свой рассказ прежде всего с жизненной темы. Ему было любо рассказывать в жизненной обстановке с собеседником о бытовой тематике.

На встрече с руководящими работниками он, прежде чем советоваться о ходе служебных дел, начал рассказывать о здоровье и семейной жизни собеседников. А при встрече с рядовыми трудящимися он прежде всего подробно узнавал об их возрасте, родном крае и родителях. В общежитиях он непременно спрашивал их жильцов, как они стирают белье, как купаются, не холодно ли в комнате. В жилых домах он интересовался, нормально ли работают водопроводы, хватает ли топлива.

И в беседах с иностранцами он в дружеской, теплой обстановке рассказывал о жизненно-бытовых проблемах. Так, когда-то в дни пребывания в бывшем Советском Союзе он спрашивал советских работников: и в вашей стране едят ли блюда острого вкуса, и предлагал попробовать кимчхи из огурцов и водку с корнем женьшеня. У советских людей, говорил он, имеется привычка пить вино, прежде чем попробовать блюда из рыбы, и давайте сначала поднимать рюмку. Хороший человек – старый друг, хорошая одежда – новая, продолжал он. И одного советского работника, работавшего более 30 лет для корейско-советской дружбы, он тепло назвал своим старым другом. В кругу его рассказа, связанного с жизнью и бытом, почти не было такого, которое не связано с бытовой темой, – говорилось обо всем: от жизненно-бытовых штрихов до бытовых обычаев, привычек и питания иностранцев.

Он не любил помпезно, красиво переплетенных слов. Его речь сложилась из кратких, ясных, имеющих четкую мысль, общедоступных слов, трогающих струны сердец массы людей. И сколько ни слушаешь его слов – не надоело; чем больше слушаешь – тем глубже втягиваешься в его рассказ. И, естественно, вокруг него всегда было светло, как днем, лица слушателей его рассказа всегда не покидала сияющая улыбка, вся душа у них от начала до конца притягивалась к нему.

Ким Ир Сен был человеком безграничной простоты: между ним и другими ни малейшей дистанции не было, царила всегда непринужденная атмосфера. Пойдешь в любой детский сад, в любые детские ясли в КНДР – сразу увидишь впечатляющую, волнующую картину маслом. На ней изображен любимый образ Ким Ир Сена среди детворы – будущего родной страны. Он сидит на скромной скамейке в саду, на его лице играет светлая, сияющая, как солнышко, улыбка. Вокруг него – милые мальчишки и девочки. Один из малышей «бесцеремонно» надевает на себя вкривь шляпу Президента и ласково улыбается, а другой своими обеими ручонками обхватывает его шею и шепчет ему на ухо. Все дети счастливы, что находятся вместе с родным дедушкой. Картина изображает непринужденность, простоту и теплоту родственных чувств, связывающих руководителя государства и юных граждан. Это, можно сказать, полотно своего рода исторической картины, показывающее кровные узы между вождем, народом, детьми, как они есть. Это самая прекрасная картина исторического значения, изображающая выдающегося великого человека, который открыл новый рубеж беспрецедентных в истории человечества примеров морали и нравственности, политической этики и человеческих качеств.

Если близкие, теплые чувства, красной нитью проходящие через его интересные и общедоступные слова, представляют красоту языка, то неизменная непринужденность, простота и скромность в обращении к другим являются красотой действия.

Ким Ир Сен всю жизнь сроднился со всеми людьми в делах и жизни непринужденно, без малейшей дистанции между ними. В этих его личных качествах находит свое выражение благородный взгляд на народ, которому он поклоняется, как небу. Чувства безграничного уважения к народу, поклонения ему, как небу, горячая любовь к народу, готовность самоотверженно служить ему – все это послужило духовной почвой во всей жизни высшего руководителя партии и государства, который непринужденно обращался к народу.

В октябре 1971 г. в Пхеньян приехал токийский губернатор Японии Рёгити Минобэ. Везде и всюду меняющая свой облик социалистическая Корея произвела на него огромное впечатление. Но у него все-таки оставалось одно непонятное: как же ему, Ким Ир Сену, возможно свободно ездить на завод или в деревню, идти куда хочется? Сомнение у японца было вполне понятное. Он губернатор, имеющий высшую служебную должность в столице одной страны, но не может свободно явиться даже на улицах. Так, при поездке в Пхеньян в момент посадки на самолет чуть было не подвергся налету хулиганов правого крыла.

И вот гость на аудиенции у него задал вопрос: «Спокойно ли вам, если вы так ездите куда хочется?» Получив вопрос, глава КНДР рассказывал о политике ТПК в отношении торговцев и предпринимателей, о политике, касающейся старой интеллигенции. Он добавил: я делаю хорошие дела на благо народа. Так зачем мне бояться народа? Я еду и иду куда мне хочется, но нет никаких проблем. Я иду к рабочим стройки домов, продолжал он, еду на завод или фабрику, в деревню, порой там ночую, затем возвращаюсь к себе.

Он от всей души преклонялся перед народом, глубоко уважал

его, всю жизнь сроднился с ним, жил вместе с ним скромно и просто. Когда-то к нему прибежали крестьяне с прополки полей. Он, предлагая им садиться под тенью, говорит: **«Под тенью надо садиться крестьянам, которые в поте лица трудились на полях. Мне здесь хорошо»**, – и он сел на место под палящим солнцем и с открытой душой беседовал с ними. В народных массах, этих непосредственных исполнителях дела революции, он видел бесценных товарищей по революции, с которыми ему следует разделить горе и радость, и дорогих людей, на которых он должен опираться. В непринужденном общении с ними он находил радость и смысл своей жизни.

С желанием видеть народ и всегда быть с ним он всю жизнь был в народе, общался с ним. При этом время и место встречи не были проблемой.

Если чувство поклонения народу, как небу, и безграничного уважения к нему стало духовной основой тесного общения с народом, то открытое, непринужденное отношение к нему явилось надежным для него, важным ключом к свершению революции.

Ким Ир Сен, имеющий тесную связь с народом, всегда с теплотой души, без никакой дистанции относился к другим.

Он всегда стоял на стороне простого народа, был абсолютным сторонником его интересов. Для него самое дорогое время – вместе с ними трудиться и жить. И эти часы он очень любил.

Однажды приехал в Пхеньян главред индийской газеты «Индиан таймс», чтобы поздравить великого Ким Ир Сена с его 55-летним юбилеем. Для этого он поехал в провинцию, где юбиляр руководит делами на месте. Поздоровавшись с гостем, он сказал: я

в общем-то не очень люблю отмечать день моего рождения. То же самое в этот раз. Буду в Пхеньяне – несомненно, придут ко мне руководящие работники и многие другие люди, чтобы поздравить меня с юбилеем, и поэтому я сейчас нахожусь в провинции – и во избежание такого случая, тем более и для руководства делами на месте. И он от всей души сказал: **«Мне значительно лучше быть в среде рабочих и крестьян, чем участие в банкете в честь дня моего рождения в Пхеньяне»**.

Каждый раз, когда показывается среди работников симптом праздновать его юбилей, он избегал такого случая. Такого примера было не один, не два. Когда-то во время руководства делами на месте в провинции он отменил даже план возвращения в Пхеньян, приуроченного к государственному празднику, и провел его на периферии просто с местными жителями. Так он проводил вместе с простыми рабочими, крестьянами, трудящимися массами даже день своего рождения, праздник, когда ему следовало бы получать наилучшие пожелания от всех. Всю жизнь он, непрерывно совершая рабочую поездку, находился там, где слышится дыхание народа и пульс его жизни.

10 октября 1957 г. Был знаменательный праздник – 12-я годовщина со дня создания Трудовой партии Кореи. И в тот день он был в провинции Северный Пхёнъан, руководя на месте ее делами. О его приезде слышали учащиеся Тончжуской средней школы. После уроков они выбежали из классных комнат увидеть его. Они, устремляя свой взор на противоположный берег реки, где стоит он, поднимали восторженные возгласы «Ура!», притопывая ногами от радости. Глядя на детей, он машет рукой. Несмышленые

дети, охваченные хлынувшим волнением, ни о чем не обдумываясь, поднялись на судно на берегу реки. Судно не успело причалить, а дети суетливо спешат спрыгнуть с судна в воду. Все дети собрались. Ким Ир Сен спрашивает: занятия кончились? Как вы, ребята, учитесь?

Он относится к ним так непринужденно и тепло, что каждый из них в мокрой одежде силится взять его за руку. Видя эту картину, сотрудники, явно обеспокоенные, всячески старались остановить их, но не успели. Поступки детей переполнили чашу терпения у одного из сотрудников, и он грозным голосом кричит: «Ребятки, так поступать нельзя!» Дети нехотя начали идти назад: поняли свою чрезмерную невежливость и недостойность поступка.

В ту самую минуту Ким Ир Сен обращается к нему: **«Оставь детей в покое. Я-то, занятый делами, не мог посетить их школу. А вот они сами пришли сюда ко мне. Незачем на них кричать»**, – и жестом руки зовет к себе детей. Они, отошедшие назад, опять гурьбой собирались к нему. Он каждого из них спрашивает: кем ты станешь, повзрослев, и поддерживает их надежду. Ну что ж, говорит он, скоро солнце заходит за горою, сфотографируемся, ребятки. Затем он со всеми садится на дерн. А теперь опять беда: каждый из детей хотел сесть поближе к нему, и в центре получаемой фотографии не мог быть он. Тут Ким Ир Сен фотографу, не осмелившемуся спустить затвор, говорит: помещай в фокусе ученика, стоящего в середине. На фотографии должны хорошо показаться лица учащихся. Скорей снимай до захода солнца.

Это была такая же картина, запечатлевшая близкие отношения

между родным отцом и детьми. Фотография того дня остается в истории корейской революции немеркнущей картиной, показывающей его любовь к подрастающим поколениям.

Он своим сотрудникам, помогающим ему в делах, с искренней душой сказал: у меня есть что подчеркнуть вам. Не мешайте мне непринужденно встречаться с другими. Еду на завод – рабочие, собираясь вокруг меня, изливают мне всю душу. Еду в деревню – я беседую с крестьянами, сидя вместе с ними. Не позволять мне делать это – не дело. Народ желает встречаться со мной, и мне хочется встречаться с ним и разговаривать. Я рад встречаться с другими, а они встречу со мной считают счастьем. Понимаю, что вы, товарищи, можете беспокоиться о моей безопасности. Но это, я бы сказал, напрасная тревога. Наш народ от всей души верит в партию, поддерживает ее, а я твердо верю в народ, уважаю его.

Постоянно быть ближе к народу, жить вместе с ним с открытой душой – в этом он видел свое величайшее счастье.

Так было и в дни войны. Когда-то ему довелось встретиться в простой крестьянской избе с образцовыми бойцами, он сказал им: **«Знаете, тесно мы сядем – больше сблизимся. Не стесняйтесь, садитесь поближе»**. Так посадив их ближе к себе, он беседовал с ними, проводил массовые увеселения, сам пел песню **«Тоска по родине»**. Верховный Главнокомандующий пел перед солдатами и сержантами, самыми низкими по служебной должности, – это отнюдь не было простым выражением каких-то чувств певца. Это, надо сказать, было гимном великого человека о любви, насквозь проникнутым ноткой искреннего желания того, кто без никаких

различий непринужденно относится к простым солдатам не с точки зрения служебной должности, а с позиции простого военного.

Как-то раз ему довелось побывать на острове Туру. Поздоровавшись с крестьянином на поле, он собирается взять крестьянину руку, а собеседник, не решаясь протянуть ему свои руки, которыми только что он возился с навозом, потирает руки себе по брюкам. Тут Ким Ир Сен говорит: не стесняйтесь, ничего, крестьянские руки-то такие, и тепло берет ему руки.

Среди документальных фотографий, показывающих его революционную деятельность, немало таких, которые сняты вместе с другими в непринужденной обстановке. Особое внимание привлекают те, на которых он сам берет другого под руку. Так он снялся вместе с крестьянином Ан Даль Су. На фотографии, снятой вместе с Ли Ин Мо, патриотом – несгибаемым борцом за объединение страны, Ким Ир Сен нежно кладет свою руку на плечо его, сидящего на трехколесной коляске. Беседуя с сиротами, такими, как Чвэ Ён Ок и ее сестренки, он снялся, крепко взяв им запястья рук. Он был так рад видеть новорожденных тройняшек, что снялся, обняв их, как своих внучков.

Он относился к другим столь просто и любезно, что они, даже не успев узнать, с кем разговаривают, фамильярно говорил на ты. Такого было не один, не два. Всем известно, что в дни антияпонской борьбы он общался с жителями партизанского района так просто и близко, что кое-кто из них ошибся в нем – считал его не Командующим, а управляющим делами в районе. В первые дни после освобождения страны он в какой-то столовой, где продается корейское блюдо *куксу*, вел себя так просто, как и другие,

что один крестьянин, даже не успев узнать его, громким голосом просил его табака. О подобных разнообразных эпизодах можно узнавать только при ознакомлении с историей его революционной деятельности.

И к иностранцам, людям разного гражданства, разного цвета кожи, разного языка, он относился близко, просто, не ограничиваясь протокольными порядками. К людям других стран, кем бы они ни были, – будь то они официальными лицами на уровне глав государств, будь то простыми общественными деятелями – он относился скромно, без дискриминации, без заведенного шаблона и трафарета.

Во время визита Ким Ир Сена в Мавританию президент этой страны находился в действительно затруднительном положении. Пригласил гостя в свою страну, но его не покидало сомнение: «Разве приедет ли он в мою страну, такую отсталую, в которой ощущается во всем трудность?» Ведь в стране не было временной резиденции для высокого гостя, не было и отдельного помещения для переговоров и зала для банкета. А нужно было встречать известного всему миру человека, – и президент той страны не мог не испытывать затруднения. И его супруга, француженка, получив о приезде гостя, растерявшись, говорят, не находила себе места. Однако их тревога вмиг устранилась словами Ким Ир Сена, который сказал: мне давно нравится, так сказать, палаточная жизнь. Когда я партизанил, мне 15 лет приходилось жить в палатке. Теперь я стал Президентом государства, но зачем же мне нельзя жить в палатке, отметил он непринужденно.

Ким Ир Сен без никаких стеснений уважительно относился

к бытовым обычаям той страны. Оттого ли мавры вдохновились, они и во время банкета угощали его по своим обычаям. Президент той страны, обрадованный истинным пониманием гостем жизни в его стране, сказал ему, что мясо подмышечной части у овцы самое вкусное, и, помыв свои руки, оторвал мясо собственными руками и предложил его высокому гостю из КНДР. И в этот раз он, не показывая никакого стеснения, получил оторванный главой той страны кусочек мяса, как он есть.

С давних времен у мавров была бытовая привычка – забив овцу, они наполняют ее брюхо рисом, на огне жарят ее целиком, затем ставят на стол, руками берут и едят блюдо. И при участии гостя хозяин своими руками прямо берет блюдо и дает его гостю. Когда гость несколько раз получает и ест то, что берет хозяин дома, по мнению мавров, ощущается настоящее чувство близости. Судить это в свете бытовых обычаев питания корейцев, тем более, брать в рот то, что другой взял руками, – говорить об этом не так уж легко. Однако он с удовольствием относился к их сердечному гостеприимству. Он пробовал баранину из целиком пожаренной овцы отнюдь не впервые только в Мавритании. Подобное угощение было и в Алжире, и в Монголии. И во время визита в бывшую Болгарию он уважал бытовые обычаи местных жителей, по которым при встрече с дорогим гостем они предлагают ему нести на коромысле две большие корзины, наполненные черешней. Так он под вишней птичьей, несмотря на уговоры сопровождавших, сфотографировался с людьми той страны на память.

Так он больше уважал бытовые традиции и обычаи иностранцев, чем дипломатические обычаи и порядки, больше дорожил непринужденными близкими отношениями с ними. И поэтому, в любых других странах он, где бы ни был, по-человечески близко общался с иностранцами и мог более слаженно вести работу.

Как видно из всего этого, он при общении с родным народом, с иностранными друзьями больше дорожил аспектами человечности и просто и скромно относился к ним. Все это, разумеется, привело к дальнейшему прославлению его престижа, достоинства, авторитета. И еще более глубоко запечатлелся в сердцах и умах людей всего мира благородный облик Ким Ир Сена как великого человека.

Скромная жизнь

При японском колониальном режиме был выпущен журнал «Самчхолли». На его страницах помещены заметки в форме беседы Командующего Ким Ир Сена с помещиком-патриотом Ким Чон Бу, находившимся немногим более четырех месяцев, с конца августа 1936 г. по начало 1937 г., в тайном лагере КНРА.

В них, в частности, говорится: «…Человек это рослый, с зычным голосом. По говору вроде бы уроженец провинции Пхёнъан. Вопреки всяким предположениям, очень молод. Ему не более 30 лет, полон молодецкой силы. В совершенстве владеет маньчжурским языком. А в голосе у него командирский тон почти не слышен. Ведет он жизнь точно такую же, как и рядовые бойцы. Даже в одежде и питании не отличается от них; в горестях и радо-

стях – всегда вместе с ними. Кажется, именно в этом кроются его притягательная сила и обаяние…»

В те годы была введена жестокая цензура японских властей на информационные материалы, но эта публикация сравнительно подробно и объективно изложила откровенные чувства Ким Чон Бу в отношении выдающихся человеческих качеств Ким Ир Сена.

Ким Ир Сен, как говорилось в журнале «Самчхолли» до освобождения страны, жил всю жизнь скромно. Так жил он в любое время и везде. В этом состоит и одна из характерных черт благородных качеств его как безгранично скромного, но великого человека.

Давно он как никто другой точно познал ценность и значение скромного образа жизни в формировании личных качеств человека и в революционной борьбе.

Его взгляд на настоящую жизнь человека – чем скромнее живешь, тем лучше. Скромный образ жизни человека повышает шкалу его личных качеств, дает ему пользоваться уважением и любовью масс, всегда тесно общаться с ними в делах и жизни – таков был ценный принцип жизни, подтвержденный им на практике своей борьбы. И поэтому он на каждой встрече с руководящими работниками постоянно подчеркивал необходимость жить скромно и просто, сам показывал при этом свой практический пример.

Скромный образ жизни у него неизменным был всегда – и в дни борьбы за возрождение Родины, и в годы после освобождения страны, и в период прокладывания пути к процветанию Отчизны и, конечно же, в дни престарелого возраста.

Беспредельно благородные качества, скромность и простота

великого Ким Ир Сена берут свой исток в бескорыстности и честности всей его жизни, которые стали ее привычками. Такая его жизнь, зиждущаяся на особом взгляде на богатство, имущество революционера, как правило, превышала воображение людей.

С первоначального периода своей революционной борьбы он в отличие от других считал благородные идеи и высокий дух самым ценным богатством революционера.

Всю жизнь он встречался с многочисленными людьми, среди которых настоящим богачом он считал не кого иного, как самого типичного представителя интендантской службы КНРА Ким Чу Хёна, который во весь период участия в революции самоотверженно боролся за решение проблем питания, одежды, жилья бойцов революционной армии. Ким Чу Хён и после назначения его комполка, как в дни интендантства, глубоко заботился о питании, обмундировании, жилье боевых друзей и смертью храбрых погиб. Собирал мед для больных, лежащих в тыловом лазарете, погиб во время внезапного нападения японского карательного отряда. После его гибели открыли его оставшийся вещмешок. Но в нем ничего не было. Не было даже запасной пары обуви – этой необходимой для каждого вещи. Накануне он отдал ее бойцу, у которого обувь порвалась. И вещмешок оказался пустым. Ведь если сложить в одну кучу все, что достал он для революционной армии со времен своего интендантства, – и зерно, и ткани для обмундирования, и тысячи пар обуви – то получилась бы, наверное, целая гора. А после его смерти остался только пустой вещмешок. Поэтому если ценить его жизнь в свете имеющегося имущества, то он был человеком неимущим, у которого не было

своего собственного. Ким Ир Сен, держа в руках оставленный им пустой вещмешок, не мог сдерживать нахлынувшие слезы. Воспоминая горести того дня, в которые он погрузился, он об имуществе революционера, о его взглядах на жизнь в своих мемуарах **«В водовороте века»** пишет:

«Стремиться к счастью – это в природе человека. На свете много таких, кто ценит только золото. В их глазах наш друг был неимущим, у него за душой не было ничего. Я же думаю, что именно Ким Чу Хён был настоящим миллионером. Это потому, что до последней минуты своей жизни он хранил благородные идеи и дух, которые не купишь за любые горы золота».

Всю жизнь он имел взгляды: самое большое имущество революционера – благородные идеи и высокий дух. Таковы были у него особая точка зрения насчет достояния революционера, особый взгляд на человеческую жизнь. Поэтому он дорожил идейно-духовным наследием, полученным от своих родителей, как самым ценным, несравнимым ни с каким-то материальным богатством, и всю жизнь жил бескорыстно.

Для него деньги или материальное богатство имели значение только для роста благосостояния населения. Он ни разу не связывал их с собственной жизнью.

Однажды один из сотрудников принес ему зарплату плюс расходы на работу, потому что он покрывает эти расходы за счет своей зарплаты. В то время он сказал ему, что нельзя нарушить финансовую дисциплину государства и что все остальные деньги, кроме определенной зарплаты, нужно вернуть в госказну. И

еще: на каком-то заседании кабмина выдвинут вопрос о том, что зарплата ректора Университета больше зарплаты Председателя кабмина. В то время Ким Ир Сен сказал: здесь служебная должность ни при чем. Ректор Университета – ученый, так что он должен обязательно больше получать зарплаты, четко и ясно подчеркнул он.

Он всю жизнь был занят большими делами государства и посвятил всего себя делу корейской революции. Однако категорически отказался от предложения сотрудников повысить ему зарплату.

С детских лет он не интересовался деньгами. Отец ни разу не дал ему денег. Тоже была мать. Что касается тетрадей, карандашей и прочего, он употреблял только те, которые купила мать. Когда сын стал на путь революции, мать дала ему 20 юаней, которые зарабатывала она за счет тяжкого труда, стирки чужого белья по найму. Но она дала их не как расходы на жизнь, а как своего рода средства для революции, которые нужно тратить в трудной ситуации, которую нельзя было бы преодолеть без денег.

Пленишься деньжатами или вещами – не считаешься с делом партии, вождя, Родины, народа и, в конце концов, скатишься в болото отребья, забудешься даже о своих родителях, женах, детях – такова была его глубокая убежденность. И поэтому он сдал даже все деньги на свою долю делу счастья народа.

В один из ноябрьских дней 1993 г. в Вонхваском сельхозкооперативе уезда Пхёнвон провинции Южный Пхёньан в торжественной обстановке проходило собрание для отчетного распределения доходов. Ким Ир Сен давно зарегистрирован как почетный член

кооператива с послевоенного периода социалистического кооперирования сельского хозяйства. На собрании было принято решение о передаче ему доли распределения в сумме 102 485 вон, вложенных в сберкассу за минувшие 10 лет с лишним. Это было выражением глубокой благодарности Ким Ир Сену, который приложил огромные усилия для работы кооператива – давно в огненные дни войны вместе с местными крестьянами весной посеял на поле, с той поры ясно осветил путь развития хозяйства и проявлял большую заботу обо всех сторонах жизни кооператива.

Внимательно выслушав информацию о проведении собрания по распределению доходов, он говорит: на мою долю 100 тысяч вон… Владелец такой суммы денег, я бы сказал, богач. Когда создавался кооператив, не было и порядочного одеяла… «Моя доля при распределении такая большая, что сам не знаю, куда ее тратить…», – эти строки песни даже вслух напоминал он с огромным удовольствием. Через паузу он добавляет: теперь я стал богачом, так что обязан «угощать» их. За эти деньги будем покупать тракторы, грузовики, сельхозмашины, чтобы дополнить их парк в кооперативе.

Прошло несколько дней. Он вместе с одним из сотрудников подсчитал итоговую сумму денег для машин, направляемых в сельхозкооператив. **«Потребуется 104 тысячи 300 вон? Значит, на 1800 вон с хвостом больше, чем мои сбережения. Что мне делать-то? У меня денег нет. Прошу, товарищ старший секретарь, одолжить мне, пожалуйста. Расплачусь с долгами в следующий раз из моей доли доходов при распределении»**, – весело улыбался он.

Итак, в общей сложности 22 трактора, прицепа и автомашины направились в Вонхваский сельхозкооператив. Навстречу им пошли на четыре километра крестьяне, конечно же, с песнями и танцами. Волнующий эпизод! Послушав об этом, один из европейских политических деятелей излил свою душу: «Я впервые слышал, что на свете вождь одной страны, став почетным членом сельхозкооператива, получает долю распределения. Да и впервые слышал, что он за полученные им деньги купил трактор и грузовик на благо крестьян. Десятки тысяч лет прошли с той поры, когда человечество начало заниматься земледелием, но это, прямо скажу, действительно легендарный рассказ».

И в подходе к государственному и народному добру, и в повседневной жизни он всегда был бескорыстным, чистосердечным. Строго дифференциально относиться к общему и частному, не допускать их смешивание – таков его неизменный подход к делу. Иначе, по его мнению, допускается посягательство на интересы народа.

Когда-то он узнал, что работники привезли 14 фруктовых деревьев для посадки их на усадьбе его резиденции. Он упрекал их: то плодоводческое хозяйство, откуда взяли эти деревья, – бесценное достояние нашего народа, которое следует в будущем передать грядущим поколениям. Разве допустимо так вытащить ценные деревья, выращенные народом в поте лица? Немедленно надо перевезти обратно их и посадить там. Как-то раз ему довелось руководить делами в какой-то местности. В то время он узнал, что местные работники с целью больше создавать ему удобств прокладывают дорогу и строят отдельно для него небольшой дом. Он

строго пожурил их: я ехать-то еду, что за важность? Почему в такую страдную пору гнать народ на прокладку дороги, построение дома, а? Знаете, государственное добро и есть имущество народа. Допустимо ли так растратить его? Если принести ущерб госимуществу, придется нести ответственность перед народом.

Что касается случая посягательства на добро государства, на имущество народа, каким бы ни было основание на то, он не допустил ни малейшей уступки или «скидки». Волнующих рассказов об его безгранично чистых, честных духовно-моральных качествах – неисчислимое множество.

Для простых трудящихся он предлагал построить новые дома со всеми удобствами, но для своих дедушки и бабушки не построил ни одного домика. Он с болью в душе говорил: они столь много страдали, но я для них ничего не сделал. Если есть то, что сделано мною, то я купил для бабушки очки для дальнозорких, ничего другого не было.

Так бескорыстно, скромно, просто жил он, конечно же, все члены мангендэской семьи.

Перед руководящими работниками он часто подчеркивал: **«Каждый из нас, кем бы он ни был, не должен превышать народ по уровню жизни»**, и показывал при этом личный практический пример. С первых дней после освобождения страны он изменил норму материального снабжения руководящих работников. Он строго сказал: и Председатель Кабинета Министров не вправе быть особым в материальном снабжении. И в семейной жизни он не нарушил этого правила. Деньги для его семьи – только его заработная плата. Все, что расходуется в его семье, никогда не превысило норму, установленную государством.

В честь заслуг Ким Ир Сена, с желанием ему долголетия и доброго здоровья корейцы, в том числе зарубежные соотечественники, а также общественные деятели разных стран мира преподнесли ему большое количество подарков. Однако все эти подарки, как правило, стали достоянием народа. В универмаге он сам купил по выписанным чекам на прилавке товары, одинаковые с теми, которые употребляют простые люди. Но подарки, преподнесенные ему народом, он послал в полной сохранности трудящимся в тяжелых, трудоемких отраслях, заслуженным работникам.

В горах Мёхян, славящихся неповторимой красотой природы, стоит Выставка дружбы между народами, которая является величавым монументом в эпоху Трудовой партии, концентрированно выражающим чувство почтения к великому человеку. Здесь экспонированы подарки, присланные Ким Ир Сену лидерами государств и партий, деятелями, организациями, учреждениями разных стран мира. Само название выставки, ставшей объектом экскурсии для многочисленных людей в стране и за рубежом, связано с незабываемой историей.

В прошлом Корее приходилось приносить другим странам ценные, редчайшие вещи в качестве даров. Однако после того как Ким Ир Сен стоял у руля партии и государства, ему стали приносить огромное количество подарков многочисленные страны и народы мира. Да, это было ярким выражением всемирного признания и хваления его идей, руководства и свершений, чувства доверия очарованных величием выдающегося человека народов мира к нему.

Однако он ни разу не считал полученные им подарки только своими личными. Он говорил: **«Полученные нами все подарки – это имущество государства, отнюдь не отдельного человека. Стало быть, все это следует хранить на выставке подарков»**. Подарки, полученные от других стран, все без исключения, продолжал он, есть государственное сокровище, имеющее историческое значение, и их надо бережно сохранить. В этих волнующих словах находит свое выражение его стремление адресовать даже славу в его честь к самому народу.

По его предложению планировано построить на хорошем месте в горах Мёхян новую выставку для экспозиции подарков. В то время он сказал: если ценные подарки хранятся не как следует, то грядущие поколения могут ругать нас. Следует продуманно экспонировать подарки, бережно сохранить и показывать их нашему народу и иностранцам.

Итак, появилась Выставка дружбы между народами, которую стали посещать тысячи, десятки тысяч корейцев, в том числе зарубежных соотечественников, и иностранных гостей.

По этому поводу один из соотечественников с Юга во время собеседования заявил: «Нигде в мире я не слышал, что высший руководитель государства создал такую выставку для народа. Хотя мне ни разу не довелось встретиться с Президентом Ким Ир Сеном, но я всеми фибрами души ощущал его личные качества. Чем больше смотрю экспонатов, тем глубже становится чувство почтения, уважения к великому человеку».

Политические деятели других стран в общем-то не предают гласности подарки, полученные от других. Они, считающие их

только шкалой своих личных качеств и достоинства, хранят и используют их как личное имущество. И в случае показа их другим они, как правило, считают их предметом хваления человеческих качеств своей отдельной личности.

Однако он передал полученные им многочисленные подарки в собственность государства, чтобы они стали сокровищами страны, символом достоинства и могущества народа. Он осматривал Выставку достижений трех революций, исторические музеи и все другие монументальные здания, гробницу короля Тонмёна и другие исторические памятники, но так и до последних дней своей жизни не мог осмотреть все, что было на выставке, где экспонированы полученные им подарки.

Первейшим богатством революционера он считал не деньги, не имущество, а благородные идеи и здоровый дух. Он всю жизнь жил бескорыстно и честно. Кроме него, ни у кого не найдется такого взгляда.

Во всем в жизни – и в питании, и в одежде, и в жилье – он был всегда скромным и простым. Таким был он, став и главой большой семьи – страны.

Революционеру достаточно только заниматься делом революции, даже если ему придется питаться кашей в холодной воде вместе с соевой пастой, – таково было кредо в его жизни. Среди любимых им всю жизнь блюд почти не было особых. В меню у него – блюда, любимые всеми корейцами, продукты массового потребления. Среди них – каша из пяти видов зерен, суп, заправленный соевой пастой, жаренье в соевой пасте, соленый чеснок, кимчхи из целой капусты, кимчхи из горчицы сарептской, салат

из дикорастущих съедобных трав, соленые мизиды и др., которые употребляются в будни. Особо любимые им «деликатесы» – *куксу* из замерзлой картошки, жидкая похлебка с целой крупой кукурузы, паровые хлебцы из картошки, вареная тыква и другие простые блюда, которые обычно приготовляют корейцы.

Самым вкусным в мире продуктом первого сорта он считал соль. Это потому, что соль входит в перечень крайне необходимых базовых продуктов, без которых ни на минуту не обойдется в жизни населения.

Насколько строго соблюдал он скромный и простой режим питания, показывает тот факт, что Ли Бо Ик, его бабушка, рассказывала работнику, сетующему на невозможность угощать Ким Ир Сена деликатесами, так: «Понимаю тебя. Но как же изменить врожденные качества моего внука, теперь Полководца, родившегося в семье простолюдинов? Справиться с этим делом не могу и я, его бабушка».

У него не только питание, но и одежда и обувь были очень скромными. В начале июля 1984 г. он, завершив визит в соцстраны Европы, находился в провинциях Северный Хамгён и Рянган, руководя на месте их делами. Однажды утром он вышел в сад. Местные работники с утренним приветствием ему не могли скрывать свое удивление. Он выглядел довольно молодым. Понятное дело, он с сияющей улыбкой на лице был в костюме с отложным воротником в галстуке. Отвечая на их приветствие, он веселым голосом говорит: **«Вы говорите, что я стал щеголем? Вижу, этому вы рады, значит, факт, что я стал джентльменом!»** Немного погодя он начал объяснять, как сшили ему костюм с от-

ложным воротником.

Этот костюм прислал ему Ким Чен Ир. Он заметил, что во время визита в Европу каждый из других членов делегации был в костюме с отложным воротником и в галстуке, а Ким Ир Сен не был таким. Сердце Ким Чен Ира не лежит к этому, и он сразу после его возвращения на Родину прислал вождю с искренней душой сшитый этот костюм. При этом Ким Чен Ир сказал: вы всю жизнь носили военную форму и костюм со стоячим воротником, немало переживали мук-мучений. Теперь я буду одеваться в костюм со стоячим воротником, занимаясь государственными делами. Моя сердечная просьба к вам: одевайтесь в костюм с отложным воротником и отдыхайте, пожалуйста.

Так рассказывая об этом, Ким Ир Сен, словно гордясь, вынимает из кармана жилетки под верхней одеждой карманные часы из платины, гармонирующие с внешним видом одежды. И эти часы с ясными циферблатными делениями тоже подготовил Ким Чен Ир.

Ким Ир Сен сказал: так одевшись, как мне кажется, сразу исчезла, как сняло рукой, вся усталость, накопившаяся со времен борьбы в горах.

Новая одежда и галстук вызвали такую большую сенсацию, что через несколько дней одно из информагентств в капиталистической стране, выражая сомнение в конкретных причинах и моментах нового одевания, чего не было за десятки лет должности главы государства, даже дало своевольный комментарий: это, может быть, не означает ли симптомы «политических перемен в Северной Корее». Конечно, эти «мудрецы» не могли осмыслить его нового одевания. Но, понятное дело, их изумило изменение

его одевания. До того времени люди мира знали его только в неизменном, одинаковом костюме со стоячим воротником.

Давно ему довелось один раз одеваться в костюм с отложным воротником. Это было в первые дни после освобождения страны. Ким Ир Сен с триумфом вернулся на Родину в военной форме, пахнущей порохом в боях с япошками. Ветераны антияпонской революции, помогавшие ему в делах в непосредственной близости, посоветовались и решили сшить ему костюм. Достали ткань коричневого цвета с узором из линейных полосок на один комплект костюма и ткань на сорочку, сшили ему одежду из них. В то время он, с удовольствием получая новую одежду, говорил: и без того я беспокоился – нет у меня выходного костюма. А вот вы, товарищи, облегчили мою тревогу.

Кстати сказать, ему предстояло выступать перед народом с речью, посвященной триумфальному возвращению на Родину, и встречаться на освобожденной родной земле с многочисленными деятелями различных кругов и слоев населения. Но, к сожалению, у него не было ни одного комплекта выходного костюма. Один из ветеранов антияпонской революции сказал ему: «В запасе нет у вас выходного костюма. И вот хотелось бы сшить вам еще один комплект костюма из хорошей ткани». Но он наотрез отказался от его предложения: **«Мне хватит этой одежды, сшитой вами»**. Страна освобождена, говорил он с искренней душой, но наш народ пока еще плохо одет, не снимает с себя пеньковую одежду. Как же мне сшить для себя хорошую одежду? Когда ускорится строительство обновленной Родины и все люди будут одеваться в хорошую одежду, то и я сошью себе новую одежду.

Так он в первый раз в костюме с отложным воротником выступил с речью по случаю триумфального возвращения на Родину и, посетив родной край Мангендэ, имел трогательную встречу с дедушкой и бабушкой. И вот впервые запечатлелся светлый образ Ким Ир Сена в таком костюме и галстуке на документальных кинокадрах и фотографиях, показывающих его историко-революционную деятельность.

Однако он до престарелого возраста больше не оделся в костюм с отложным воротником. Его, человека, делавшего все для того, чтобы дать народу еще лучшую одежду, никогда не покидала мысль: пока еще рано ему одеваться в такой костюм из ткани высокого качества.

Его требовательность, связанная с одеждой, была одинакова – как к самому себе, так и ко всем членам своей семьи, родственникам. Ветераны антияпонской революции хотели достать хорошую одежду для его дедушки и бабушки, которые до освобождения страны переживали всякие муки в тисках гнета и преследования со стороны империалистов Японии, а и после освобождения Кореи не имели комплекта порядочной одежды. Но Ким Ир Сен не принял даже их искреннее предложение. Обратился к ним только со словами: в будущем, когда весь народ станет жить счастливо, сошьем хорошую одежду и дедушке, и дяде. Дедушка хорошо знал искреннюю душу внука. Работникам было неловко, что не могли сшить дедушке хотя бы комплект порядочной одежды. Дедушка с теплотой в голосе сказал им: «Вам, люди молодые, не надо напрасно беспокоиться. Я-то очень рад видеть моего внука, теперь Полководца, человека, ко-

торый трудится ради всех граждан. Издревле поговорка гласит: отведешь глаза в сторону семейного дела – не станешь большим человеком».

Ким Ир Сен всю жизнь носил одежду обыкновенной формы, сшитую из простой ткани, в которую одевается простой народ. В этой одежде он без устали преодолевал крутой, трудный путь.

Нет такого закона о том, что в роскошном наряде надо идти в гущу народа. Ходить, ездить в необыкновенной одежде – это, наоборот, затрудняет рабочих и крестьян обращаться к тебе, – таково было правило одевания для него. Причина того, что он всю жизнь носил костюм со стоячим воротником, состояла не в чем другом, а в том, что передняя часть стоячего воротника костюма имеет форму иероглифической буквы «人», означающей народ, да и это, так сказать, «народная» одежда, которую носят все корейцы в будничные дни.

Чтобы непринужденно общаться с народом, столь любимым им, которым дорожит он, всю жизнь трудился он в такой одежде, какую носят простые люди.

Выступать в костюме с отложным воротником и в галстуке на международной арене дипломатии, с трибуны политики – это стало своего рода обычаем, модой, но этим он не интересовался. Ему было более удобно и лучше носить скромную одежду, если она помогает ему тесно общаться с народом и пользоваться его поддержкой.

Таков был у него непреложный критерий одевания. Однажды он получил от старого человека из деревни рубашку из конопляной ткани, сделанной со всей искренностью. Он был так благода-

рен ему, что перед ним попробовал носить ее и об этом всю жизнь не забывал. Как-то раз сотрудники хотели сшить ему новый костюм из хорошей ткани вместо старого, выцветшего. В то время он сказал им: почему сшить новую? Нынешняя одежда, добавил он, скромная, хорошо носить ее, когда еду на завод или в деревню, и он попросил их перевернуть наизнанку старую одежду и обработать ее как следует. Когда-то он переходил крутую гору и для физических занятий утреннего часа, и для встречи с детьми погибших патриотов. А тут ватник из меланжевой ткани у него, зацепившись за ветви дерева, немного порвался. В ту минуту он говорил: **«Почему бы мне не одеться в зашитую одежду?»**, и попросил сотрудника зашивать прореху.

Он больше любил обыкновенную обувь, обыкновенные носки для простых людей. Он обулся в кожаные туфли только на встрече с иностранцами, при участии в собраниях и при выходе в рабочий кабинет. В обычное время он постоянно пользовался парусиновыми тапочками, которые употребляют простые люди.

В каком-то году зимой сотрудники хотели заменить ему старые туфли с изношенной внутри кожаной частью новыми. Узнав об этом, он говорит им: нынешняя обувь пока еще ничего себе, незачем ее бросить, и подробно советует, как прикрепить внутри обуви кожу, как ремонтировать. Когда ремонт кончился, он очень радуется и говорит: ничем не отличается от новой обуви.

И носки он любил простые хлопчатобумажные, которые продаются покупателям в магазине. Так, и в дни ожесточенной войны он, меняя две-три пары носков, совершал инспекционную поездку

на фронтовую линию и в тыл. А когда у него появляются, конечно, редко, – шерстяные носки, он передавал их своему сотруднику или юному часовому.

Безграничная скромность и простота великого человека Ким Ир Сена выразились отнюдь не только в питании и одежде. Все, что он использовал в жизни и быту, было невообразимо скромное и простое, употребляемое народом.

Он был главой огромной семьи – государства. И в небольшой семье для ее главы выделяется, как правило, самая лучшая комната. Однако у него, где бы он ни находился, почти не было специально оформленного рабочего кабинета или канцелярии для ведения дел и отдыха.

В 1976 г. Кымсусанский Дворец съездов (нынешний Кымсусанский Дворец Солнца» стал президентским дворцом, но и после этого, не говоря уж о прежних временах, почти большую часть времени проводил он, руководя на месте делами. И поэтому у него не было отдельно выделенного для него рабочего кабинета или помещения для столовой и ночлега. Все места, ничем не отличающиеся от тех мест, где живет народ и протекает его жизнь, служили для него рабочими кабинетами, местами для ночлега и питания. Такими были и простые крестьянские избы, подземные галереи с падающей водой и вагоны поезда.

Так, во время Отечественной освободительной войны он разработал оперативный план для береговой обороны в районе Вонсана и вынашивал грандиозный замысел об открытии переломной ситуации в войне именно в простой узкой комнате деревенского дома в горной глуши в уезде Поптон провинции

Канвон. Он проводил подготовку к историческому III Пленуму ЦК партии также в комнате простого крестьянского дома в селе Хянха уезда Чанган провинции Чаган, куда просачивался дымок при каждой топке.

Так он жил не только в трудный для страны период, но и в дни послевоенного восстановления и строительства, когда происходили великие перемены и мощный разбег взяло строительство жилых домов и общественных зданий. Каждый раз, когда работники намеревались построить дом или здание для его работы, он упрекал их: **«Тогда что скажет народ?!»**, и тут же велел прекратить строительство того здания и предлагал простроить вместо него учебные заведения, детские сады и больницы.

Раньше И. В. Сталин, глава Советского Союза, направил ему в подарок легковую машину. Это была пуленепроницаемая машина высокого качества, выпущенная по специальному поручению советского лидера. И эта машина стала устаревшей – она все время бежала в дни создания фундамента построения обновленной Родины, в огненные годы войны. И среди работников были выдвинуты и предложения менять его легковую машину на новую.

В то самое время, в августе 1962 г., он руководил на месте делами уезда Чхансон. Закончив совещание, он вышел на двор и там увидел водителя, который приводит в порядок автомашину. Он говорит ему: **«Теперь и эта машина устарела»**, и внимательно смотрит на нее. Тут он спрашивает, сколько лошадиных сил у двигателя грузовика типа «Сынри – 58», выпускаемого в стране. Шофер отвечает: «70 лошадиных сил». Послушав его, он говорит: и двигатель этой машины имеет 70 лошадиных сил, так что если

в этой легковушке установить двигатель грузовика типа «Сынри – 58», то можно будет и впредь использовать ее. При этом он сказал: **«Сейчас государство очень дорожит в расходе каждой копейкой из суммы денег, заработанных усилиями народа. У нас пока еще мало денег, и мы не можем в достатке снабжать население обувью. Если имеются деньги для покупки новой легковой машины, то я посоветовал бы покупать хотя бы на пару больше обуви. Вижу, если хорошенько ремонтировать эту легковушку, то я вполне могу ездить на ней. Не попытайся купить новую машину. Будем отлично ремонтировать и использовать эту машину»**.

В этих словах находила свое отражение искренняя сердечность великого отца – того, кто все время, день и ночь, ездит во все районы страны в интересах партии и революции, на благо Родины и народа и вместе с тем желает максимально экономить, беречь все для улучшения жизни населения. Таким был он. И он купил и использовал простой веер, изготовленный кооперативом иждивенцев в каком-то городе. Он в одежде из ткани, выпущенной местной ткацкой фабрикой, шел в народ.

Он посвятил всего себя делу народа, но сам всегда жил, как другие, простой и скромной жизнью. Такая его скромность оставалась неизменной до последних дней своей жизни. Его скромная жизнь слишком заметно контрастирует с его высочайшим именем и принадлежащими ему заслугами. И, естественно, корейский народ, мысленным взором окидывая пройденный им жизненный путь, в душе проливает горячие слезы. Так он находился в народе. И его безгранично благородный облик вечно сохраняется в сердцах и умах людей.

* * *

И сегодня благородные качества великого Ким Ир Сена неизменно вдохновляют корейцев на новые свершения. Великому человеку, Солнцу, – 110 лет. Его благородные человеческие качества оставались неизменными во все времена – с молодых лет, когда он действовал на просторах Пэкту, до последних лет жизни, когда у него волосы были тронуты сединой. Эти качества вечно запечатлены в сердцах корейского народа, который с неуемной тоскою волнующим голосом зовет имя великого отца.

История деятельности великого человека непрерывно продолжается. История торжества человечества, ведомая великими людьми, и завтра, как вчера и сегодня, будет могучей поступью продвигаться, совершенствоваться с величавым кличем: «Да здравствует человек!»

Корейский народ, во веки веков не забывающий о великом Ким Ир Сене, неизменно будет почитать его как вечное Солнце нации и всеми поколениями от души желать его бессмертия!

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

Автор: Хо Сун Бок

Редакторы: Юн Ён Ир, Чан Хян Ок

Перевели: Со Чхоль Чжин, У Чон Хван

КНДР, Издательство литературы
на иностранных языках

Выпущено в апреле 111 года чучхе (2022)

E-mail: flph@star-co.net.kp
http://www.korean-books.com.kp

Издательство литературы
на иностранных языках
К Н Д Р
111 чучхе (2022)

